

МО
ССА
ЛИТ

BAZAR

С
К
И
Й

№ 2 (16) 2015

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

*Tous les genres sont bons,
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,
кроме скучного.*

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный Совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора Виртуальная реальность: диагноз и прогноз

В детстве и юности я зачитывалась фантастикой. Томами проглатывала Стругацких, Лема, Бредбери, Айзека Азимова и многих других авторов, публиковавшихся в различных научно-фантастических изданиях. Особенно мне нравились путешествия в другие галактики, на загадочные планеты, обитаемые и необитаемые; прекрасные и безобразные, большие и маленькие. Мужественные первопроходцы на огромных космических кораблях погружались в глубины Вселенной, где с ними происходили удивительные и непостижимые вещи, встречи с неведомыми существами и знакомства с иными цивилизациями.

Тогда было такое время. Человечество осваивало космос и связывало свое будущее с развитием космических технологий, с полетами на другие планеты. И писатели-фантасты, опережая будущее, прогнозировали события, строили догадки и предположения, облакая их в литературно-приключенческую форму.

Однако писатели-фантасты ошиблись. Прогресс пошел по совершенно иной траектории. Человечество оставило чужие планеты, они стали ему не интересны. Впрочем, свою планету человечество оставило тоже, сохранив ее только как базу для перемещений в виртуальные пространства, в мир высоких технологий, где и прописалось на ПМЖ, кажется, навсегда. Человечество пошло по пути унификации, автоматизации и минимизации. «Дедушка, если ты утверждаешь, что у вас телефон висел на стене и на веревочке, то как же ты мог фотографировать свой сад?» - спрашивает современный мальчишка дедушку. А действительно, как?

Мир сильно уменьшился в объеме, он сузился до размеров маленькой тонкой коробочки четыре на восемь сантиметров и в полсантиметра толщиной, в которой уместятся и телефон - не просто телефон, а видеотелефон, казавшийся когда-то нереальной, невероятной вещью, теперь он называется «Скайп», и фотоаппарат, и видеокамера, и фотоальбомы, и записные книжки, и дневники; там хранятся целые библиотеки книг, огромный кинофонд; там можно записаться к врачу, побродить по виртуальным магазинам и даже заказать товар на дом; купить авиабилеты или немедленно переместиться куда-нибудь в Венецию или в Нью-Йорк и посмотреть, что происходит там в данную минуту, и еще много, много, много чего. Да практически все. Разве могли фантасты прошлого представить себе такое? Казалось, что это за гранью фантастической мысли, за гранью разума.

А еще в этой маленькой коробочке живут друзья. Они тоже теперь туда переместились. Именно там они имеют собственный адрес, почту, в общем – постоянное место жительства. И теперь мы можем встречаться чаще. Нам незачем садиться в метро и ехать на другие станции или брать авиабилеты и лететь в другие города, чтобы пообщаться. Цепочка из теории пяти рукопожатий сократилась до четырех звеньев, как говорят ученые.

Иногда мне кажется, что прогресс – это огромная лодка, которая мчится по широкой и глубокой реке, мчится все быстрее, неудержимо набирая скорость. А там, под водой, все так же неторопливо, среди водорослей и подводных ландшафтов, идет жизнь, такая же, как и много лет назад. А по берегам реки все так же шумит камыш, и зеленеют деревья, и на темной водной глади раскрывают бутоны лилии и кувшинки. Но мы этого не видим, потому что скорость смазывает

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

картинку. Мы ограничили мир тем, что внутри нашей лодки. А может быть, зря? Ведь никакое виртуальное общение не заменит живого прикосновения рук, и шелест пожелтевших листов старой книги не сравнить с безликими электронными страницами. Погружаясь в глубину виртуальных миров, мы перестали ощущать ароматы цветущих лугов, предпочитая любоваться ими на рабочем столе своих компьютеров. Мы теряем связь с Землей, мы перестаем ощущать ее дыхание...

Лето подходит к концу. У кого-то оно было холодным и дождливым, у кого-то жарким и душным. Дни становятся короче, ночи длиннее. Но за окном еще шумят деревья, и на клумбах цветут цветы. А в садах и парках еще поют птицы. И мир прекрасен и удивителен как никогда, давайте не будем забывать об этом, время от времени покидая виртуальные пространства, чтобы послушать шум ветра, ощутить запах цветов, пройтись босиком по сырому песку и просто взять друг друга за руки.

Ваша Светлана Сударикова

М. Панфилова. Аю-Даг. Гурзуф. Холст, масло, 2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

ЗНАКОМЬТЕСЬ: независимый журналист Виктор Жук
«ДОЛГОЕ ВРЕМЯ Я ХОТЕЛ СТАТЬ ХУДОЖНИКОМ...»
Интервью с В. Жуком

6

ПРОЗА

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ЭМО

АЛЁНА ЧУБАРОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ПРОЩАЙ, ЭЛЬВИРА!
- ТЕБЯ ЗВАЛИ БЫ МОЛЛИ

АЛЕКСАНДР ГРАКОВ (Краснодар)

- СЧАСТЬЕ
- Я ЛЮБЛЮ АНГЕЛА

ВИКТОР ФЕДОРОВ (Находка)

- ПРЕСТУПЛЕНИЕ? НАКАЗАНИЕ?

ЛЮДМИЛА РОГОЧАЯ (ст. Кущевская, Краснодарский край)

- ЗВЕЗДНАЯ СКАЗКА

36

59

63

67

69

74

89

ПОЭЗИЯ

СЕРГЕЙ БАЛИЕВ (Ирбит, Свердловская обл.)

НАДЕЖДА КУТУЕВА (Волгоградская обл.)

ИРИНА МАНИНА (Кострома)

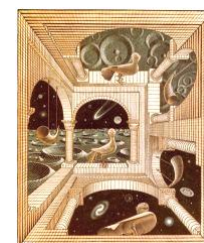
АНДРЕЙ КАЛЕЦКИЙ (Москва)

НАТАЛИЯ ОРЛОВА (Москва)

СВЕТЛАНА ТИТОВА (Барабинск, Новосибирская обл.)

РАВИЛЬ ВАЛЕЕВ (Евпатория, Крым)

СЕРГЕЙ ВОРОШИЛОВ (Петрозаводск)

92

96

99

103

106

108

112

114

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ВИКТОР ЖУК (Москва)

- 8 МАРТА И 23 ФЕВРАЛЯ. Опыты стихоплетства
- БРОСОК НА ЮГ. Стихоплетство в Крыму и Пицунде

118

124

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ВЕРОНИКА ЧЕРНЫХ (Москва)

- СКАЗКА О ВОЛЧОНКЕ
- СКАЗКА О ДЫРЯВОМ ЛИСТИКЕ И КОВАРНОЙ ГУСЕНИЦЕ
- СКАЗКА О БЕЛОМ ЕЖИКЕ

ЖЕНЯ ОБРАМОВИЧ (Архангельск). Стихи, верлибры, рисунки

145
149
150
154

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- БАКУНИНСКАЯ, 57

157

ЭССЕ - МИНИАТЮРЫ - КОРОТКАЯ ПРОЗА

СЕРГЕЙ УТКИН (Кострома)

КОРОТКАЯ ПРОЗА

162

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- ПОРА ЦВЕТЕНИЯ, или СУПЕРДЕТЕКТОР

166

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

ВЯЧЕСЛАВ ЧАЧИН (Москва)

- ПУТЕШЕСТВИЕ В ТАРХАНЫ И ОБРАТНО

169

В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. К. Эшера, М. Панфиловой, художественные работы В. Жука,
рисунки А. Народицкой, Жени Обрамович,
фотографии из домашних архивов В. Жука, И. Бурдонова, В. Чачина.
На обложке
репродукция картины М. Панфиловой «Вид из окна. Гурзуф». Холст, масло, 2005 г.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Виктор Жук
(Москва)

Долгое время я хотел стать художником...

Родился в Москве в 1934 г. Независимый журналист. Публиковал статьи на историко-литературные, общественно-политические и культурологические темы в журналах «Октябрь», «Новое время», «Кольцо А», в московских газетах «Россия», «Литературные новости», «Независимая газета», «Московские новости», «Известия», «Совершенно секретно», «Культура», в книгах Фонда защиты гласности, в альманахе «Воля», в сборнике издательства «Новое литературное обозрение», в зарубежных газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Панорама» (Лос-Анджелес) и в других изданиях. Кандидат физико-математических наук.

Московский BAZAR (МВ): Виктор, в Московском Салоне Литераторов вас знают больше как независимого журналиста, автора ряда серьезных общественно-политических статей: «Открытое письмо гл. редактору журнала «Октябрь» А. А. Ананьеву», «Здесь этот номер у вас не пройдет», «Забывтое восстание евреев в лагере смерти Собибор», «По интернету гуляет чудовищный вздор» и многих других. Авторы нашего журнала знают вас как автора эссе-воспоминаний, среди которых «Сева Крамаров», «Детские новогодние праздники и первые встречи Нового года».

Но сегодня мы хотим рассказать еще об одном вашем удивительном таланте – таланте художника. Вот о Викторе Жуке – художнике мы и будем сегодня вести беседу. Судьба талантливых людей в нашей стране (да наверное, это будет прослеживаться в любой стране) неразрывно связана с историей страны и с семейными корнями. Поэтому начнем с самого начала. Расскажите немного о вашей семье.

Виктор Жук (ВЖ): Прежде всего хотел бы вас поправить. Я – не художник, а человек, который только в детстве и юности занимался рисованием и учился в художественной школе. Масса людей в юном возрасте учатся в художественных и музыкальных школах, студиях, но не становятся художниками и музыкантами. К ним отношусь и я. Мне сейчас 80, а забросил я занятие рисованием в 17 лет.

Но тем не менее эта полоса оставила большой след в моей жизни, поскольку долгое время я хотел стать художником. Возможно, разговор об этом «рисовальном» периоде моей жизни будет любопытен не столько моими рисунками, сколько сопутствующими им штрихами той ушедшей эпохи.

Теперь о семье. Мои родители – киевляне. Отец, Илья Петрович Жук (1900–1941), окончил Киевское художественное училище А. С. Монко, затем стал известным библиотековедом, после чего окончил Московский архитектурный институт и стал архитектором в области библиотечного строительства. Был консультантом академика В. А. Щуко при создании Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве и академика А. В. Щусева при проектировании Публичной библиотеки в Ташкенте. Погиб в 1941 г. на фронте в московском народном ополчении.

И. П. Жук, отец В. Жука,
1940 г.

Мать, Граева Берта Марковна (1900–1971), будучи студенткой Киевского университета (отделение биологии, как ни странно, физико-математического факультета), в 1920 г. вместе с

Б. М. Граева, мать В. Жука,
1942 г.

гимназической подругой вступила в Красную армию, проходившую через Киев, создав в политотделе библиотеку из своих книг. И с тех пор прослужила в Красной армии 28 лет на библиотечной и культурно-просветительской работе. Подробнее о родителях можно прочесть в моей статье «Встревоженная память. У истоков советского библиостроительства» в питерском журнале «Библиотечное Дело»¹.

Мой старший брат Александр (1927–1986) – инженер, окончил Московский энергетический институт.

МВ: В Вашей семье занимались рисованием, живописью? Вы мне показывали папины (И. П. Жука) рисунки – «Обнаженная», «Портрет мамы». Получается, в вашей семье хорошо рисовали!

ВЖ: Да, отец хорошо рисовал. Ведь, как я говорил, он окончил художественное училище и архитектурный институт. Сохранилось несколько его небольших дореволюционных киевских пейзажей маслом. У отца была большая библиотека книг по искусству и архитектуре.

Мой брат неплохо рисовал, но специально рисованием не занимался и не учился этому. Его интересы лежали в области техники и науки, он был радиолюбителем и мастером на все руки.

А. И. Жук, старший брат В. Жука, 1960 г.

¹ Журнал «Библиотечное дело», СПб, 2011, № 22 (160), с.12-16; см. на сайте Российской национальной библиотеки (РНБ) в СПб: <http://www.nlr.ru/prof/publ/bibliograf/2011/bd22.pdf>). См. также на сайте «Моссалита».

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

МВ: Что послужило и кто послужил толчком к вашему увлечению рисованием? Как все начиналось?

ВЖ: Не знаю. Я начал рисовать с довоенных лет. И рисовал очень много. Помню, что до войны у нас дома устраивались выставки моих рисунков. И, мне кажется, существовало общее мнение, что Витя, скорее всего, будет художником. Думаю, что моему увлечению рисованием способствовал папа. Но не только. В детском саду, который находился на первом этаже нашего дома на Усачевке (в Лужниках), были ребята, увлекавшиеся рисованием. И рисовали довольно хорошо. Так, мой товарищ по детскому саду Володя Лаповок² впоследствии окончил Московскую среднюю художественную школу и стал профессиональным художником – живописцем-станковистом и театральным художником. Сейчас он часто выставляется в Центральном доме художников на Крымском валу.

И. П. Жук. Портрет
Б. М. Граевой, 1922 г.

МВ: Как вы рисовали во время Великой Отечественной войны?

ВЖ: С августа 1941 г. я вместе со старшим братом был в детском доме в селе Елшанка Куйбышевской области, поскольку отец и мама находились в армии. Детский дом организовывался сначала для детей военнослужащих, а затем он стал детским домом для всех – он пополнялся детьми с оккупированных территорий и из блокадного Ленинграда.

Директором детского дома был латыш Христиан Иванович Бауман, воевавший в интербригаде в Испании. Он взял в детский дом из Москвы замечательных интеллигентных педагогов, из которых запомнился Валентин Иванович Грязев. Эти люди всячески способствовали культурному развитию детей и поощряли рисование. Но были трудности с бумагой. Детдомовские рисунки были посвящены в основном войне и какой-то детдомовской жизни. Эти рисунки не сохранились.

В 1942 г. я пошел в первый класс сельской школы. А примерно в августе 1943 г. вернулся в Москву и пошел во второй класс. В Москве жил вместе с братом и бабушкой, а мама служила в большом люберецком авиагарнизоне и по воскресеньям приезжала домой. В Москве снова стал много рисовать, в основном отражая местные события. Так, сохранился рисунок «В военном городке» – в люберецком авиагарнизоне, куда я приезжал к маме.

В. Жук, 8 лет. Подмосковный военный городок, 1943 г.

² <http://artnow.ru/ru/gallery/0/16298.html>

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

В то время во многих московских школах помещались госпитали. В школах, расположенных недалеко от дома, мест не оказалось, и мне, восьмилетнему мальчику, пришлось ездить в школу на трамвае. Трамваи были переполнены и нередко мы, мальчишки, ездили на подножках с обеих сторон трамвая и на «колбасе», иначе говоря, на буфере, т. е. с задней внешней стороны последнего вагона. Сохранился мой рисунок: пионер едет на «колбасе» 13-го трамвая, а рядом милиция и военный патруль – приметы того времени. В 1943 г. я перешел в 3-й класс в школу ближе к дому. Сохранились карандашные портреты того времени.

**Карандашные портреты В. Жука, 1945 г.
Автору 10 лет**

В. Жук, 8 лет. Трамвай № 13, 1943 г.

Портрет бабушки

*Учитель рисования в 589-й
школе Марк Васильевич*

*Портрет учителя рисования в
589-й школе Марка Васильевича*

МВ: Мы знаем, что в вашей жизни произошел несчастный случай, который изменил все планы и вам пришлось отказаться от карьеры художника. Можете рассказать об этом?

ВЖ: В июне 1947 г., когда мне было 12 лет, я попал под трамвай и лишился предплечья правой руки. В то время я перешел в 6-й класс общеобразовательной школы и одновременно учился в платной четырехклассной художественной школе – во втором или в третьем. Мне пришлось заново учиться писать и рисовать левой рукой. Но не рисовать я не мог. Пытался

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

рисовать правой рукой – на кисть протеза специальным приспособлением надевался карандаш, и я мог рисовать за счет только локтевых движений. Но для рисования нужны были движения кистью. С художественной школой пришлось распрощаться. Но рисования не бросал. Меня захватывали жизненные сюжеты из мира, открывшегося мне после травмы. Так, я лежал в коридоре переполненного травматологического отделения Боткинской больницы. Когда в большой палате умер какой-то старик, меня переместили в палату, где было очень тесно, и какое-то время кровать покойного и моя стояли рядом. И после выхода из больницы написал акварель на эту тему. Так возник интерес к изображению тяжелого и серьезного в жизни.

В палате лежали еще фронтовики. Один из них – обгоревший в танке. Ему на голову пересадили кожу с заднего места. На него страшно было смотреть. Он показывал мне свою фотографию до этого ранения – красавец-брюнет. И он шутил. Когда мы с ним гуляли по территории больницы, ко мне обращались с вопросом, где я потерял руку, и он, смеясь, посоветовал: «А ты отвечай – на местном фронте». Тогда еще было такое понятие – «местный фронт». Там же я узнал о жуткой войне с бандеровцами в Западной Украине. Помню огромные очереди инвалидов войны, преимущественно безногих, в протезном институте и на протезном заводе. А однажды меня поразил такой эпизод. Я зашел в протезный институт в туалет. И там здоровый высокий красивый молодой фронтовик без обеих рук выше локтей сказал мне просто: «Пацан, помоги пописать». И я помог. Он поблагодарил и, видя, что я прячу пустой рукав в карман, сказал: «Да ты не стесняйся». Вернувшись домой, я попытался нарисовать по памяти его портрет. Рисунки на эти темы не сохранились.

МВ: Где вы учились рисованию? Кто были ваши учителя?

ВЖ: Какое-то время, примерно в 4 классе, я ездил в художественную студию Бауманского дома пионеров. Это было довольно далеко – примерно в часе езды от дома. А затем, примерно в 1946 г., поступил в Московскую городскую художественную школу на Чудовке – рядом с нынешней станцией метро «Парк культуры» Кольцевой линии, открывшейся в 1950 г. В 1947 г. художественную школу пришлось оставить из-за потери правой руки. Но примерно через три года я как-то освоил рисование левой рукой и под влиянием двух интересных замечательных людей все же не бросил рисование и снова поступил в ту же художественную школу.

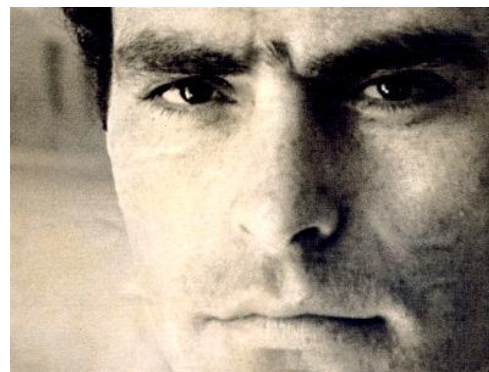
Первым из них был художник Мстислав Ярославович, руководивший художественной студией в Парке культуры им. Горького. Это был высокий, интересный, очень интеллигентный и добрый человек. Познакомился я с ним так. В те времена в Москве практиковались так называемые летние городские пионерские лагеря, куда ходили дети, которых не удалось вывезти на отдых за город. Однажды в Парке культуры проходил конкурс этих лагерей по самым разным аспектам - от спорта до рисования, и меня попросили выступить по части изобразительного искусства за пионерский лагерь при нашем домоуправлении, обслуживающем Кооперативную улицу. Я согласился и попал в студию к Мстиславу Ярославовичу. Там я довольно быстро слепил из глины какую-то пионерку (а заниматься скульптурой можно было и левой рукой) и подружился с Мстиславом Ярославовичем, который очень советовал мне снова поступить в ту же художественную школу, где скульптуру преподавала его жена Конкордия Николаевна.

В конце концов я так и сделал. Подружился с этой четой художников и бывал у них дома в Брюсовском переулке напротив консерватории. К моему большому сожалению, я забыл фамилии этих замечательных людей. Потом, уже учась в этой школе, я вместе с двумя моими друзьями по классу – Женей Тэрианом и Машей Ковалевской, ходил дополнительно рисовать к Мстиславу Ярославовичу в Дом пионеров в Армянском переулке. Рисовали мы голову Вольтера и, увы, ничего не заплатили преподавателю. Сейчас не могу точно сказать почему: с одной стороны, нам казалось тогда, что это не принято, а с другой - мы были юными идиотами.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Второй замечательный человек, много способствовавший тому, чтобы я заново занялся рисованием, это Виля (Виталий) Свечинский, студент Московского архитектурного института, работавший пионервожатым в лагере в Кирицах Рязанской области, где я отдыхал в 1949 г.

Я тогда делал много набросков, а он критиковал и направлял меня. А затем в Москве он водил меня рисовать в архитектурный институт, где по рисунку я сходил за студента. Я его обожал и гордился дружбой с этим высоким красавцем и умницей. Но вскоре как-то наше знакомство оборвалось. Через много лет я узнал, что в 1950 г. Вилю с тремя его товарищами арестовали за попытку побега в Израиль с целью участия в войне за независимость, осудили по 58-й статье УК РФ на 10 лет, посадили в Берлаг на Колыму. Он был освобожден после смерти Сталина. Восстановился в архитектурном институте и окончил его в 1959 г. Потом жил и работал в Магадане. Затем в 1967 г., после Шестидневной войны, он стал одним из первых бороться за право эмигрировать в Израиль, но был выпущен только в 1971 г. Теперь он известный в Израиле архитектор, живет в Хайфе. В этом году ему должно исполниться 84 года³.

*Виталий (Виля) Свечинский,
архитектор, Магадан, 1965 г.*

МВ: А теперь расскажите, пожалуйста, о художественной школе, в которой вы учились, и о ее преподавателях.

ВЖ: Главной художественной школой в Москве была Московская средняя художественная школа (МСХШ) при Художественном институте им. В. И. Сурикова, которая находилась рядом с Третьяковской галереей. Ныне МСХШ - это Московский академический художественный лицей при Академии художеств РФ, расположенный на Крымском валу недалеко от Центрального дома художников (ЦДХ). В МСХШ художественное обучение сочеталось с обычным средним образованием. Это специализированная школа-десятилетка, принимали в которую только после 5-го класса общеобразовательной школы. Отбор туда был очень строгим. Обучение бесплатное. Сейчас в Москве большое количество других художественных школ, но, насколько мне известно, в сороковых-пятидесятых годах в Москве кроме МСХШ было только две детские художественные школы – на Красной Пресне и на Чудовке. Учеба в них была платной и сочеталась с учебой в обычных общеобразовательных школах. Плата за учебу была небольшой. Отбор туда не был таким строгим, как в МСХШ. О школе на Чудовке я узнал от своего старшего друга Миши Рогинского, которого знал с довоенных лет. Он был на три года старше меня и учился в этой школе, которая находилась относительно недалеко от моего дома. Туда я и поступил дважды: сначала примерно в 1945–46 г., рисуя правой рукой, а затем в 1950 г., рисуя левой рукой. Расскажу об этой школе. Это была старейшая детская художественная школа, созданная в 1934 г. Помещалась она в двухэтажном деревянном доме рядом с нынешним Комсомольским проспектом и церковью Николы в Хамовниках. Он давно снесен, и на его месте построен какой-то торговый комплекс. В 1945–46 гг. в этом здании, кроме художественной школы, какое-то время размещалась еще и музыкальная. А затем в 1946–1950 гг. там же стало размещаться и Московское городское художественное училище, которое затем было объединено с Художественным училищем «Памяти 1905 года». В 1972 г. школа переехала на Кропоткинскую улицу (ныне – снова Пречистенка) в здание бывшей Поливановской гимназии, а в

³ <http://madan.org.il/en/node/7184>)

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

2000 г. стала называться детской художественной школой № 1 им. В. А. Серова⁴. Предметы – рисунок, живопись, композиция, скульптура, история искусств. Скульптурная мастерская находилась недалеко от станции метро «Парк культуры» (ныне – радиальная) около набережной напротив нынешнего Центрального дома художников.

Директор художественной школы с 1945 по 1977 г. – искусствовед и педагог Нина Николаевна Кофман⁵ (Фелицина), русская красавица, первый муж которой, Самуил Кофман, был репрессирован и погиб. Умная, интеллигентная и доброжелательная женщина, к которой все относились с огромной симпатией. В школе были прекрасные преподаватели-живописцы – большие мастера и опальные модернисты: Михаил Семёнович Перуцкий⁶, Моисей Тевелевич Хазанов⁷, Александр Михайлович Глускин⁸, Анатолий Иванович Шугрин⁹. Перуцкий и Глускин в 20-е годы входили в объединение «Новое общество живописцев» («НОЖ»), а затем в общество художников «Бытие». В 20–30-е годы Глускин был тесно связан с писателями Ильей Ильфом, Эдуардом Багрицким, Юрием Олешей, Исааком Бабелем. Старый вхутемасовец Хазанов был учеником Роберта Рафаиловича Фалька¹⁰. Шугрин, любивший говорить: «Карандаш надо точить остро», представлялся нам последователем реализма Павла Чистякова¹¹ («чистяковцем»). Но в 90-е годы мы увидели на выставках в ЦДХ его абстрактные работы 20-х годов. О Н. Н. Кофман, М. Перуцком, А. Глускине и А. Шугрине рассказала известный германист, переводчик Белля, Ремарка, Томаса Манна и автор книг о немецком фашизме Л. Б. Черная¹² в своих только что вышедших очень интересных воспоминаниях «Косой дождь»¹³. Бессменным завучем школы с 1937 по 1977 г. был Владимир Акимович Рожков¹⁴, ученик Д. Н. Кардовского¹⁵ и Н. А. Касаткина¹⁶. Недавно я узнал, что он преподавал Анатолию Звереву¹⁷ в Сокольническом доме пионеров и был пропагандистом его творчества¹⁸. Вот уж не ожидал от поборника реализма и ученика реалистов. Оказывается, в школе на Чудовке какое-то время преподавал Роберт Фальк, которого устроил туда в тяжелое для него время его ученик и друг Моисей Хазанов. Но это было до моего по крайней мере второго поступления в эту школу.

И хотя выпускники школы на Чудовке, казалось бы, могли по своему уровню поступать в основном в Строгановское училище, Училище «Памяти 1905 г.» и архитектурный институт, но, как правило, не в Суриковский институт, тем не менее из этой школы вышли известные художники.

Первым из них назову Колю Дмитриева¹⁹, ученика М. С. Перуцкого и товарища упоминавшегося Миши Рогинского. Коля перешел из школы на Чудовке в МСХШ и в 1948 г. случайно погиб на охоте в 15 лет. В Москве и Ленинграде устраивались его посмертные выставки. О нём писали, что Россия потеряла большого художника. Он был племянником знаменитого художника МХАТа

⁴ <http://serov-artschool.ru/>

⁵ http://serov.hol.es/?page_id=261

⁶ <http://sovcom.ru/index.php?category=painters&painterstype=painter&painter=3482>

⁷ http://www.nasledie-smolensk.ru/pkns/index.php?option=com_content&task=view&id=1945&Itemid=61

⁸ <http://sovcom.ru/index.php?category=painters&painterstype=painter&painter=402>

⁹ <http://www.elysium.ru/painters/309.html>

<http://www.tretyakovgallery.ru/ru/calendar/exhibitions/exhibitions1574/>

¹⁰ https://ru.wikipedia.org/wiki/Фальк,_Роберт_Рафаилович

¹¹ <http://www.artsait.ru/art/ch/chistykov/main.htm>

¹² https://ru.wikipedia.org/wiki/Чёрная,_Людмила_Борисовна

¹³ Людмила Черная. Косой дождь. – М.: Изд. «Новое литературное обозрение», 2015. – 632 с.: ил.

¹⁴ http://serov.hol.es/?page_id=261

¹⁵ https://ru.wikipedia.org/wiki/Кардовский,_Дмитрий_Николаевич

¹⁶ https://ru.wikipedia.org/wiki/Касаткин,_Николай_Алексеевич

¹⁷ https://ru.wikipedia.org/wiki/Зверев,_Анатолий_Тимофеевич

¹⁸ <http://www.zverevcenter.ru/art.php?func=show&id=12>

¹⁹ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Дмитриев,_Николай_Фёдорович_\(художник\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дмитриев,_Николай_Фёдорович_(художник))

Вл. Вл. Дмитриева²⁰ и двоюродным братом известной теннисистки и спортивного комментатора Анны Дмитриевой²¹. После возвращения Миши Рогинского из армии в 1953 г. мы с ним ходили к родителям Коли в Плотников переулок.

В. Жук (слева) и М. Рогинский в мастерской художника Александра Юликова, в которой М. Рогинский жил и работал в Москве, 1998 г.

Затем назову Михаила Рогинского²², моего друга с довоенных лет. Он оказал на меня большое влияние. Миша стал известным художником в России и за рубежом. Его работы выставлены в Третьяковке, Русском музее, других российских музеях и в США. Выставлялся в Европе. В Третьяковке прошла его большая выставка «Пешеходная зона». Его творчеству посвящено огромное количество статей. Его называют великим русским художником второй половины XX века. В 1978 г. он эмигрировал в Париж, а после 1991 г. часто бывал и работал в Москве. Скончался в Париже в 2004 г. Ему посвящен толстый сборник «О Михаиле Рогинском. Дураки едят пироги» (М.: «Новое литературное обозрение», 2009 - 776 с.).

В нем есть и мои воспоминания. Школу на Чудовке и затем художественное училище окончила знаменитая русская художница-нонконформистка из лианозовского круга, ученица Перуцкого, скончавшаяся в 2008 г. во Франции, Лидия Мастеркова²³. Она, поступившая в школу на Чудовке в 1943 г., вспоминает в своем интервью²⁴: «Школа была образована чудом, все преподаватели – Перуцкий, Хазанов, Фальк, состояли в черных списках и не могли найти работу, кроме как там. Директором этой школы стала Нина Николаевна Кофман, уникальная женщина. Это были люди другого времени, из 20-х годов, и отношения между профессором и учениками были другие, была замечательная внутренняя связь».

Миша Рогинский писал²⁵: «На Чудовке мне крупно повезло: я попал по живописи и рисунку в класс Михаила Семеновича Перуцкого. Он в 1920-х годах входил в группу «НОЖ», а потом, по его собственным словам, увлекся импрессионизмом. Он, например, рассказывал: «Ренуар говорил, что у Гойи такие лошадки, что их поцеловать хочется». Это в 1947 году! Я не могу сказать, что он меня действительно чему-то научил. Я вообще не уверен, что учитель должен «учить». Скорее поощрять, указывать на то, что хорошо. Убирать у ученика дурные привычки, развивать вкус, советовать, что посмотреть в музее, какие выставки посетить и т. д. Лучшее всего учит среда –

²⁰ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Дмитриев,_Владимир_Владимирович_\(художник\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дмитриев,_Владимир_Владимирович_(художник))

²¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Дмитриева,_Анна_Владимировна

²² https://ru.wikipedia.org/wiki/Рогинский,_Михаил_Александрович

²³ Мастеркова Лидия Алексеевна (1927, Москва — 12 мая 2008, Сен-Лоран-сюр-Отен, департамент Мёз, Франция) — русская художница-нонконформистка из «лианозовской группы», в которую входили Лев Кропивницкий, Оскар Рабин, Владимир Немухин, Николай Вечтомов др.

http://ru.wikipedia.org/wiki/Мастеркова,_Лидия_Алексеевна

²⁴ Вадим Алексеев. «Амазонка авангарда. Лида Мастеркова пишет оркестрово» - «Независимая газета», 20.01.2006, № 13. http://www.ng.ru/saturday/2006-01-20/13_amazonka.html

²⁵ Михаил Рогинский. «Автобиографические фрагменты». — В кн. «О Михаиле Рогинском. Дураки едят пироги». — М.: Новое литературное обозрение, 2010, С. 629-630 (весь текст — С.628-636).

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

музеи, галереи... Перуцкий, могу сказать с благодарностью, подготовил меня к восприятию живописи, то есть подготовил меня как человека, который может при желании стать художником».

В школе на Чудовке учился и знаменитый художник-нонконформист Владимир Немухин²⁶, член «лианозовской группы»²⁷, один из организаторов «бульдозерной выставки», консультант Георгия Костаки²⁸. Он на 9 лет старше меня и на Чудовку попал примерно в 1946 г. В своих воспоминаниях о Михаиле Рогинском²⁹ Немухин пишет в частности: «Откуда был Перуцкий Михаил Семеныч? Очень интересный был человек, такой несколько матерщинник... Да, да, да, по-моему, они из «НОЖа». Когда мы говорим о «НОЖе» мы уже как бы начинаем чувствовать вот эту платформу... Наше поколение придет уже в результате... Слава богу, это еще не 49-й страшный год. По существу, что такое 49-й? Это ждановщина. Все!».

Немухин рассказывает там же: «Перуцкий, он очень увлекался, я думаю, внутри, конечно, французской школой. Это в меньшей степени русская, это французская школа, совершенно определено. Я вам расскажу такой случай. Как-то его вижу, он идет с этюдником, значит, такая у него кепочка была, зонтик, стульчик, так тропится, я ему кричу: “Михал Семеныч, Михал Семеныч!” Он оглянулся: “Чего? Чего?” Я говорю: “Да я хотел бы с вами поговорить”. – “Да пошел ты на ..., свекла пошла!” Ну я уже говорил, что он был матерщинник».

Далее Немухин объясняет, что значит «свекла»: «Вот видите, вы сейчас не поймете, в чем дело. Он уже летел на эти тогда еще Яузские огороды, и вот на огородах свекла молодая еловая, а за ней какой-нибудь салатик зеленый пробивается, вот тут-то вам импрессион просто на глазах. И вот писать, писать это вот. Смотреть на эти лиловые ростки...»

Интересно, что в школе на Чудовке учился и Андрей Тарковский. Вспоминает друживший с ним художник Михаил Ромадин³⁰: «Мой отец — известный художник Николай Ромадин, народный художник России, академик, чьи пейзажи висят в Третьяковской галерее... Я учился в художественной школе на Чудовке. По тому времени — конец сталинских времен — это была самая либеральная школа. Там скрывались тайные импрессионисты и постимпрессионисты. Преподавали старый вхутемасовец Моисей Хазанов, который был влюблен в Сезанна, Шухмин. Потом выяснилось, что в этой же школе учился Андрей Тарковский, который был несколькими годами старше, но учителя у нас были одни и те же».

Значительно позже эту школу, когда она была уже на Кропоткинской, окончил знаменитый художник-нонконформист Алик (Александр) Меламид³¹, один из организаторов «бульдозерной выставки» и создатель - вместе с Виталием Комаром³² - направления соц-арт³³.

Из опубликованных воспоминаний учеников этой школы, принадлежащих следующим за нами поколениям и учившихся у Миши Рогинского, знаю, что они любовно и небрежно называли ее «художкой» как нечто им близкое.

²⁶ https://ru.wikipedia.org/wiki/Немухин,_Владимир_Николаевич

²⁷ https://ru.wikipedia.org/wiki/Лианозовская_школа

²⁸ https://ru.wikipedia.org/wiki/Костаки,_Георгий_Дионисович

²⁹ Владимир Немухин. «Дверь — это натюрморт». — В кн. «О Михаиле Рогинском. Дураки едят пироги». — М.: Новое литературное обозрение, 2010, С. 257-260 (все интервью — С.257-294).

³⁰ <http://www.kommersant.ru/doc/2283911>

³¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Меламид,_Александр_Данилович

³² https://ru.wikipedia.org/wiki/Комар,_Виталий_Анатольевич

³³ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Соц-арт>

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

М.В.: Расскажите о занятиях по истории искусств в школе на Чудовке и походах в художественные музеи.

Наброски В. Жука в художественной школе на Чудовке, 1951 г. Автору 16 лет

*В художественной школе
на Чудовке*

*Вера Трубникова на уроке
скульптуры*

В.Ж: Занятия по истории искусств помню только в первый период моей учебы в этой школе, т. е. до 1947 г. У нас тогда вел занятия, а точнее, очень интересно рассказывал, какой-то очень интеллигентный искусствовед. Тематика его лекций касалась разных периодов европейского искусства, но, по-моему, он так и не успел подойти к XIX веку.

В то время было немало хороших книг по изобразительному искусству, рассчитанных на школьников и написанных хорошими писателями. Книга Константина Паустовского «Исаак Левитан» запомнилась первой фразой: «У художника Саврасова тряслись худые руки».

Во второй период моего пребывания в школе занятий по истории искусств я не помню. Мне кажется, что их и не было, возможно, из политических соображений. Это было время борьбы с низкопоклонством, с космополитизмом, со всякими «измами» и т. п. Это было время социалистического реализма. Музей нового западного искусства, находившийся на Кропоткинской улице (Пречистенке), в 1948 г. был ликвидирован как «рассадник низкопоклонства перед упадочной буржуазной культурой», а его экспонаты были поделены между Музеем изобразительных искусств им. Пушкина и Эрмитажем, но не выставлялись в них, а в основном находились в запасниках. А на месте Музея нового западного искусства разместилась Академия художеств СССР, где и находится по сей день Академия художеств РФ. С 1949 г. по 1953 г. в Музее изобразительных искусств была открыта выставка подарков Сталину (одновременно с этим выставка подарков вождю была в Музее революции и, по-моему, в других местах), а экспозиция изобразительного искусства в этом музее была закрыта, и многие сотрудники уволены³⁴.

Явно было не до импрессионизма и не до западного искусства вообще.

А с импрессионизмом и другими «измами» можно было познакомиться только по репродукциями закрытого Музея нового западного искусства, которые у кого-то сохранились. Например, у наших соседей по коммуналке на две семьи на стене в рамке висела репродукция картины барбизонца Жана-Франсуа Милле «Сборщицы колосьев».

³⁴ <http://100.arts-museum.ru/exhibition/white5/index.php>

Такое время было. Помню, как наш класс общеобразовательной школы привели в Музей А. С. Пушкина (не путать с Музеем изобразительных искусств им. Пушкина) в Хрущевском переулке (название к Н. С. Хрущеву не имеет отношения) рядом с Кропоткинской улицей. В холле при входе в музей я увидел статую Сталина. И спросил у экскурсовода - молодой женщины: «Это тоже родственник Пушкина?» Но обошлось: она понимающе слегка улыбнулась, и мы закрыли эту тему.

В. Жук. Лимоны. Карандашные упражнения, 1951 г.

Эту историю я вспомнил через много лет, когда однажды в 1965 г., работая в одном НИИ, я с сослуживцами был на научном семинаре в радиоэлектронном подразделении Министерства обороны. Проходя через будку с охраной, мы увидели статую Сталина во весь рост, стоящую лицом к углу будки. «Мальчика поставили в угол», - пошутил кто-то из нашей группы.

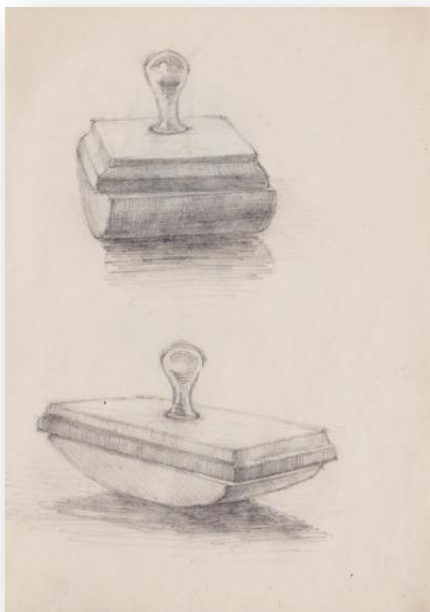
Мы, ученики «художки», активно посещали Третьяковку и выставки в Академии художеств и МОСХе, благо что для учеников художественных школ вход был бесплатным по бумажной справке-удостоверению и без паспорта, которого у большинства учеников еще не было. А с западным искусством можно было познакомиться в Ленинграде – в Эрмитаже. Однако я, как и многие ученики «художки», многократно бывал в Музее изобразительных искусств до превращения его в выставку подарков Сталину. Мы ходили на некоторые лекции по искусству, которые иногда проходили в Коммунистической аудитории старого здания МГУ и вход на которые был свободным.

Так или иначе, ученики художественных школ были довольно образованны по части изобразительного искусства. В школу на Чудовке ученики приносили репродукции Музея нового западного искусства. Но когда в Музее изобразительных искусств после смерти Сталина выставили предшественников импрессионизма – барбизонцев, мы были ошарашены. А когда затем выставили импрессионистов – это было потрясение, хотя с некоторыми репродукциями мы были знакомы.

Однако о художественной образованности в общеобразовательных школах нельзя было сказать с уверенностью. Наша средняя школа № 23 им. Ворошилова находилась рядом с Педагогическим институтом им. Ленина и была под его патронажем. И для нас придумали такую обязательную культурную программу. Наш 7-й многократно водили в учебное время в Третьяковку, где экскурсоводы просвещали нас в изобразительном искусстве по советским шаблонам того времени. По окончании цикла таких походов и лекций мы должны были написать домашнее сочинение на тему «Как смотреть картины».

В. Жук. Кувшин. Карандашные упражнения, 1951 г.

В. Жук. Пресс-папье. Карандашные упрощения, 1951 г.

том, что граф занимается умственным трудом».

И так описывается в сочинении 10–15 картин. Были и гораздо более смешные примеры. Этот пример я привел не для того, чтобы посмеяться над нашим одноклассником, увы, ныне покойным, а для того, чтобы показать чего стоило знакомство с изобразительным искусством через экскурсоводов того времени. В результате никто в классе не стал писать сочинение, и эксперимент был провален.

МВ: Вы не стали профессиональным художником, но зато стали кандидатом физмат наук. Не жалеете, что судьба внесла свои коррективы?

ВЖ: Не знаю, судьба ли внесла. Мне казалось, что коррективы внес я. Конечно, были объективные причины: я отстал в рисовании от своих сверстников. Кроме того, художнику в общем случае нужны две руки: холсты, подрамники и т. п. Но и это не всё. Принять решение мне было не просто. Ведь я уже было решился идти в художники и стал наплевательски относиться к учебе в общеобразовательной школе, хотя учеба давалась мне легко. Когда мои одноклассники шли в школу, я мог вместе с группой учеников «художки» пуститься с Владимиром Акимовичем Рожковым в далекий путь на трамвае - на пленэр в Коломенское. Однако я понимал, что не только по сравнению с Колей Дмитриевым и моим другом Мишей Рогинским, но и со многими другими сверстниками, таланта у меня явно не хватает. И не только по сравнению со сверстниками. Я видел сохранившийся замечательный довоенный рисунок примерно 13-летнего Бориса Свешникова, который до 1941 г. был одноклассником моего старшего брата, а в 1946–1954 годах 8 лет находился в заключении по ложному обвинению в антисоветской пропаганде.

Борис Свешников. Портрет неизвестного. Примерно 1940 г.

Честно говоря, я не знал, что писать, так как вся эта затея с примитивным лекциями и дурацким названием сочинения казалась мне абсурдом. Но оказалось, что мой одноклассник, сосед по двору, сын начальника пожарной охраны нашего района, написал сочинение. Я попросил его дать мне почитать, пообещав, что проверю грамматические ошибки. Но когда с другим нашим одноклассником Кириллом Ивановым стали читать это сочинение, мы чуть не умерли от смеха. Во всех описаниях картин в этом сочинении фигурировал классовый подход следователя. Вот несколько фрагментов, которые мы запомнили на всю жизнь. Беру текст в кавычки, хотя и передаю его своими словами так, как запомнил: «Первая картина, которую нам показал экскурсовод, была картина богатого графа (это был портрет князя Куракина работы Левицкого – В. Ж.). Граф был приближенным императора, о чем говорит бюст Павла I. Волосы у графа прилизаны (как выяснится, это антиреволюционный признак, т. к. у Пушкина на его портрете работы Кипренского, волосы «взлохмачены» – В. Ж.). На столе стоит чернильница с перьями, что говорит о

Впоследствии Борис стал известным художником советского андеграунда³⁵.

Прикладное искусство («Строгановка») меня никогда не интересовало. Архитектура была для меня статичной и в советских условиях представлялась довольно однообразной и неинтересной. Поэтому, несмотря на желание мамы, чтобы сын пошел по стопам отца, в архитектурный институт я не хотел поступать. К тому же меня очень пугала обстановка в стране. Посещая выставки и глядя на фотографии в «Огоньке», на которых народ молился на вождя, я чувствовал, что перспектив у советских художников нет. Вот все это вместе и привело меня к решению бросить рисование. Мне звонил Анатолий Иванович Шугрин и уговаривал не бросать рисование, очень хвалил мои городские пейзажи (они не сохранились), говорил, что они - редкость и т. п. Я сердечно благодарен ему по сей день. Он был замечательным человеком, и я был очень тронут, но решение уже принял. И начал новую жизнь. Однако иногда и возвращался к рисованию.

Жалеть – ни о чем не жалею. Стал технарем и прожил интересную жизнь, работая в области вычислительной техники и в журналистике. А изобразительное искусство продолжает меня интересовать как нечто серьезное и важное.

Поступил я в Московский лесотехнический институт (МЛТИ) - ближе к природе. Поступил в тяжелое время – примерно за 5 месяцев до официального объявления об аресте «врачей-убийц» и за 7 месяцев до смерти Сталина. После окончания МЛТИ работал в Центральном НИИ механизации и энергетики лесной промышленности (ЦНИИМЭ), занимаясь созданием средств автоматизации и вычислительной техники. В МЛТИ и ЦНИИМЭ я учился и работал в очень интересном обществе, которое описано в моих статьях «Здесь этот номер у вас не пройдет» и «Сева Крамаров», переопубликованных на сайте МОССАЛИТА. Потом окончил заочный энергетический институт и работал в НИИ, ведущем разработки суперкомпьютеров, а затем, с 1971 г., в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова, ныне Национальный научный центр «Курчатовский институт», где и работаю по настоящее время ведущим научным сотрудником. Там же в 1984 г. я защитил кандидатскую диссертацию.

МВ: Виктор, и все же вернемся к вашему художественному творчеству и поговорим о ваших рисунках. Ваши рисунки, может быть, и не вылились в знаменитые полотна и не стали большими картинами в рамах, но они бесконечно ценны тем, что иллюстрируют эпоху. Они несут печать времени, а потому очень знаковые.

В. Жук. Виолетта, 1950 г.
Автору 15 лет

В. Жук. На пляже, 1950 г. Автору 15 лет

³⁵ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Свешников, Борис Петрович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Свешников,_Борис_Петрович)

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

За каждым быстрым наброском, портретом, сюжетом стоит реальный человек, своя реальная история, кусочек жизни. Сведя их воедино, можно получить настоящий исторический роман от автора Виктора Жука. Ваши рисунки – результат вдумчивого и свежего взгляда молодого человека сороковых – пятидесятих годов на окружающий его тогдашний мир. Я видела ваши юношеские рисунки и наброски, и, что поразительно, они сделаны с 1949 по 1951 год, то есть уже левой рукой! Например, быстрые наброски 1950 г. в пионерлагере в Кирицах Рязанской области, среди которых «Виолетта», «У штанги футбольных ворот». Это уверенные, жанровые зарисовки, где схваченные фигуры полностью отражают и настроение, и мгновенное состояние человека. Это «На воротах» и стремительный набросок футболиста Бориса Пайчадзе – точно схвачено само движение.

Борис Пайчадзе, центр нападения «Динамо» (Тбилиси), 1950 г. Автору 15 лет

ВЖ: Да, это знаменитый тогда центр нападения тбилисского «Динамо».

Наброски В. Жука в пионерлагере в Кирицах Рязанской обл. (рисунки левой рукой), 1950 г. Автору 15 лет

На воротах

На спортивной площадке

У штанги футбольных ворот

МВ: Мне кажется, что объектом вашего художественного творчества всегда являлся человек и его внутренний мир, недаром среди ваших карандашных работ очень много портретов. Например, серия школьных портретных зарисовок, директор школы и преподаватель литературы

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Андрей Степанович Красовский, учитель географии Петр Васильевич Четвериков, профессор Фельдт, группа учеников...

Наброски В. Жука в школе № 23, 1951 г. Автору 16 лет

У школы

У школы

Танцы в школе

*Вечера в школе.
Рисунок в стенгазету*

*Профессор В. В. Фельдт,
преподаватель химии, на школьном
вечере*

*А. С. Красовский,
директор школы № 23
и преподаватель литературы*

*А. С. Красовский,
директор школы № 23 и
преподаватель литературы*

ВЖ: Да, все они сделаны в основном на уроках в средней школе № 23, которую я окончил, и около нее. Портреты на всех рисунках очень похожи на оригиналы, но особенно – Красовский. Профессор Владимир Вильгельмович Фельдт преподавал в пединституте им. Ленина и был одним из авторов учебника химии, он вел у нас химию попеременно с одной учительницей и бывал на вечерах в школе. А «группа учеников» - это мои одноклассники на уроках: Стульников, Мирзоев, Рыбников, Тихонравов, Кирпичников. Тогда же я нарисовал и карикатуру в школьной стенгазете «Вечера в школе. 1951».

*Игра в «балду» на уроке.
Г. Стульников и Г. Мирзоев. 1951 г.*

МВ: А еще у вас есть портрет Александра Ивановича.

ВЖ: Это портрет ленинградского врача и литератора, заснувшего у нас дома на полчаса.

МВ: А «Встреча» и «Пушкинская площадь» – это иллюстрации? Такие жанровые!

ВЖ: Это примеры композиций, но не иллюстраций. По поводу «Пушкинской площади» вспоминается такой эпизод. Михаил Семенович Перуцкий, взглянув на эскиз «Пушкинской площади», съязвил: «Ну что ты нарисовал? Это же любовное, которым занимались импрессионисты. А нарисовал бы ты лучше, как школьники хорошо закончили учебный год и в награду их привезли в Москву на Пушкинскую площадь». Он явно шутил. Это было для меня лестно: я-то знал, как он в действительности любит импрессионистов.

*Александр Иванович отдыхает.
Москва, Усачевка, 1951 г.*

Композиции В. Жука, 1951–1952 гг. Автору 16-17 лет

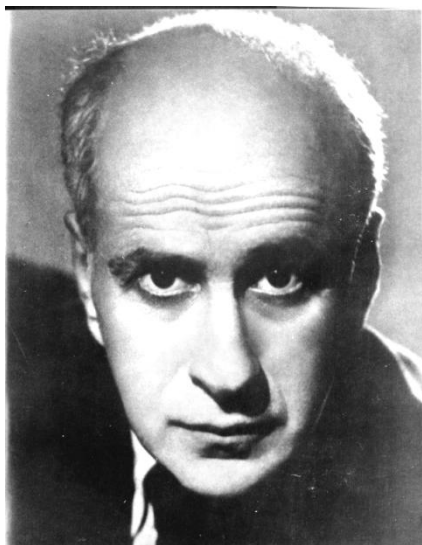

Встреча

На Пушкинской площади

МВ: Вашим дядей был Илья Юльевич Шлепянов, который работал с Мейерхольдом, Поповым, работал в Мариинке. Расскажите о нем. А читателей мы познакомим с вашим ленинградским циклом рисунков.

Илья Юльевич Шлепянов, главный режиссер Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова (Мариинки), 1951 г.

ВЖ: Илья Юльевич Шлепянов³⁶ был ровесником моего отца и его близким другом с детства. Они вместе окончили Киевское художественное училище. По возрасту он считался моим дядей. А на самом деле был моим троюродным братом.

Да, у меня есть рисунки, сделанные в Ленинграде, где я жил на зимних каникулах в 1951 году у моего дяди, тогда главного режиссера Театра оперы и балета им. Кирова (Мариинки). До Мариинки он работал главным художником у Мейерхольда; художником, постановщиком и режиссером у Алексея Попова³⁷ в театре Революции, оформил и поставил там вместе с ним знаменитый спектакль «Ромео и Джульетта» с Астанговым³⁸ и Бабановой³⁹. Мне говорили, что фотография И. Ю. Шлепянова висела в фойе театра им. Маяковского. Моя мама была составителем интересного сборника о нем: «Илья Шлепянов: статьи, заметки, высказывания. Современники о Шлепянове» (М., «Искусство», 1969). Из разговоров с некоторыми театральными художниками, в том числе с крупнейшим сценографом С. М. Бархиным⁴⁰, я понял, что И. Ю. Шлепянов не забыт ими.

³⁶ https://ru.wikipedia.org/wiki/Шлепянов,_Илья_Юльевич

³⁷ https://ru.wikipedia.org/wiki/Попов,_Алексей_Дмитриевич

³⁸ https://ru.wikipedia.org/wiki/Астангов,_Михаил_Фёдорович

³⁹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Бабанова,_Мария_Ивановна

⁴⁰ https://ru.wikipedia.org/wiki/Бархин,_Сергей_Михайлович

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

А недавно в Мемориальном музее-мастерской выдающегося современного театрального художника Давида Боровского⁴¹ на стенде с фотографиями я увидел написанную им от руки записку на одном листке, в которой он указал нескольких театральных художников прошлого, которых ценит. Значительное место в ней занимают сведения об Илье Шлепянове.

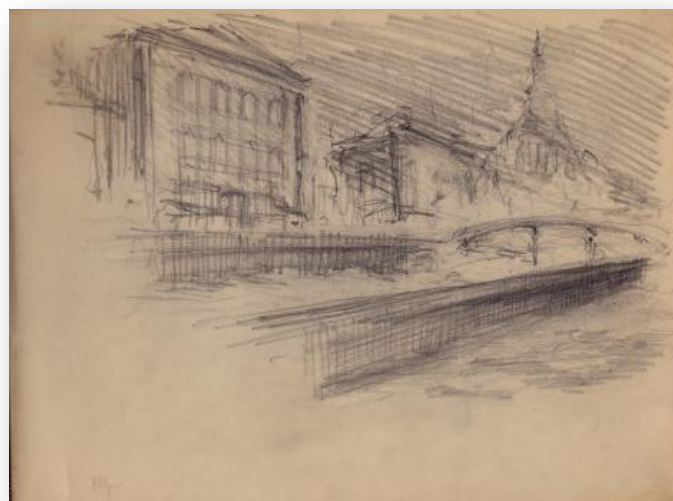
Тогда, на зимних каникулах 1951 г., я пересмотрел в Мариинке почти все возможное за каникулы. Особенно мне понравилась «Вальпургиева ночь» в «Фаусте».

А из моих ленинградских рисунков, пожалуй, мне ближе «Из окон Эрмитажа – вид на Петропавловскую крепость» и «Мойка ночью». Почти ночью после окончания спектаклей в Мариинке мы шли пешком домой вдоль Мойки до нашей улицы Дзержинского (ранее и теперь - Гороховая, где жил Обломов) близ Исаакиевской площади. Днем я не вылезал из Эрмитажа и Русского музея, а вечером ходил в театр. В Эрмитаже тогда на меня произвела впечатление картина Рубенса «Портрет камеристки инфанты Изабеллы».

Жена Шлепянова Евгения Николаевна Страхова – Женя, игравшая в Москве в театре Революции, в Ленинграде играла в театре Комиссаржевской на Невском, в частности Анну Керн в спектакле «Пушкин».

В. Жук. Из окон Эрмитажа, 1951 г.

В. Жук. Мойка ночью, 1951 г.

⁴¹ <http://www.gctm.ru/branches/mmb/> ; https://ru.wikipedia.org/wiki/Боровский,_Давид_Львович

Старший сын дяди и его первой жены актрисы Натальи Семеновны Свительской Юра Шлепянов (1925–1985), фронтовик, был тогда студентом Ленинградского военно-механического института, а затем стал видным специалистом оборонной промышленности. Младший сын дяди и Е. Н. Страховой Саша Шлепянов тогда был на класс старше меня, а впоследствии стал известным журналистом, сценаристом⁴², автором сценария фильма «Мертвый сезон» с Донатасом Банионисом, коллекционером живописи и крупным экспертом по русскому искусству на лондонских аукционах Кристис и Сотбис⁴³.

МВ: Виктор, театральная тема вам очень близка. У вас есть множество замечательных эскизов и набросков, посвященных театру. Например, портрет Михаила Яншина⁴⁴ в роли Градобоева в «Горячем сердце» Островского в МХАТе.

В. Жук. Юра Шлепянов. Ленинград. 1951 г.

Эскизы к «Бесприданнице» Островского: «Лариса», «Кнуров и Вожеватов кидают монету» (кому достанется Лариса). Чем это можно объяснить?

ВЖ: Во-первых, это было время всеобщего увлечения театром. Например, мы с моим школьным товарищем Левой Алешиным прогуливали школу и ездили в музей МХАТ, где с разрешения Аллы Константиновны Тарасовой⁴⁵, с которой была знакома мама Левы, нам давали интересующие нас материалы.

В. Жук. Михаил Яншин в роли Градобоева. МХАТ. «Горячее сердце» А. Н. Островского, 1949 г.

⁴² [https://ru.wikipedia.org/wiki/Шлепянов, Александр Ильич](https://ru.wikipedia.org/wiki/Шлепянов,_Александр_Ильич)

⁴³ <http://www.russiandvd.com/store/person.asp?id=12430&media=1&type=actor&genreid=&fullbiography=1>

⁴⁴ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Яншин, Михаил Михайлович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Яншин,_Михаил_Михайлович)

⁴⁵ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Тарасова, Алла Константиновна](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тарасова,_Алла_Константиновна)

В. Жук. Лариса. «Бесприданница» А. Н. Островского, 1951 г.

ВЖ: Меня поражало, как точно улавливали и выражали суть произведений иллюстрации хороших художников. Например, иллюстрации Леонида Пастернака к «Воскресению» Льва Толстого или иллюстрации Евгения Кибрика к «Кола Брюньону» Ромена Роллана. Мне было интересно, получится ли у меня. Сохранились мой эскиз иллюстрации к известному рассказу Чехова «Злоумышленник» и серия моих эскизов к рассказу Чехова «Маска». Сохранился также эскиз иллюстрации к «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого. К ней я обратился потому, что после потери руки мне долго ставили в пример Мересьева, который потерял обе ноги.

Во-вторых, меня интересовала работа театрального художника и режиссера. Этот мой интерес подогревался тем, что я видел превосходные театральные эскизы Ильи Шлепянова. И тем, что моим дальним родственником *in law* был известный еще до революции главный художник Театра Красной армии Иван Сергеевич Федотов⁴⁶, оформивший там в частности спектакль «Учитель танцев».

М.В.: Расскажите о вашем интересе к иллюстрациям.

Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова «Злоумышленник», 1950 г.

⁴⁶ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Федотов, Иван Сергеевич \(художник\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Федотов,_Иван_Сергеевич_(художник))

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Работа над иллюстрациями показалась в чем-то близкой к работе театрального художника и постановщика. Так, для создания иллюстрации к «Маске» мне пришлось разрабатывать типажи, мизансцены и делать массу эскизов.

В. Жук. Эскиз к рассказу
А. П. Чехова «Маска»,
1951 г.

В. Жук. Эскиз к рассказу
А. П. Чехова «Маска», 1951 г.

В. Жук. Эскиз к рассказу
А. П. Чехова «Маска»,
1951 г.

В. Жук. К «Тарасу Бульбе» Н. В. Гоголя. Масло, 1951 г.

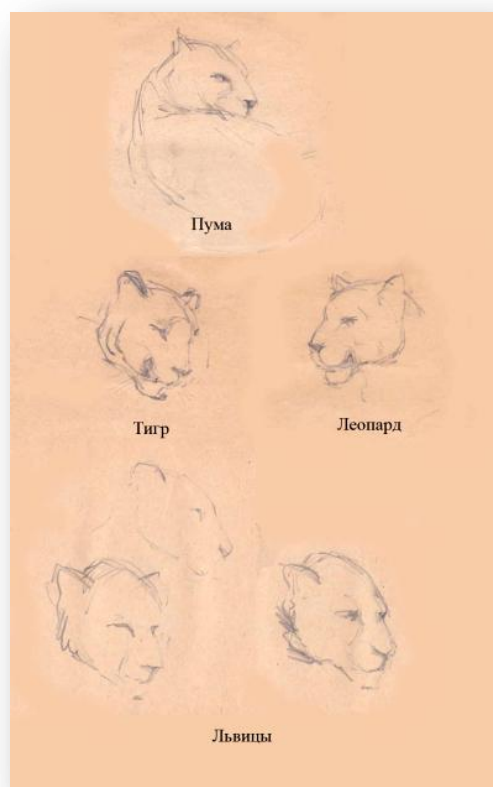
*Виктор Жук. Верблюд., 1946 г. (рисунок правой рукой).
Автору 11 лет.*

Позднее меня заинтересовали портреты кошачьих: пумы, леопарда, тигра, львицы. Но, бывая в зоопарке, я обратил внимание на то, как меняются там люди: они становятся более человечными. И увидел, что зрители в зоопарке и их скопления представляют сами по себе интересный объект. Тогда я стал искать и готовить композицию на тему «Люди в зоопарке». Делал эскизы, наброски с натуры. Помню, как сторожиха слонов была недовольна тем, что я рисую людей, а не животных. В результате я подготовил большую композицию, которая не сохранилась.

*Портреты кошачьих хищников, 1951 г.
Автору 16 лет*

МВ: Расскажите о теме зоопарка в ваших рисунках.

ВЖ: Сначала я, как и все художники, ходил в зоопарк рисовать животных. Один из сохранившихся рисунков правой рукой – «Верблюд» (1946).

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

В. Жук. Эскизы к теме «Люди в зоопарке», 1951 г. Автору 16 лет

Лица в зоопарке

Сторожиha слонов

Слоновая горка

Эскиз – в зоопарке

Люди в зоопарке

Люди в зоопарке

МВ.: У вас есть эскиз свободной композиции – в «Коктейль-холле», очень веселый, жанровый рисунок. Зная о вашей насыщенной жизни, можно предположить, что наверняка за ним стоит некая история.

В. Жук. В «Коктейль-холле», 1953 г.

ВЖ: «В Коктейль-холле» - это уже после школы, 1953 год. «Коктейль-холл», или попросту «Кок», - это было знаменитое место в Москве на улице Горького: знаменитые джазисты (например, Лаци Олах⁴⁷), золотая молодежь, знаменитые коктейли (я помню их). Студенты стремились там побывать. Легендарный «Коктейль-холл» закрыли после фельетона Б. Прототопова и И. Шатуновского «Плесень» в «Комсомольской правде» 19 ноября 1953 г. (уже после смерти Сталина и ареста Берии). Мне кажется, что была еще статья на эту тему и в «Правде». Первоначальное название статьи, как мне говорили, было «Молодчики из «Коктейль-холла»».

После этой статьи слово «плесень» стало нарицательным. Оно обозначало «золотую молодежь» – детей «шишек». Но мы с приятелями раза три успели побывать в «Коке» на первом курсе. За небольшую сумму мы хорошо там сидели и еле добирались до дома. Помню коктейли «Маяк», «Южный», «Шампань-коблер»... На месте «Коктейль-холла» сделали кафе-мороженое. Недавно прочитал в гугле, что «Коктейль-холл», кажется, восстановлен. Как-нибудь зайду, когда буду в центре, и проверю (*смеется*). История всё-таки.

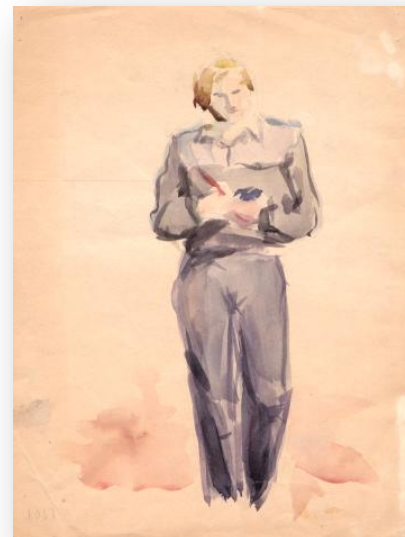
⁴⁷ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Олах, Ладислав Данилович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Олах,_Ладислав_Данилович)

МВ: А кто-то из тех, с кем вы учились, прославился? Вы поддерживаете дружбу с теми, кто учился вместе с вами? Расскажите о ком-нибудь.

Женя Тэриан рисует в зоопарке, 1951 г.

ВЖ: К сожалению, не поддерживаю. По существу, в художественной школе я дружил только с Женей Тэрианом. Это был высокий красивый блондин, мой ровесник. Мы ходили с ним рисовать в Парк культуры, на Воробьевы горы, в зоопарк. У меня сохранились наброски фигуры Жени карандашом и акварелью (без карандаша). Вместе ходили рисовать, как я писал, и к Мстиславу Ярославовичу. Но разные жизненные пути развели нас. И все-таки однажды в самом конце 60-х годов мы с ним встретились у него в мастерской. Произошло это так. Он окончил Строгановское училище и делал

В. Жук. Женя Тэриан. Акварель, 1951 г.

дизайн шкафов нашего суперкомпьютера, в разработке которого я принимал участие. Я передал ему привет. Узнав об этом, он попросил привести меня. Так я оказался в его мастерской на чердаке одного из домов на Пушкинской площади. Мы выпили и предались воспоминаниям. Он был заслуженным художником РСФСР, прикладником.

МВ: Были ли у вас периоды, когда вы возвращались к рисованию?

В. Жук. Миша Рогинский, художник. Москва, Усачевка, 1953 г.

В. Жук. Лера Блинов. На охоте в дер. Братанеж, 1954 г.

ВЖ: Было два коротких периода в начале учебы в институте. Первый период был, когда в 1953 г. из армии вернулся Миша Рогинский и мы рисовали вместе с ним у меня дома. А также делали наброски на пляже в Щукине недалеко от его дома в военном городке. Сохранился мой набросок Миши. Второй период был летом 1954 г., когда вместе со моим другом Лерой Блиновым и его школьным товарищем Сашей Власовым мы ездили на охоту в чудесную деревню Братанеж Владимирской области (недалеко от Петушков) – в лесу, на берегу небольшого озера. Они были опытными охотниками на лесную птицу с двумя собаками – ирландским сеттером и английским пойнтером.

В. Жук. Наброски в деревне Братанеж. 1954. Автору 19 лет

Два портрета английского пойнтера Рекса

Английский пойнтер Рекс

Шотландский сеттер Чита

Тогда они устроились на лето работать егерями в охотхозяйстве, прилегавшем к Братанежу. Саша был студентом архитектурного института, и мы с ним рисовали. Жили мы в старом доме одинокой пожилой женщины – Анны Осиповны Сизовой, которая выписывала журнал Московской Патриархии. Из него я узнал, что

Новый год – обрезание господне. Жили мы в чулане, через который «прошла» гражданская война – там были какие-то плакаты, лозунги и указатели того времени, своего рода музей эпохи.

В. Жук. Рисунки в деревне Братанеж, 1954. Автору 19 лет

**В поисках композиции.
Два эскиза: охотники в чулане А. О. Сизовой**

Мальчик сидит на рыбалке

Девушка из Братанежа

Мальчик стоит на рыбалке

Ели мы за столом в небольшом коридорчике между светлицей хозяйки и чуланом. Над столом висел большой обсиженный мухами портрет Орджоникидзе. Я нарисовал довольно большой портрет хозяйки, и она меня полюбила – даже хотела завещать мне дом. Анна Осиповна готовила нам и собакам за очень маленькие деньги. Однажды она приготовила нам тетерева и случайно подбитого ястреба. И когда я ел ястреба, не зная, что это ястреб, любящая меня Анна Осиповна сказала ребятам: «А нехристь-то как ястреба жрет». От этого замечательного лета сохранились несколько рисунков и акварелей.

МВ: Когда Вы рисовали портреты, кто вас привлекал больше как объект внимания – мужчина или женщина (лицо, фигура), или это было не важно, а был важен просто человек?

ВЖ: Гендерная сторона при выборе объекта рисования была не важна, да, по-моему, она для художников не важна, кроме случаев, когда является самоцелью.

МВ: Что лежит в основе любого художественного порыва: интересный объект, тема, задумка, внезапное настроение?

ВЖ: Все названные вами факторы могут лежать в основе художественного порыва.

МВ: Мы знакомы в основном с вашими карандашными работами и немного – с акварелями. Причем преимущественно с набросками, эскизами. А есть ли, например, масло, пастель, темпера?

ВЖ: Сохранилось, по существу, малогабаритное, малоформатное - в основном наброски в блокнотах, эскизы. Все-таки с той поры, когда я рисовал, прошло более шестидесяти лет. Масло, пастель и темпера в детской художественной школе не практиковались. Я только сам начинал писать маслом. А быстрые наброски – это большой тренинг, и я занимался ими постоянно. Особенно они помогли мне в период, когда я учился рисовать левой рукой.

В. Жук. Коломенское. Набросок, 1950 г.

Пейзажи, живопись.

В. Жук. Деревня Братанеж, 1954 г. Автору 19 лет

МВ: Мы знаем, что вы продолжаете интересоваться изобразительным искусством, ходите на выставки, посещаете музеи и частные галереи, дружите и общаетесь с художниками и искусствоведами. Не могли бы вы посоветовать на какую галерею и на какую книгу по искусству стоит, по вашему мнению, обратить внимание?

ВЖ: Об этом лучше было бы спросить у художников и искусствоведов. Но поскольку вопрос ко мне, отвечу так. Частных галерей в Москве огромное количество, и с подавляющим их большинством я не знаком. Одной из наиболее известных до недавнего времени была галерея «Дом Нащокина» в Воротниковском переулке недалеко от станции метро «Маяковская». Там постоянно устраивались замечательные выставки. Но сейчас, увы, эта галерея закрыта. Из других галерей я бы советовал следить за «Галеев-галереей» в Б. Козихинском переулке близ Патриарших прудов (недалеко от станций метро «Пушкинская» – «Тверская»). Там была потрясающая выставка Роберта Фалька. Я говорил с руководителем галереи Ильдаром Галеевым – это очень знающий человек, эксперт по русскому искусству двадцатых – тридцатых годов. Мы говорили с ним и об ученике и друге Фалька – Моисее Тевелевиче Хазанове, преподавателе художественной школы на Чудовке, которого я упоминал.

Честно говоря, специально за книгами по изобразительному искусству не слежу. Знаю, что вышло немало монографий по модернизму, постмодернизму и по направлениям от импрессионизма до нашего времени. Рискнул бы порекомендовать посмотреть книгу известного историка мирового искусства Игоря Голомштока, живущего в Великобритании, «Искусство авангарда в портретах его представителей в Европе и Америке» (М., 2004). И. Голомшток – автор множества книг по искусству, в частности книги «Пикассо» (1960) (в соавторстве с А. Синявским) – первой книги о Пикассо, напечатанной в России со времен революции 1917 г. Книги «Поль Сезанн» (1975) под псевдонимом «Барская» (в соавторстве с Е. Георгиевской). Книги «Тоталитарное искусство» (1994) и многих других книг. Он дружил с Марьей Васильевной Розановой и Андреем Донатовичем Синявским, с которым я познакомился в 1990 г.

Недавно на знаменитой выставке Георгия Костяки в Третьяковке на Крымском валу я случайно встретился с моим хорошим знакомым – физиком-теоретиком, доктором физико-математических наук. Он спросил меня, а нет ли такой концептуальной книги по искусству, в которой рассказывалось бы о разных направлениях и течениях в искусстве не путем перечислений как, скажем, в зоологии или ботанике, а так, чтобы их концепции следовали бы одна из другой и, возможно, из какой-то общей концепции. Я ответил, что такой книги не знаю. Мои знакомые художники и искусствоведы тоже затруднились с ответом, но на всякий случай порекомендовали несколько монографий. По-моему, изобразительное искусство настолько сложное явление, что задача представить его концептуально в одной книге может оказаться неразрешимой.

Однако недавно наткнулся на книгу, в которой хотя и не рассматриваются концепции различных направлений в искусстве, но в доступной форме дается общий подход к произведениям изобразительного искусства. Это книга Ю. Я. Герчука «Основы художественной грамоты: язык и смысл изобразительного искусства: учебное пособие» (М., 2013). Книга рассчитана на широкий круг читателей – от школьников старших классов общеобразовательных школ до учащихся художественных школ, училищ и студентов художественных институтов. Юрий Яковлевич Герчук (1925–2014) – известный искусствовед, автор ряда книг, преподаватель истории искусств в МСХШ. Он выступал на презентации сборника о Михаиле Рогинском в Государственном центре современного искусства и на его выставках. Еще в прошлом году я разговаривал с ним в РГБ (бывшей Государственной библиотеке им. Ленина).

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

А вообще я посоветовал бы прочитать или перечитать статью «Живопись сегодняшнего дня»⁴⁸, написанную в 1914 г. Владимиром Маяковским, тогда – студентом Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Можно не соглашаться с оценкой Маяковским тех или иных художников, но в этой статье, написанной энергично, талантливо и со знанием предмета, намечены многие проблемы современного искусства, хотя и так, как они виделись 21-летнему Маяковскому.

МВ: Есть ли у вас любимый художественный музей в Москве, в котором вам особенно комфортно?

ВЖ: Музей личных коллекций при Музее изобразительных искусств им. Пушкина. Там мне приятно все: архитектура, постоянная экспозиция, периодические выставки, скульптуры Георгия Франгуляна. И даже уютное и хорошо оформленное кафе (без спиртного).

М. Панфилова. Против света. Вечер в Липовке. Холст, масло, 2008 г.

⁴⁸ <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/mp0/mp1/mp1-325-.htm>

ПРОЗА

Ольга Грушевская
(МОССАЛИТ, Москва)

ТАМ ЖИВЕТ ЭМО

1.

Грета привычным взглядом посмотрела в окно: одно и то же такси уже третий раз проезжало мимо ее дома, поднимая столбы желтой пыли. Целый месяц стояла жара, и дрожащее марево раскаленного воздуха размывало очертания скудного ландшафта окрестностей.

«Заблудились», - предположила Грета, механически делая глоток холодной воды из большой керамической кружки.

В гостиной под потолком тихо шуршал вентилятор, а из угла доносилось монотонное урчание телевизора: «...В ближайшие дни сохранится жаркая погода, во второй половине дня в западных районах возможны ливни...»

- Пройдохи! Они только обещают дожди, - послышался раздраженный мужской голос. - Все вранье! Грета, что ты там себе думаешь?

Грета взяла большой оцинкованный таз и направилась к узкой деревянной лестнице, ведущей на второй этаж. По обыкновению она сушила белье на верхней террасе с задней стороны дома, куда ветер почти не приносил пыли.

Она уже занесла ногу, чтобы шагнуть на ступеньку, когда на улице раздался шум тормозов. Грета поставила таз на пол и, не оборачиваясь, стала ждать. Через пару минут звякнул колокольчик. В очередной раз убеждаясь в том, что мир не придумал ничего нового, а все люди ходят одними дорогами, Грета усмехнулась и пошла открывать дверь.

На пороге стояли двое - мужчина и женщина. Мужчина лет сорока в темном костюме и белой рубашке не первой свежести, на голове темная шляпа. К нему жалась худощавая белокурая женщина лет тридцати пяти, одетая в английский дорожный костюм, слишком плотный для жаркой погоды, на ногах туфли на каблуках. Оба выглядели уставшими и, похоже, нуждались в отдыхе.

- Здравствуйте, мадам, - сказал мужчина и окинул Грету беспокойным взглядом. - Нам нужен номер на пару дней.

Грета в свою очередь оценивающе посмотрела на незнакомцев - они не походили на здешних; затем кивнула и, ни слова не говоря, чуть припадая на правую ногу, раскачиваясь, направилась в глубь дома, где в прохладном полумраке находилась старая деревянная стойка - такие бывают в маленьких придорожных гостиницах. Мужчина с женщиной с сомнением переглянулись, но послушно последовали за молчаливой хозяйкой. После яркого солнца и уличной духоты сумеречные недра дома показались им приветливыми и желанными.

На стойке Грета хранила амбарную книгу для записи постояльцев, а за стойкой, на полке с ячейками, хранились ключи от шести гостиничных номеров - маленьких, но каждый с отдельным входом и крошечной ванной. Номера располагались в двух галереях по правую и левую стороны от центральной части дома, который с такими пристройками походил на старую рубаху с раскинутыми рукавами.

Гостиница называлась «Сверчки», о чем свидетельствовала почерневшая от времени доска, прибитая над входом: слово «Сверчки» было выбито крупными витиеватыми буквами и подсвечено мигающими лампочками. Такому названию гостиница была обязана маленьким непоседливым птичкам, похожим на воробьев, в большом количестве обитавшим по всей округе. Сверчки по обыкновению жили во влажных местах с высокой травой или в зарослях ивы, а некоторые так вообще селились исключительно в камышах. Но местные сверчки уже давно облюбовали окрестные хвойные леса, не обращая внимания ни на жаркий климат, ни на скудную растительность, и на удивление охотно вили гнезда прямо на земле - в пожухлой траве или в тени прямо около дома.

Дом Грете достался от деда, который век назад построил его на небольшом участке земли, полученном от городского Совета. К тому моменту дед уже давно вдовствовал, но жил не один, а со своей непутевой дочерью - дурочкой, как говорили в округе. Старик был немногословен и нелюдим, да и дочь свою старался скрыть от посторонних глаз, а потому участок попросил подальше - в нескольких километрах от ближайшего городка и в километре от заправочной станции. Удаленность от поселения, однако, не помешала ему одним из первых и провести телефонную связь, и подвести к дому воду, и наладить канализацию. Со временем старик пристроил к дому два деревянных крыла, напоминающих галереи, обустроив их под комнаты маленькой придорожной гостиницы.

Но как бы дед ни прятал свою дурочку-дочь, а все равно не уберег, и родилась Грета. А через пару лет дедова дочь, несчастливая мать девочки, заболела по зиме пневмонией и умерла в горячке. Городской Совет оставил ребенка в доме - у деда на попечении как у единственного родственника. Свою мать Грета знала лишь по фотографиям, а об отце так и вовсе ничего не слышала, да и дед вряд ли что-то знал - эту историю он никогда не рассказывал.

Раз в неделю дед ездил на старом грузовике в поселок за покупками и всегда брал с собой маленькую Грету, в течение же недели она все больше крутилась под присмотром нанятой толстой кухарки, помогая ей то на кухне в стряпне для постояльцев, то в уборке гостевых комнат. Так и выросла - при доме и при хозяйстве.

Постояльцев в «Сверчках» всегда было немного, но гостиница не пустовала, и доход с тех, кто в нее заглядывал, - а заглядывали знакомые водители грузовиков, припозднившиеся поселковые автомобилисты, заблудившиеся туристы, случайные охотники за приключениями, - худо ли, бедно ли, но с лихвой покрывал все текущие расходы, и дед всегда был доволен, да и Грета теперь не жаловалась.

2.

Поправив на носу очки со сломанной дужкой, Грета открыла замусоленную амбарную книгу, прилежно вывела дату и выжидающе посмотрела на новых гостей.

Пара представилась супругами, назвав фамилию и имена.

Аккуратно занося в журнал записи, Грета мельком взглянула на нервно поигрывающие на стойке пальцы мужчины и не удивилась, не увидев кольца. Эка невидаль! Чего только не насмотрелась она за долгие годы, каких только не принимала у себя постояльцев. Глаз у нее был зоркий, потому она пускала не всех, иногда и отказывала, а пару раз даже, помнится, вызывали

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

они с мужем полицию. Но большей частью хозяйка документы не требовала и на постояльцев не жаловалась, а в их дела так и вообще нос не совала.

«...принято решение об ужесточении мер контроля иностранных граждан, незаконно находящихся на территории страны...» - мерно бубнил телевизор из открытой гостиной.

Грета положила на стойку ключ от номера 2 и оценивающе взглянула на выдавший виды коричневый чемодан и небольшой саквояж. Мужчина перехватил ее взгляд:

- Нет, помощь не нужна, - сказал он и энергично подхватил поклажу.

- Ну раз не нужна... тогда прямо и вторая дверь налево, - сказала Грета и по привычке добавила: - Ближайшая закусочная на заправочной станции – в километре отсюда. Небольшой ужин или завтрак могу приготовить сама. Будет нужна вода - в кране почти теплая, но слабый напор. К вечеру напор увеличится и будет горячая. Если надо сейчас, могу воду вскипятить и принести в кувшине.

- Спасибо, обойдемся той, что из крана, - бросил через плечо мужчина, удаляясь в сторону галереи.

Просмотрев только что внесенные записи, Грета задумчиво проговорила:

- Значит, двое... - сказала скорее себе, чем кому бы то ни было, чтобы сообразить, что там у нее осталось в запасах, если постояльцы вдруг попросят перекусить.

Однако белокурая гостя, уже последовавшая за своим спутником, внезапно оглянулась, словно ее окликнули, и сделала неуверенный шаг назад. Она вновь подошла к стойке и с каким-то болезненным выражением лица сказала:

- Нет, нас... трое.

- Да? - Грета приподняла брови: - И где же третий?

Женщина подумала, а потом, слегка смущаясь, проговорила:

- Он приедет чуть позже...

Грета вновь взяла ручку.

- Как пишем?

- Запишите его как Эмо.

- В принципе, мне нет никакого дела, что писать, - Грета равнодушно пожала плечами, - но записать я должна, я соблюдаю порядки. Эмо так Эмо.

- Да-да, - женщина неловко оправила дорожный пиджак, - конечно. Могу я попросить для него отдельный номер?

Грета вновь пожала плечами, дескать, ей все равно - главное, чтобы платили и не делали ничего незаконного.

- Простите, я совсем забыла о нашем друге, - добавила женщина и, опустив глаза, стала одергивать теперь уже юбку.

- Немудрено, устали с дороги, - поддакнула Грета и протянула ключ. – Вот, номер 1, - пояснила она, - ваши номера смежные. Иногда на выходные к нам приезжают семьями и просят две комнаты с внутренней дверью, вот мы и сделали один такой номер. Вам, очевидно, не нужен ключ от внутренней двери?

На пыльном окне назойливо жужжала муха. Женщина задумчиво смотрела в окно и, похоже, совсем не слушала хозяйку гостиницы. Грета тоже молчала. Наконец гостя очнулась от мыслей и вздохнула.

- Простите, - она виновато посмотрела на хозяйку. - Что вы сказали?

- Ничего, - покачала головой Грета и захлопнула амбарную книгу.

3.

Ключ в замке щелкнул, и мужчина с женщиной вошли в номер.

Комната была небольшой и безликой, как и большинство номеров в дешевых гостиницах. Окна скромного пристанища закрывали пыльные пластиковые жалюзи, отбрасывающие четкие параллельные тени; с потолка свисал треснувший желтый плафон с электрической лампочкой; стены покрывали обои в блеклый, похожий на злобную мордочку цветочек. Слева - железная двуспальная кровать с подушками и одеялом, покрытая выцветшим клетчатым пледом, у кровати круглый деревянный стол с двумя стульями. Справа от двери высился узкий, изъеденный древесным жучком платяной шкаф с металлическими желтыми ручками со множеством затхлых полок и одним большим выдвижным ящиком снизу – для обуви.

Не раздеваясь и не снимая туфель, женщина опустилась на кровать, откинулась на подушку и прикрыла глаза. Мужчина же, поставив вещи у двери, кинул на стул пиджак, шляпу и остался в измятой рубашке и брюках на широких полосатых подтяжках. Затем прошелся по комнате, лениво заглянул в платяной шкаф, тоскливо проскрипевший ему в ответ, слегка покрутил жалюзи, впуская внутрь комнаты больше света, дернул запертую дверь в смежный номер и прошел в крошечную ванную комнату с приоткрытым окошком под потолком. Повернув кран, он с наслаждением плеснул на лицо прохладную воду и посмотрел на себя в висевшее над раковиной зеркало – волевые брови, ироничные глаза, под полоской аккуратно подстриженных усов искривленные не то в презрительной улыбке, не то в недовольной гримасе губы – все это плохо сочеталось на одном лице, словно художник написал портрет наспех. Промокнув лицо полотенцем, мужчина вернулся в комнату и тоже лег на кровать рядом со своей спутницей.

Некоторое время они молчали.

- Я жалею, что связалась с тобой... - наконец тихо проговорила женщина, не открывая глаз. – Какого черта ты меня сюда притащил?

- Ты устала, Марго, - бесстрастно откликнулся мужчина со своего края кровати, - вот увидишь, ты отдохнешь, и уже завтра жизнь тебе будет казаться не такой уж и мрачной. Все наладится.

- Сколько мы здесь пробудем?

- Сутки-двое, не знаю, как скоро мы получим документы.

- Я взяла номер для Эмо.

- Господи, Марго, неужели тебе не надоело? В конце концов, мы так не договаривались... я не знал, что нас будет трое.

- Заткнись! – резко парировала женщина, привстав на локоть и поворачиваясь в сторону партнера. – Я без него никуда не двинусь!

Мужчина сел и спустил ноги с кровати.

- Ну хорошо-хорошо, - примирительно сказал он и, ослабив галстук, начал устало расстегивать на сорочке пуговицы, - как скажешь. Марго, милая, тебе нельзя нервничать. Поедем тогда, когда появится Эмо, я вовсе не против, - тут мужчина обернулся и внимательно заглянул в сердитые глаза спутницы: - Я знаю, как ты к нему привязана, и я это ценю. Только когда он появится?

Женщина отвела взгляд и вновь откинулась на спину.

- Думаю, скоро, - уверенно сказала она, сосредоточенно глядя в потолок, - может быть, даже сегодня.

Мужчина ничего не ответил, только ободряюще провел ладонью по ноге Марго в светлом капроновом чулке.

4.

Старик в застиранной фланелевой рубашке сидел в большом продавленном кресле и, казалось, дремал под размеренное бормотание телевизора. Рука с газетой вяло перевесилась через подлокотник, очки сползли на нос, лоб покрыла испарина. Было душно и жарко – воздух застыл в комнате прозрачной маслянистой субстанцией, большие вращающиеся под потолком лопасти не давали даже слабого движения воздуха.

«...число нелегальных эмигрантов возросло на несколько тысяч... среди основных причин, повлекших такой скачок, называют рост безработицы и социальной незащищенности в соседних странах...»

Грета сидела рядом с мужем и перебирала в эмалированной миске бурые зерна сушеной фасоли.

«Тр-о-е, э-м-о, н-о-мер, о-о-о, - вертелось в голове у Греты. – Эта женщина чудно тянет гласный. Иностранный акцент? Особенность речи?» - она вздохнула и механически перевела взгляд на экран.

«...Также увеличилось число иностранцев, которые в попытке уйти от правосудия своей страны либо, желая по личным причинам скрыть место своего нахождения, пересекают границу и, игнорируя официальную регистрацию... становятся нелегалами. В связи с этим Совет обращается к гражданам незамедлительно сообщать о случаях...»

- Я бы собрал всех нелегалов и упек бы одним махом в тюрьму... А лучше - депортировал без права возвращения... Они воруют у наших парней работу, вносят беспорядки и не платят налоги, - проворчал старик и прищурил один глаз: – Что думаешь, Грета?

Грета посмотрела на мужа:

- Думаешь, эта парочка нелегалы?

- А мне почем знать! – старик недовольно махнул рукой. - Ты сама-то что думаешь?

- Думаю, они нелегалы, у них что-то с документами.

- Может, так... - скривил губы старик, - а может, и не так.

Грета не ответила, только встала и принесла на стол кофейник.

- Кофе?

- Пожалуй, - ответил старик и поудобнее устроился в кресле.

5.

Придорожная гостиница, похожая на засевшую на мели старую шуну и сохранившаяся в том виде, в котором ее построил дед Греты, всегда жила своей жизнью. Грета с мужем лишь поддерживали навсегда установленный порядок, помаленьку ремонтируя крышу, меняя стоки, проводку, что-то подкрашивая-подлатывая, приплачивая сезонным рабочим, но в целом не сильно мучаясь, – дом был поставлен дедом крепко, для себя. Летом он продувался сухими ветрами, и зимой, если и случались затяжные дожди, сыро в нем никогда не было.

Дом, как это часто случается, перенял нрав своего хозяина - сухой, молчаливый, и даже по ночам не издавал никаких звуков – не скрипел и не ухал вопреки обычным домыслам в отношении старых построек; и не водились в доме привидения, склонные обитать скорее в мрачной и влажной местности.

Но то ли от самого «приютского» характера дома, то ли от накопившегося в нем за долгие годы людского духа, в «Сверчках» присутствовало повсюду странное напряжение, которое и напряжением-то назвать было сложно, скорее – монотонность, незыблемая и неизбежная, невыносимая для чужаков, но привычная для хозяйки и ее мужа.

Эта напряженная монотонность была схожа с утомительным ожиданием чего-то важного и значимого и присутствовала во всем. Она витала в однообразном пейзаже, который Грета знала до мельчайших подробностей, таком безликом и пустынном, словно на нем – как на чистом холсте – должно было вот-вот что-то образоваться или случиться; в вечно работающем телевизоре, бурчание которого неизменным фоном расползалось по дому, и казалось, будто эта невнятная череда звуков скоро взорвется какой-то звонкой и ясной новостью; в размеренном цоканье вентилятора, отбрасывающего на стены расплывчатые блики, которые Грета иногда, замирая, разглядывала, и ей казалось, что еще немного – и все они сольются в большой солнечный шар, который заполнит все внутреннее пространство дома и, как холодное солнце, медленно выкатится на пустынную улицу.

Монотонность вкрадывалась даже во взгляд самой Греты; бесконечными минутами, а то и часами, не двигаясь, застыв, как черепаха, смотрела она на дорогу, на которой ничего не происходило, лишь иногда проезжали редкие автомобили да проплывал, как летучий голландец, пыльный и вечно кашляющий старый автобус, появляющийся в одно и то же время, четырежды в день, и редко останавливающийся у придорожной гостиницы, разве что по требованию. И не понятно было, ждала ли Грета кого, или долгие годы что-то разглядывала, или просто спала – с открытыми глазами.

А постояльцы тем временем с вынужденной однообразной необходимостью щелкали ключами в замках своих комнат, отпирая и запирая двери; кидали мятые вещи в разошедшиеся платяные шкафы; разглядывали свои усталые лица в пожелтевших зеркалах старых трюмо; ложились спать на скрипучие кровати и, ворочаясь, никак не могли уснуть – слишком громко звенело вокруг чувство ожидания, паутиной опутывающее любое выбивающееся из общего ритма движение. Сухая тишина пропитывала стены гостиницы, улицу с тусклым фонарем, редкий хвойный лес, скудными островками тянувшийся вдоль одинокой дороги. Тишина незаметно смешивалась с тихим пением сверчка, похожим то на шелест и шуршание листьев, то на сухое стрекотание кузнечиков, то на бульканье пузырей, поднимающихся из воды.

Грета сказала неправду: дверь в смежный номер была прорублена дедом еще до ее рождения.

6.

В спустившемся вечере гостиница освещалась лишь несколькими окнами постояльцев да вывеской «Сверчки», где в букве «р» перегорела лампочка, а потому из «Сверчков» получилось нелепое – «Свечки». Проезжая часть пустовала – последний автобус проехал в назначенный час, так никого и не выплюнув на остановке. Постояльцев в «Сверчках» почти не было – лишь студент-орнитолог, изучающий повадки местных птиц, монахиня-евангелистка, направлявшаяся в соседний город в баптистскую церковь да пара супругов, заехавших утром, по мнению Греты, наверняка нелегалов, хотя такое предположение серьезного повода для беспокойства не давало: в конце концов, это было дело городского Совета – выискивать эмигрантов.

Прибрав номер после отъезда водителя грузовика, их давнишнего знакомого, возившего раз в неделю бочки с сахаром на субботнюю ярмарку и по обыкновению вот уже десять лет останавливающегося в одной и той же комнате, Грета шла с корзиной белья вдоль галереи, когда увидела тонкий луч света из приоткрытой двери в соседнем крыле.

Через секунду она поняла, что свет шел из первого номера.

«Когда же этот третий приехал? – удивилась она, озадаченная тем, что пропустила машину, и с намерением незаметно заглянуть в приоткрытую комнату двинулась по галерее дальше. – Верно, такой же беженец, как и эти двое», – рассудила она, но, подойдя, с разочарованием обнаружила,

что щель была слишком мала для того, чтобы что-то разглядеть внутри. Зато можно было легко различить доносившиеся из комнаты голоса. Грета подошла ближе и прислушалась. Говорили двое, женский голос с характерно тянущимся «о» Грета узнала сразу.

- Ты осложняешь нам жизнь, - возбужденно говорила женщина, - без тебя нам было бы легче... на нас и так косо смотрят... муж долго это терпеть не будет... может быть, уже прошли новости... я не удивлюсь, если кто-то сообщит в полицию...

Грета нахмурилась. Последние слова ей не понравились.

Затем раздался второй голос, низкий и плохо различимый, принадлежащий мужчине, но говорил то муж женщины или их припозднившийся друг, или вообще работало радио, Грета определить не смогла, а потому подалась еще чуть вперед. Но в эту минуту соседняя дверь распахнулась, и рядом с хозяйкой «Сверчков» появился муж женщины, с сигаретой в зубах, и прислонился к косяку двери.

- Вы что-то хотели? – поинтересовался мужчина; в правой руке у него был мужская туфля, а в левой - щетка для обуви.

От неожиданности Грета отпрянула, хмыкнула, но не растерялась.

- Да, - сказала она. – Хотела уточнить по поводу ваших документов... а то, знаете... сейчас столько нелегальных эмигрантов...

- Разве мы похожи на нелегалов? – весело усмехнулся мужчина и, попыхивая сигаретой, принялся непринужденно чистить ботинок. - Поверьте, на этот счет вам нечего беспокоиться.

Грета промолчала, раздумывая, стоит ли настаивать: обычно документы она не спрашивала.

- Что-нибудь еще? – уточнил постоялец, выпуская колечко дыма.

- Да, - неожиданно для себя сказала Грета. – Еще хотела узнать... не надо ли чего вам или... вашему другу. Похоже, он уже приехал.

- Марго! – продолжая чистить ботинок, громко крикнул мужчина в полураскрытую дверь соседнего номера. – Тебе что-нибудь надо?

Через секунду дверь с табличкой «1» широко распахнулась, и на пороге появилась Марго в длинном кружевном халате, из-под которого виднелось дорогое нижнее белье. Увидев хозяйку, она быстро прикрыла за собой дверь, однако Грета успела разглядеть на спинке стула мужской пиджак, а на столе - дымящуюся в пепельнице сигарету.

Марго вопросительно смотрела на хозяйку и молчала, словно увидела ее впервые; хозяйка же сосредоточенно разглядывала дверь за спиной Марго, а точнее - ржавый гвоздь, которым была грубо прибита цифра «1».

- Ах да... - через какое-то время проговорила белокурая женщина и смущенно запахла халат потуже. – Да-да, конечно. Нам нужен завтрак. Что-нибудь несущественное – кофе, булочки... Сможете?

Грета кивнула и уже собралась уходить, но Марго добавила:

- Для троих.

От хозяйки не ускользнула промелькнувшая во взгляде мужчины растерянность, но, уходя, она лишь бросила через плечо:

- Спокойной ночи, не буду мешать, - а про себя подумала: «Пора бы гвоздь заменить».

7.

За столом в гостиной сидели студент и молодая монахиня, завтракали. Грета подала вареные яйца, масло, теплые булочки, поставила разрисованный голубыми цветочками фарфоровый молочник с холодным молоком и кофейник с горячим кофе. Студент, громко хлюпая

при каждом большом глотке кофе, увлеченно листал лежавший рядом с ним на столе иллюстрированный журнал с изображениями птиц. Монахиня же отправляла в рот уже вторую сдобренную маслом булку, тщательно прожевывая каждый кусок крепкими молодыми зубами, при этом она поднимала глаза к потолку, словно кто-то подглядывающий из осиной сердцевины изношенного вентилятора помогал ей глотать.

Муж Греты, по обыкновению утонув в низком потертом кресле, читал «Городские ведомости», он покачивал яйцеобразной головой и цокал языком, а иногда и комментировал вслух:

- Городской Совет выделил средства на улучшение нашей дороги, слышали? – торжественно сообщал он и тут же со старой злобой возмущался: - Пройдохи! Бьюсь об заклад, эти деньги вновь уплывут в карманы грязных чинуш. Уже десять лет болтают об этом. И что? Что-нибудь изменилось?

Студент из вежливости поднял голову, отстраненно взглянул на воинствующего старика и, бросив неопределенное «да уж...», поскорее вернулся к журналу.

Монахиня же, спешно проглотив последний кусок и покончив с кофе, суетливо встала и со словами *«Поблагодарите Бога за то, что у вас есть, и Он даст вам то, чего вам не хватает»* быстро засемила в свою комнату.

- Спасибо, сестра, нам это пригодится, - ехидно крикнул старик ей вслед.

Грета, ширококостная, с прямой спиной, похожая в своем длинном суконном платье на что-то незыблемое и неотъемлемо принадлежащее старому дому, будто мебель или какая-то особая крупная утварь, стояла ко всем спиной и сервировала завтрак на двух небольших подносах: на одном - для Марго и ее мужа, на другом - для постояльца из первого номера.

Часы показывали семь, а воздух, так и не остыв за ночь, постепенно становился тягучим и терпким. Пронзительно чистое небо не оставляло никаких надежд на обещанный ливень. Грета сделала глоток из стоящей под рукой кружки и поморщилась – вода была почти теплой.

- Или вот, - продолжал листать газету старик, - *«Транспортная компания сообщает об увольнении двух десятков служащих в связи с сокращением...»*

Не дослушав, Грета взяла поднос и, как большая темно-серая рыба, плавно выплыла в холл и скрылась в галерее. Подойдя ко второму номеру, она осторожно постучала:

- Завтрак!

Дверь беззвучно приоткрылась, и из темных глубин помещения вынырнул муж Марго в наспех накинута мятая халате и неловко забрал поднос, сонно бросив «спасибо».

Минут через пять Грета появилась вновь.

- Завтрак, - постучала она, на этот раз уже в соседнюю дверь, но из комнаты никто не ответил. Она постояла, прислушиваясь, за дверью царил тишина, тогда она поставила поднос около двери и в задумчивости вернулась в гостиную.

Студента за столом уже не было, зато повсюду было полным-полно крошек, от чего и стол и пол вокруг стула выглядели шероховато-белыми и растерзанными. Завидев жену, старик оживился и вытянул шею:

- Послушай, Грета, что пишут в частных объявлениях: *«Господин С. разыскивает свою жену... предположительно ушла из дома 7 дней назад... 35 лет, светлые волосы, рост выше среднего. Женщина может путешествовать в компании мужчины. Просьба сообщить по телефону...»* Ну? Что скажешь на это?

Грета посмотрела на мужа:

- Думаешь, это они?

- А мне почем знать, они – не они! – заерзал старик. - Ты сама-то что думаешь?

- Думаю, это они, все совпадает.

- А я думаю, может, так... а может, не так.
- Грета промолчала, только взяла кофейник и наполнила мужнину чашку.
- Кофе?
- Пожалуй, - прокряхтел тот и откинул газету в сторону.

8.

Наступил ленивый дурмнящий полдень, а завтрак под дверью оставался нетронутым.

Управившись с делами и еле дозвонившись знакомому мастеру, вот уже третий день обещавшему приехать и починить кран в хозяйской ванной, Грета поднялась на второй этаж на террасу и грузно опустилась на деревянный стул – в жару сильно отекали больные ноги. Помещение редко использовалось для отдыха, все больше для хозяйственных целей, и расположенный в центре плетеный маленький стол с одним колченогим стулом окружали покосившиеся шкафы и стеллажи, забитые ненужным хламом. Напоминала зашарканную корабельную палубу, терраса пряталась в ажурной тени большого дерева, хорошо продувалась и служила убежищем от дневного зноя.

«Да... - сонно думала Грета, откидываясь на спинку стула и складывая на широкой груди руки, - да... мужа, жены, любовники... История стара как мир, - она про себя усмехнулась, - но мне нет до этого дела».

Развешанное на веревках белье, подобно повисшим в штиль парусам, давно высохло и впитало насыщенный солнечный запах, оставалось только его аккуратно разложить по полкам в шкафах. Грета прикрыла глаза, рот наполнило горячее тепло, от которого клонило ко сну.

«Но только кто этот третий?»

Неожиданно рядом послышалось движение - не то шорох ног, не то вздох. Грета напряглась - показалось? Но нет, звук повторился, похоже, чиркнула спичка.

Задев качнувшийся стол, раздосадованная хозяйка с усилием встала и, отогнув край застиранной льняной простыни, увидела «сбежавшую» дамочку, назвавшуюся Марго, та стояла с дымящейся сигаретой в длинных пальцах, опершись на край террасы, и смотрела вниз. На ней был тот же длинный ажурный халат, что и накануне вечером.

- Что вы здесь делаете? – удивилась Грета.
- Ничего, - коротко ответила Марго, даже не взглянув на хозяйку.

Грета громко хмыкнула, всем своим видом выказывая недовольство и особенно то, что короткий ответ ее не устроил.

- Всю ночь в комнате что-то шуршало, не могла спать, - продолжила белокурая гостья, глубоко затягиваясь сигаретой. – У вас что – мыши?

- Вы открывали окно?

- Да. А как вы хотели - так душно! – дернула худым плечом Марго. - Но это не помогло. Говорю же: что-то шуршало, пищало, потом стало царапаться – какой-то ужасный сухой звук, как по стволу дерева.

- А... - догадалась Грета и принялась неторопливо стягивать белье с веревок. - Не бойтесь, это сверчки. Они здесь повсюду.

- Насекомые?

- Птицы.

- Разве есть такие птицы? Вы шутите!

- Есть. Они плохо летают, зато умеют бегать в траве и проворно лазить по кустам и деревьям.

- Час от часу не легче, – Марго поежилась. - Мне кажется, эта птица забралась в нашу комнату. Может быть, она под кроватью или где-то в ванной.

- Вполне может быть, раз вы открывали окно. Вы сами-то ее не искали?

- Нет. Я ушла.

- А ваш приятель?

- Он уехал, - тут Марго наконец повернулась и с любопытством, чуть щуря глаза, взглянула на хозяйку: - Вы что-нибудь знаете?

Грета на секунду задумалась, сказать ли Марго об объявлении в газете? В конце концов, ей не мешало бы знать. Но, подумав, она решила не вмешиваться и отрицательно покачала головой:

- Нет.

Казалось, Марго осталась довольна ответом:

- Хорошо, - качнула она головой и стала что-то разглядывать на голубом небе. - Муж и Эмо уехали в город. Дела... Они обещали мне привезти круассаны, у вас просто ужасные булочки!

- Вдвоем?

- Что?

- Вы говорите, они уехали вдвоем?

- Да. А почему вы спрашиваете?

Какое-то время Грета молча складывала белье и загружала стопки на полки, но потом все же не выдержала:

- На автобусе?

- Нет, на такси, - прозвучал быстрый ответ, который окончательно озадачил хозяйку.

- Я этого не видела, - уверенно заключила Грета. Что-то в словах Марго ей не нравилось.

- Вы не можете видеть все, - невозмутимо рассудила Марго и длинным пальцем стряхнула пепел. - Вы можете только предполагать.

Хозяйка бросила на свою постоялицу пристальный взгляд, и недоверие тут же сменилось жалостью: темные круги под глазами Марго - отпечатки бессонной ночи, усиленные полуденным светом, совсем ее не красили, она была похожа на заплутавшую в ночи птицу.

- Эмо все время уезжает, - тихо продолжала Марго, разглядывая тлеющий кончик сигареты. - У него много дел. Но он возвращается... иногда - совсем непредсказуемо... Муж, знаете, все время ругается и говорит, что Эмо мешает нам. Но... Эмо единственный, с кем я могу разговаривать. Он единственный, кто меня понимает и слушает. Он... понимаю, это звучит нелепо, но он - мой единственный друг! - Марго внезапно повернулась и порывисто схватила Грету за руку: - Вы понимаете, что я имею в виду? У вас есть друг?

- Друг? - Грета в растерянности покосилась на тонкие пальцы, судорожно сжимающие ее запястье. - Не уверена.

- К тому же он такой красивый, - лукаво добавила Марго.

- Кто? Муж?

- Муж? При чем тут муж? - возмутилась женщина и резко отдернула руку, но мгновенно совладала с собой и, как показалось Грете, еле заметно усмехнулась. - Ах да, муж... С ним все в порядке. О нем не стоит беспокоиться. Я же уже сказала, он уехал с Эмо, разве вы меня не слышали?!

- Да все я слышала, - недовольно буркнула Грета и, давая понять, что ей пора заняться делами, добавила: - Я провожу вас вниз.

Марго не возразила, неожиданно послушно прошла вперед и, слегка придерживая подол длинного халата, стала спускаться по узкой деревянной лестнице, словно погружаясь в черный бездонный колодец. Но уже внизу она импульсивно оглянулась и умоляюще посмотрела на следовавшую за ней хозяйку:

- Послушайте... Может быть, вы все-таки поищите эту птицу у нас в комнате... я не могу спать.

9.

Стена на ощупь была сухой и шершавой, как кожа лесной ящерицы, и детская ладошка, упиравшаяся в нее, потом долго хранила на себе вмятинки - отпечатки неровностей.

- Иди же сюда, маленький, сейчас я тебя спасу, мой дружочек.

Из щели в стене – у самого пола – на нее смотрели две глянцевые бисеринки глаз, и время от времени раздавалось перепуганное стрекотание и суетливая птичья возня. Стоя на коленках и опираясь о стену одной рукой, она просунула другую руку в щель и крепко схватила застрявшую птичку, та дернулась в ладони пушистым упругим комочком и покорно притихла. Осталось лишь вытащить кулак из щели, но сделать это, не ободрав костяшки, было сложно. Она сжала кулачок посильнее и, зажмурившись, выдернула руку, обжигая кожу краем стеного песчаника. В кулаке что-то по-мышинному встrepенулось, дернулось, издало еле слышное «срь...» и застыло.

Она выпрямилась и, удобно опершись спиной о стену, довольная разжала кисть. На ладони, странно вытянутый, как солдатик на параде, лежал сверчок с поджатыми лапками. Она погладила его, нежно подула, потом положила серую птичку на дощатый пол и - в надежде растормошить - приободряющее подвигала серое тельце указательным пальцем.

- Эй, - еле слышно прошептала она, - эй, ну... маленький, эй, я спасла тебя, лети.

Но крохотное существо, внезапно отяжелевшее, не подавало признаков жизни. Она дула на него, и вновь двигала, и даже дергала за крошечный клюв и нелепо сжатую лапку, чувствуя как странная злость, смешанная с досадой и еще чем-то непонятным, щемящим и тяжелым, где-то глубоко в груди, начинает душить ее.

- Гадкий, гадкий, - уже шептала она, гневно кривя губы, чтобы удержать в себе и не выпустить наружу это «что-то», так сдавливающее грудь, - ты - гадкая птица, так тебе и надо, - распирающий горло ком подкатывался все выше и выше, перехватывая дыхание.

- Грета, где ты? – внезапно из глубины дома донесся сердитый мужской окрик.

Она испуганно вскочила, растерянно схватила безжизненное тельце и, на секунду страстно прижав к груди, быстро спрятала за пазухой, а затем выбежала из своей комнаты и незаметно выскользнула с задней стороны дома, выходящей к сухому ельнику.

Когда же из дома опять послышалось – нетерпеливо и громко - «Куда ты подевалась, сучье отродье?», она уже торопливо похлопывала по земляному холмику маленькими крепкими ладошками, размазывая по лицу грязными пальцами беззвучные слезы.

10.

В конце галереи стоял элегантный мужчина в светлом костюме и тихо беседовал с молодой монахиней. Мужчина стоял спиной, а потому лицо его не удавалось разглядеть, но было очевидно, что он кокетничал с собеседницей, ничуть не смущаясь ее статуса. Монахиня же охотно поддерживала беседу и даже улыбалась, обнажая широкую щербину между передними зубами.

Понимая, что может оказаться лишней в их разговоре, Грета уже хотела пройти в дом, однако любопытство взяло верх.

«Наконец-то», - решила она и уверенно направилась в сторону весело болтающих постояльцев.

Увидев приближающуюся хозяйку, монахиня быстро опустила глаза и что-то сказала собеседнику; тот, не оборачиваясь, громко произнес – так, что Грета вполне отчетливо расслышала:

- И что же, по-вашему, сестра, вы предлагаете ни о чем не думать и уповать на Бога⁴⁹?

- Именно так, - с готовностью согласилась та, выуживая из глубоких рукавов аккуратную ниточку янтарных четок.

- Что бы с нами без него было?!

Пропустив иронию собеседника мимо ушей, монахиня с серьезным видом добавила:

- Главное - жить жизнью праведника: *«Кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь»*⁵⁰.

- Значит, сестра, богатый станет еще богаче, а бедный потеряет последнее! Где ж справедливость?

- Это несложно понять...

- Прошу прощения, - нетерпеливо вмешалась Грета, выросшая рядом с постояльцами, как большая волна, накатившая на безмятежный берег. – Буду рада познакомиться.

Монахиня поджала губы, а мужчина с готовностью обернулся.

Перед Гретой как ни в чем не бывало стоял муж Марго и с любопытством смотрел на хозяйку. В светлом элегантном костюме и зачесанными назад блестящими волосами он казался Грете совсем чужим – стройнее, моложе и выше. Очевидно, по этой причине она его не признала.

- Ах, это вы... - растерялась она, совершенно разочарованная.

- А кто еще это мог бы быть? – засмеялся мужчина, беззаботно закуривая коричневую сигарету. – Вы кого-нибудь ждете?

Грета не знала, что ей следует на это сказать, поэтому брякнула то, что ей показалось уместным:

- Я гляжу, вы уже вернулись. А где ж ваш приятель?

- Приятель? – мужчина слегка нахмурился, словно что-то припоминая, но уже в следующее мгновение расплылся в артистичной улыбке: – Ах, да! Марго... вам сказала Марго. Вы имеете в виду Эмо? Да, конечно, мы вернулись вместе. Думаю, он направился в гостиную за холодной водой. Очень жарко.

- Да? – выпалила Грета, не скрывая досады. – Значит, он все-таки проживает в моей гостинице! Хотя, скажу вам по правде, я никак не могу с ним увидеться. Разве это не странно? Надеюсь, мне заплатят за оба номера?!

- Не беспокойтесь, мадам, мы заплатим как полагается, - отозвался элегантный собеседник, выпуская колечко дыма. Затем он неторопливо вынул из нагрудного кармана кожаный бумажник и извлек из него сложенный вдвое голубой листок: - Вас устроит предъявительский чек?

Лицо монахини превратилось в невыразительную маску и потускнело. Флегматично скользнув по бумаге взглядом, она равнодушно посмотрела на небо, демонстрируя, что насущные вопросы ей совсем не интересны.

Хозяйка же, напротив, издала свистящий звук, отдаленно напоминающий «спасибо», деловито убрала чек в широкий передник и, полная достоинства, словно большая лодка, раскачиваясь, поплыла к входу в дом.

⁴⁹ *Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя. Никогда не даст Он поколебаться праведнику. (Псалтырь. LIV, 23).*

⁵⁰ *Святое Евангелие от Луки. VIII, 18.*

- Вот сестра интересуется, не можем ли мы подбросить ее в ближайший город, - словно оправдываясь, раздался у нее за спиной голос постояльца, - но, боюсь, нам совсем в другую сторону.

На самом деле Грете было все равно, как доберется монахиня до города, ее интересовало совсем другое – она спешила в гостиную, где надеялась встретиться с Эмо. И действительно, уже из холла, где она мгновенно погрузилась в насыщенную смесь уличного зноя и затхлых домашних запахов, которая, подобно трясине, обволокла ее тело и сковала движения, - из этого пыльного холла она явственно различила, как в гостиной по голым доскам пола простучали шаги, хлопнула дверь холодильника и щелкнула крышка бутылки с газированной водой. Через минуту шаги вновь застучали, скрипнула черная дверь, и все стихло - звуки просеялись сквозь рыхлое сито пространства, оставляя в воздухе лишь урчание телевизора.

Тяжело дыша, она наконец вплыла в гостиную, как в бухту. Но ничего нового она там не увидела и ничего интересного, лишь на скатерти расплывался и таял влажный след от бутылки да валялся забытый рядом потрепанный журнал с рисунками птиц.

11.

Она исподлобья смотрела на потное лицо толстой кухарки с крупным мясистым носом и выдающимся вперед упрямым подбородком – та вытаскивала из черной пасти духовки горячий противень, наклонившись к плите так, что ее большой зад в длинной лоснящейся юбке образовал в центре кухни холм, могучий и будто поросший густым буро-зеленым мхом. Кухарка казалась ей старой и злой. На самом же деле той не было и сорока, да и злой она не была, а была смешливой и глупой. Грету она не любила, но не по каким-то особым причинам, а исключительно от скудности данных ей богом эмоций. Будучи по-собачьи преданной хозяину, кухарка рассматривала маленькую девочку лишь как мелкое домашнее животное – канарейку или кошку, - которое надо кормить, следить, чтобы оно не сбежало, а иногда и свою пользу из зверька извлекать, чтобы не понапрасну корм тратить.

- Вся в мать, такая же слабоумная, - вздыхала кухарка, когда сердилась на маленького зверька, и вспоминала тогда давнишнюю историю о хозяйской дочери, которую большую часть времени дед держал под замком, чтобы не смущать постояльцев. Та как-то по недосмотру ловко улизнула из дома и долго отчаянно бежала по дороге - босая, сбивая в кровь ноги, бежала до заправочной станции, откуда ее и подбросили до ближайшего города.

- Вернулась, дура, уже брюхатая, - ловко орудуя кухонным ножом по пучкам повядшей зелени, укоряла кухарка маленького зверька – жалкий плод свершившегося греха. И всякий раз, вспоминая эту семейную историю, кухарка сладостно будоражила в своей душе колющую обиду на уготованную ей бесплодную женскую долю. И особенно мучительно обида на судьбу расцвела тогда, когда хозяин однажды прорубил дверь из ее комнаты в соседнюю, чтобы она присматривала за его непутевой дочерью, а позже – и за осиротевшей внучкой.

- Все, ступай, - махнула рукой кухарка и отерла широкой ладонью с крепким запястьем вспотевшее рябое лицо, - нечего попусту на меня пялиться. Иди, полухвее, прибирай пустые комнаты.

12.

«...на тихой улице города Н. произошло ограбление банковского курьера, который в кейсе перевозил ценные облигации на общую сумму 5 миллионов...»

Погруженный в топкое кресло старик склонил голову на грудь, словно спал или молился, нисколько не заботясь об искаженном сильными помехами и расползшемся силуэте диктора. Руки старика – морщинистые, с беспокойными пальцами – были сложены на животе. Под потолком привычно натужно вращались пыльные лопасти в жалкой попытке хоть чуть-чуть всколыхнуть клейкий комнатный воздух.

Немигающим взглядом Грета уставилась на мерцающие черно-белые полосы экрана.

«...облигации принадлежат Банку государственной казны и строительным предприятиям и представляют собой чеки на предъявителя... по свидетельству пострадавшего, грабителей было двое... однако есть вероятность, что грабителей было трое... один из которых - женщина... всем удалось скрыться... Ведется следствие. Просим незамедлительно сообщить о подозрительных лицах...»

- Куда смотрит полиция! Пройдохи! – проворчал старик. – Это уже совсем возмутительно! Среди бела дня ограбили человека и безнаказанно скрылись!

Грета с озадаченным видом сунула мужу мятый листок бумаги:

- Вот, смотри.

Старик посмотрел на свет протянутый чек, внимательно вглядываясь в хорошо заметные водяные знаки.

- Думаешь, это они? – спросила Грета.

- А мне почем знать, они – не они? Ты сама-то что думаешь?

- Думаю, это они. На этот раз все совпадает.

- Может, так... - старик почесал щеку, покрытую белой изморозью щетины, - а может, и не так.

Грета подошла к окну и с тоской посмотрела на дорогу.

- Кофе?

13.

- Послушай, Эмо, - говорила Марго, расчесывая белокурые локоны перед зеркалом в ванной комнате, – твои отъезды и появления стали совсем непредсказуемы. Раньше мне было легче. Я могла обратиться к тебе по любому поводу. Теперь же ты все больше отсутствуешь... Неужели у тебя так много дел, что ты не можешь бывать со мной чаще? – Марго тихонько всхлипнула и повернулась, чтобы Эмо поскорее обнял ее.

14.

Вооружившись сачком, ближе к закату Грета направилась во второй номер. Это было не редким делом – по всем углам искать и вылавливать сверчков, те время от времени залетали в дом и забивались в самые неожиданные углы. Хлопотное было дело.

«Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его. Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его, - доносилось глухое невыразительное чтение монахини. - Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои, избавляет от могилы жизнь твою, венчает тебя милостью и щедротами насыщает благами желание твое: обновляется, подобно орлу, юность твоя⁵¹».

⁵¹ Псалтырь, 102:1,2.

Поравнявшись с номером, Грета различила тихий мужской голос и еле слышный женский умоляющий плач. Она постучала.

Дверь открылась не сразу – сначала за дверью раздалось какое-то движение, потом надолго все стихло. Грета терпеливо ждала. Наконец щелкнул замок:

- Ах, это вы... Наконец-то, - и Марго впустила Грету внутрь.

То, что Грета увидела, ее озадачило, но лишь отчасти – она давно привыкла к человеческой неприкаянности. Вся комната была в большом беспорядке: у стены валялся открытый чемодан, повсюду яркими пятнами, как мазки на мольберте, были раскиданы вещи; несколько пар женских туфель беспорядочно разбросаны по полу; кожаный саквояж на столе был тоже открыт, мятым веером из него торчали документы.

- Вы уезжаете? – поинтересовалась Грета, оглядываясь.

Марго пожала плечами, беспомощно опускаясь на стул:

- Да, завтра. Или послезавтра. Точно не знаю. Никак не могу собраться.

Грета прошлась по комнате в поисках птицы.

- Сверчки днем помалкивают, просто так вашу птицу не найти. Посмотрю снизу, - она тяжело опустилась на колени и, придвинув к себе поближе сачок, заглянула под кровать. Прямо перед ней обнаружилась пара тяжелых ботинок, аккуратно поставленных рядышком, а в дальнем углу, у стены, виднелся маленький серый комочек, похожий на воробья, - сердце ее щемяще сжалось.

В это время дверь в комнату открылась и впустила бархатный луч закатного солнца, заливший все подкроватное пространство медовым светом, и вместо привидевшейся птицы Грета отчетливо разглядела лишь грязный комок шелухи. Но не шелуха озадачила согнувшуюся хозяйку, а показавшиеся в солнечном свете - по другую сторону кровати - пыльные мужские туфли, хозяин которых торопливо прошел к межкомнатной двери. Щелкнул замок, затем дверь открылась и туфли скрылись в смежном номере.

Грета, кривясь, поднялась на ноги и увидела, что внутренняя дверь осталась незапертой, а за дверью мелькнули тени.

- Разве я давала вам ключ от внутренней двери? – озабоченно обратилась она к Марго, которая все еще, будто школьница в кабинете директора, задумчиво сидела на стуле.

- Нет, не давали.

- Тогда как вы открыли дверь?

- Я попросила ключ у вашего мужа, когда вы занимались хозяйством.

Грета направилась к внутренней двери, но Марго тут же вскочила и схватила ее за руку:

– Думаю, вам лучше уйти!

- Послушайте, - еле сдерживая раздражение, недовольно проговорила Грета, уже порядком уставшая от нервной дамочки. – Мне все равно, что вы думаете. И будет лучше, если я все же познакомлюсь с вашим таинственным другом. В конце концов, это мой дом и моя гостиница, я должна знать, кому сдаю комнаты, - и она решительно распахнула дверь, соединяющую оба номера.

Комната была пуста. Но, несомненно, в ней кто-то только что был – рядом с кроватью валялась пара уже знакомых ей пыльных мужских туфель, а на столе были брошены светлая шляпа и свернутая газета. В комнате пахло сигарой. Входная дверь в номер была закрыта, но из галереи отчетливо доносились громкие быстро удаляющиеся шаги.

Хозяйка с укором посмотрела на стоящую у притоки Марго.

- Кто это был?

- Эмо, - равнодушно дернула плечом Марго. – Ведь, кажется, ему вы сдали этот номер?

15.

«...заседание Совета состоится завтра, о времени его проведения будет сообщено дополнительно...»

- Зачем ты дал им ключ?

Старик приоткрыл глаза и угрюмо уставился на жену, словно его отвлекли от чего-то важного:

- Она сказала, что в их номере пищит мышь и она не может уснуть, хочет переночевать в другой комнате, - прокряхтел он. - А что? Что-то не так?

Но Грета его уже не слышала, она внимательно слушала новости.

«Из психиатрической клиники доктора Ш. ушла и не вернулась мадам Н., вот уже несколько лет находящаяся на лечении... и страдающая нервным расстройством... Последний раз ее видели на утренней прогулке в сопровождении санитары... Н. является единственной наследницей всех активов известного торгового дома... Если кто-то знает...»

Грета обескуражено взмахнула руками и, порывшись в объемистом кармане передника, протянула мужу коричневый пузырек:

- Это я нашла у них под кроватью.

Старик взял пузырек, приоткрыл осторожно и поднес к носу. Название на этикетке было неразборчиво, однако ниже, сомнений не было, стоял штамп: «Д-р Ш.».

- Еще я видела бланки клиники у них в саквояже. Думаешь, это они?

- А мне почем знать, они – не они, - старик снисходительно посмотрел на жену. - Ты сама-то что думаешь?

- Думаю, на этот раз уж точно все совпадает: она – сумасшедшая.

Губы старика дрогнули в улыбке:

- А может, и не сумасшедшая... Пожалуй, кофе.

16.

Грета открыла глаза и со вздохом перевернулась на другой бок – духота мешала спать, постель источала тягучий жар, влажный и липкий, не давая коже желанной прохлады. Холодное свечение луны вязким серебром безучастно проникало в комнату сквозь штопаное кружево штор. Было чуть за полночь, а потому привычное пение сверчков ненадолго стихло, чтобы возобновиться к двум часам ночи. Дверь в ванную была открыта, и оттуда, нарушая привычную тишину, раздавался сиротливый звук капающего крана.

Грета закрыла глаза, стараясь ни о чем не думать...

...Было темно - ночной мутный свет еле пробивался сквозь грязное оконное стекло. Она уже привыкла сворачиваться калачиком, как маленький зверек, и забиваться под кровать в дальний угол, чтобы заглушить собственным теплом детский страх, не дающий дышать, накатывающийся волнами из живота и застывающий твердым напряженным комком под ребрами; страх, который во что бы то ни стало ей надо было побороть, иначе к горлу сами собой подступали слезы и вырывались надрывными всхлипами - в этом таилась опасность быть услышанной дедом. Если ж такое случалось, то дверь смежной комнаты отворялась и в ярком свете дверного проема черным силуэтом неминуемо возникала большая дедова фигура, и уж тогда ни ругани, ни жестокой порки ей было не избежать.

Но постепенно она научилась сдерживать слезы.

Хуже были просачивающиеся из-за стены звуки, сами по себе почти обычные и давно приевшиеся, слышимые лишь время от времени, но от этого – особенно ясно различимые, отдававшиеся в голове каждый раз по-новому и вызывавшие образы уродливых живых существ, бесформенных и опасных. Там, в закомнатном пространстве, слышались приближающиеся глухие шаги дедовых ног, тяжело ступающих вниз по лестнице, все ближе и ближе – в смежную комнату; шипящими змеями из щелей выползал невнятный торопливый шепот, перебиваемый размеренным скрипом кровати, доносилось кухаркино хныкающее повизгивание, переходящее в сдавленный скулеж, а затем в тяжелый мучительный стон; раздавалось, будто совсем близко, над ухом, мужское дыхание, горячее и шумное, смешанное не то с животным рыком, не то со сдерживаемым криком. Выскочить из затхлой темной конуры не было никакой возможности: каждую ночь по привычке дед на ключ запирает комнату, а в ней – это сучье отродье, не пойми от кого зачатое его слабоумной дочерью.

Постепенно звуки стихали, замирал железный скрежет кровати, дедов рык переходил в густой волосистый храп, и наступала странная тишина, перетекающая в ожидание. Жесткий клубок размякал под ребрами, и тогда она чуть выпрямлялась и даже высовывала из-под кровати голову, чтобы получше разглядеть, как кто-то совсем не страшный, добрый и вечный отделялся от противоположной стены, неслышно подходил к ней и садился рядом, чтобы теплой рукой нежно гладить ее спутанные волосы, утирать слезы и шептать: «Не бойся, я друг, я с тобой». Тряпичной куклой она погружалась в тревожный сон, а мутный нечистый свет постепенно уползал из комнаты, плавной волной откатываясь на улицу по грубому дощатому полу, по оконной раме, сквозь щель под тяжелой дверью, и лишь на мгновение замирал на внешней стороне двери – там, где потом будет прибита табличка с номером «1».

В ванной комнате зашуршало, словно там сгребали сухие листья, потом – через короткую паузу – забулькало. Грета прислушалась, невольно взглянув на спящего рядом мужа – на него надежды не было; затем, ругая в душе необязательного сантехника, чертыхнувшись и, охая, стала выбираться из-под горячей простыни.

Зайдя в ванную, она щелкнула выключателем, но свет не зажегся. Придется теперь спускаться в темноте в гостиную, шарить по стене, где находилась распределительная коробка. Но на самом деле в электричестве необходимости не было – его заменил пронзительный лунный свет. Грета подошла к крану и с досадой покрутила сорванную ручку – безуспешно: капли воды упрямо отсчитывали ритм, рыжеватыми кляксами разбиваясь о металлическую раковину. Под ногами что-то опять стрекотнуло-булькнуло и суетливо процокало. Грета вздрогнула, наклонилась и увидела под раковиной маленького сверчка, испуганно забившегося за трубу и застывшего, будто птичье чучелко; его выдавала лишь настороженно блестящая черная бусинка глаза.

- А вот и ты, мой маленький негодник, - с застаревшим чувством вины Грета протянула к птице узловатую руку. Сверчок дернулся, подпрыгнул и яростно вспорхнул прямо в лицо хозяйке, едва не запутавшись крыльями в ее седых волосах. Женщина всплеснула руками, ахнула:

- Чертовы птицы! Пропадите вы пропадом, окаянные! - и отпрянула, едва не упав, но вовремя ухватившись за дверной косяк. Рассерженная, она настежь открыла маленькое окошко, выходящее на задний двор, чтобы сверчок, наконец, сам вылетел на улицу, хотя на это было мало надежды.

Именно тогда, когда Грета открывала окно, ей и показалось, что чья-то фигура спешно шмыгнула в тень, хрустнули ветки и скрипнула черная дверь, ведущая с заднего двора в гостиную.

- Вот еще не хватало, - насторожилась она и вышла из ванной, прикрыв поплотнее дверь, чтобы сверчок не перебрался в спальню. Накинув ветхую шаль поверх длинной ночной рубашки, она вышла в холл.

17.

Неясные отсветы просачивались в недра дома, как в щели разошедшегося корабля, и, увязая в плотном маслянистом сумраке, придавали предметам новые формы, подчеркивая изъяны и лакируя помещение особым металлическим блеском, который раздвигал стены и выпускал на волю иллюзию. Отполированная временем деревянная стойка белела, как пузо выброшенного на берег перевернутого морского чудовища. Книжный шкаф с амбарными книгами вырос отвесной шершавой скалой, слепленной из окаменевших неровных пластов различных цветов и пород. Полка с ячейками стала подобна растянутой и прохудившейся рыболовной сети, в которой запутались блестящие рыбки-ключи. Хозяйка бросила взгляд на пустую ячейку первого номера. И почему она разместила Эмо в этой комнате, бывшей некогда местом их с матерью заточения, она и сама не знала, но со вчерашнего дня эта мысль не давала покоя. От матери Греты ничего не осталось – ни платочка, ни платица, только пара размытых фотографий да полупустая комната, в которой держали дурочку, где та и разродилась греховным бременем. Уже позже, после дедовой смерти и скандального кухаркиного отъезда, Грета сама отремонтировала обветшалую комнату – покрасила стены, заменила мебель – и приспособила ее под гостиничный номер. Крепкой рукой вбила она гвоздь, укрепив на двери номер и навсегда похоронив воспоминания и привязанности под свежей краской, под новой мебелью и под блестящей цифрой «1».

Грета вошла в гостиную – дверь на задний двор была не закрыта. Хозяйка нетерпеливо захлопнула ее, громыхнула щеколдой – и как она, растяпа старая, могла забыть запереть ее! Затем подошла к щитку, включила тумблер и повернула черную ручку выключателя, наполняя тусклым электрическим светом маленькое помещение.

- Без света – лучше, – раздался тихий женский голос.

Грета вздрогнула и обернулась. В продавленном кресле ее мужа сидела Марго, а рядом на столе стояли две голубые чашки с недопитым чаем. Женщина была бледна, волосы в беспорядке заколоты на затылке, скудное освещение некрасиво заострило ее черты.

- Моему мужу не понравилось бы, если бы он увидел вас в своем кресле, – Грета поджала губы – она не любила, когда нарушались устоявшиеся правила: – Зачем вы здесь?

- Не спится. Знаете... опять не могу уснуть.

- Опять птица? А муж ваш – он-то что делает?

- В каком смысле?

- Ну... он знает, что вы тут разгуливаете... в поисках приключений.

Марго усмехнулась:

- Приключений? Да нет, он спит, – она машинально откинула со лба прядь светлых волос. – Он всегда хорошо спит. Его ничего не мучает.

- А что его должно мучить? – насторожилась Грета. – Он совершил что-то плохое?

- Перестаньте нас подлавливать. Ничего мы плохого не сделали. Закон не нарушили – ведь вас только это волнует?

Грета хмыкнула:

- Мне не нужны проблемы.

- Они никому не нужны. Зря вы так переживаете. Просто... я не могу уснуть.

- Здесь кто-то еще был? – Грета посмотрела на чашки.

- Да.

- Кто?

- Эмо. Мы разговаривали. Знаете, иногда это бывает необходимо – поговорить о пустяках с тем, кто тебя понимает. Он тоже плохо спит по ночам.

- Я смотрю, у вас с этим Эмо много общего.

- Нет, - грустно возразила Марго. – Вовсе нет. Иногда мне кажется, что все дело во мне: если бы я не поддерживала эти отношения, то он бы обо мне забыл. Ведь это я настояла, чтобы Эмо путешествовал с нами. Муж был против.

Стараясь отогнать мрачные предположения, Грета дружелюбно сказала:

- Бросьте, милая, по ночам думать о глупостях. Вы красивая и молодая, грех жаловаться.

- Да, не спорю, но... ведь надобно ж еще и любить!

- Любить? Но у вас же есть муж – вот и любите его. И еще есть этот... Эмо. Он ваш любовник?

- Да что вы, - Марго улыбнулась, но уже в следующую минуту погрузилась: - Хотя я бы очень этого хотела. Без него я бы вообще пропала! А как *вы* можете жить одна?

Грета не ответила, лишь подтянула сползший с полных плеч платок и устремила на безлюдную улицу свой немигающий черепаший взгляд, по которому ничего нельзя было ни понять, ни угадать, разве что почувствовать застарелое ожидание чего-то большого и настоящего и только ей понятного.

Марго встала и нетвердой походкой направилась к выходу.

- Мы уезжаем завтра.

Грета отвела взгляд от окна:

- Подождите.

Она подошла к буфету и, открыв стеклянную дверцу, принялась шарить рукой по полке, заставленной старыми безделушками и мелкой посудой.

- Наверное, вы больны, - бросила она через плечо, отодвигая на полке старую сахарницу, – боль-ны, милая, - произнесла она многозначительно, будто давая понять, что ей известно нечто большее.

- Больна? - Марго обернулась и рассмеялась: - Ну да, больна. Но, думаю, ровно настолько, насколько больны вы или ваш муж, да и все люди вокруг!

Наконец усилия Греты увенчались успехом.

– Это ваше? – она протянула Марго коричневый пузырек с порошком.

- Где вы его нашли? Я обыскалась! - казалось, Марго была искренне рада. – Отличное снотворное, веронал⁵², не пробовали? Очень рекомендую. Мне прописали от бессонницы. Хорошо действует! Мой муж когда-то работал в желтом доме - ну, понимаете, что я имею в виду, так мне там его и выписывали.

– Санитаром?

- Что?

- Он работал там санитаром?

- Муж? Что вы! Он там работал всего лишь в архиве, он вовсе не медик. Хотите, запишу вам адрес клиники?

Марго взяла пузырек и вышла из комнаты.

18.

Грета хмуро смотрела на птичье гнездо, свитое на земле между выступающих корявых корней старого дерева. Пять матово-белых яиц, густо покрытых мелкими красноватыми пятнышками, были жестоко превращены в месиво.

⁵² В 1903 году впервые были введены в медицинскую практику барбитураты, барбитал получил рыночное название «веронал». Используется в качестве успокоительного и снотворного средства. Вызывает лекарственную зависимость.

- Скорее всего, это орешниковая соня, - говорил стоящий рядом студент, с интересом рассматривая разоренную кладку. - Она съедает как раз только яйца. Лесные же сони крупнее и обычно остаются жить в разоренном гнезде... и после их ухода остаются перья да очищенные от мяса косточки.

- Нет здесь никакой сони и нет ваших косточек. Гнездо раздавлено.

Студент наклонился вперед, чтобы получше разглядеть место трагедии.

- Тогда это может быть белка, - продолжал рассуждать он. - Она умеет разрезать скорлупу зубами, держа яйцо в передних лапках и быстро вращая его как орех. Смотрите, часть яиц белка раздавила, а часть съела прямо со скорлупой; здесь даже видны пробоины от ее резцов.

- Не говорите глупостей. Что вы болтаете? - нетерпеливо прервала его Грета. - Вот четко виден след от мужской ноги, - Грета указала на большую впадину в центре гнезда, а затем оценивающе взглянула на крупный ботинок, торчащий из-под хитона монахини, та тоже стояла рядом и смотрела на произошедшее с отвращением.

Перехватив рассерженный взгляд хозяйки, монахиня поспешила спрятать торчащий ботинок под полы одежды.

- На мой взгляд, это просто особенность почвы, - студент выпрямился и с видом исследователя обошел растерзанное гнездо с другой стороны.

- Я слышала ночью хруст веток и видела, как кто-то ходил по двору, - упорствовала Грета.

Студент вызывающе посмотрел на нее:

- На что вы намекаете? Вы считаете, это я?

- Или, может быть, я? - тут же поспешила возмутиться монахиня. - Лично я в это время молилась, а потом спала крепким сном праведницы! *Любите справедливость, судьи земли...*⁵³

- Ах, бросьте, сестра! На вас я думаю меньше всего - господь не допустил бы этого. Тот, кого видела я, был похож на мужчину, - Грета строго посмотрела на молодого человека. - Конечно, это мог быть и друг Марго - Эмо, - рассудила она и тут же добавила: - но что-то мне подсказывает, что это были именно вы. И не пытайтесь меня убедить в обратном.

- Да, я выходил, - признался студент, - я каждую ночь выхожу и наблюдаю за повадками сверчков - я их изучаю! Сверчки-самцы отличаются по ночам удивительным пением, таким, знаете, похожим на стрекотание кузнечиков «срь-рь-рь»... Но я не наступал на гнездо!

- Так я вам и поверила! А уж не вы ли случайно пили чай с Марго поздно ночью?

Студент поправил очки:

- Я не вижу в этом ничего дурного.

Монахиня нервно вдохнула, не столько осуждая студента, сколько испытывая внутреннее удовлетворение, что подозрение с нее было снято.

- Когда я вернулся в дом после своей прогулки, - сбивчиво объяснял молодой человек, - Марго уже была в гостиной и наливала чай на двоих. Я думал, что она ждет своего спутника... мужа, я имею в виду, но он спал, и она пригласила меня составить ей компанию... раз уж так получилось.

- И о чем же вы с ней разговаривали?

- Так... ни о чем. А что? - смутился молодой человек.

- А то, - вмешалась монахиня, всем своим видом поддерживая хозяйку дома, - «во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь»⁵⁴...»

⁵³ Полная фраза: «Любите справедливость, судьи земли, право мыслите о Господе, и в простоте сердца ищите Его, ибо Он обретается не искушающими Его и является не неверующим Ему».

⁵⁴ Сир, 7, 39.

- Но это вы зря, - обиделся молодой человек.
 - Значит, о сверчках болтали? – не унималась Грета, совершенно уверенная в своей правоте.
 - Или о том, как вы уничтожаете их гнезда?
 - Да говорю же вам: это не я. Вы мне не верите?!
 - Не морочьте мне голову. Лучше приставьте ногу. Вы что же – не видите?
 - Да вы, похоже, уже назначили виноватого, - развел руками уязвленный студент, - и все мои доводы вам просто безразличны. Вы что-то втемяшили себе в голову и теперь начинаете подгонять все подряд под свою версию. Обычное дело: что-то предположить, а потом повсюду обнаруживать множество тому подтверждений! И поверьте, вы обязательно их обнаружите, было бы желание! - студент снял очки и принялся протирать стекла замусоленным носовым платком. - Каждый видит и слышит лишь то, что хочет, вам не кажется?

Грета ничего не поняла из возбужденной тирады орнитолога, равно как и молодая монахиня.

- Болтаете всякую чепуху! – махнула она рукой и в компании повеселевшей святой сестры направилась к дому: - Кофе остынет, идите завтракать, - а чтобы как-то загладить неприятный разговор, не сильно интересуясь, бросила через плечо: - Так о чем вы все-таки с ней болтали?

- Кажется, она сказала, - уже дружелюбно ответил студент, послушно следуя за женщинами и предвкушая теплые булочки, - что они с мужем ждали иностранные визы и что они их уже получили и теперь могут продолжить свое путешествие.

19.

Старый автомобиль с шашечками такси давно поджидал пассажиров, и Грета по обыкновению вышла на крыльцо проводить постояльцев «Сверчков». Таксист сидел за рулем, выставив толстый локоть в открытое окно, и скучал.

Закатное ласковое солнце разбрызгивало низкие светло-охристые блики на старую крышу гостиницы, обнажая черные дыры изъянов; мягкие лучи скользили дальше сквозь редкий нахохлившийся ельник и затухающим огнем поднимались выше – туда, куда Грета никогда не смотрела.

Хозяйка, шурясь, поглядывала на деревянные столбы галереи и думала о том, что хорошо бы их к зиме укрепить, некоторые совсем рассохлись.

Наконец появились отъезжающие. Как и в день своего приезда, Марго была в дорожном костюме, не по погоде плотном, и в тех же туфлях на каблуках, а ее муж - в костюме и шляпе. Правда, сорочку Грета ему постирала и хорошенько отутюжила и теперь была этому рада.

- Надеюсь, мы вас не обидели, - муж Марго скривил губы в улыбке. – Не думайте о нас ничего дурного. До свидания!

Грета отряхнула передник:

- Счастливой дороги, Бог в помощь.

Мужчина поставил чемодан с саквояжем в багажник, захлопнул крышку и распахнул для Марго дверцу автомобиля. Та все еще молча стояла на пороге рядом с Гретой, словно хотела что-то ей сказать важное, но все не решалась. Длинная тень от придорожного столба вытянулась до самого дома, вступая с ним в многолетнюю предзакатную связь и сливаясь на ночь в единое целое, чтобы с рассветом вновь разбежаться.

- Что ж... до свидания, - вздохнула Марго, натягивая маленькие перчатки на тонкие пальцы. – Пора ехать. У вас здесь было все очень мило, - последнее прозвучало тихо, и от этого похвала вышла бескровной.

- А ваш друг? – неожиданно спросила Грета.

- Друг?

- Да, ваш друг.

- Ах, Эмо! – Марго усмехнулась и еще более сосредоточилась на своих перчатках. - Он уехал. Еще рано утром. Разве вы его не видели?

- Нет. Я не видела, - Грета рассматривала маленькую мушку, приземлившуюся на пиджак Марго. - Ни в этот раз, ни в какой-либо другой.

- Наверное, вы еще спали, – Марго порывисто вскинула голову. – Вы спали. Он правда уехал очень рано, вот вы и не видели, - на секунду встретившись с Гретой взглядом, она тут же отвела глаза и повернулась, чтобы сойти с порога.

Грета задумчиво смотрела вслед удаляющейся машине, быстро набиравшей скорость и поднимавшей за собой клубы придорожной пыли.

- А ты сама-то его видела? – вздохнула Грета и вошла в дом.

20.

Дождь лил не переставая уже вторую неделю, опутывая мокрым коконом маленькую придорожную гостиницу «Сверчки», оmyвая прилегающую к ней разбитую автомобильную дорогу, потемневшую от воды, словно от горя, и бесстыдно выставившую напоказ увечья - убогие выбоины и трещины, - как будто сокрушаясь о своей старой и давно отмершей коже. Чернеющие всюду лужи, переполненные блестящей, словно нефть, водой, пузырились и изливались многочисленными потоками, настойчиво пробивающими себе путь к дому, опутывая его спиралями и кольцами, как спрут опутывает жертву щупальцами в надежде раздавить ее в смертельных объятьях. Жидкий ельник, еще недавно томившийся в знойном мареве, меланхолично стряхивал под струями засохшую хвою и вновь погружался в забытие под звуки настойчивого водяного шума. Размытый бледной пеленой мороси, скособоченный рейсовый автобус расплывчатым призраком проехал без остановки и скрылся без всякой надежды на возвращение.

«...в связи с непрекращающимися дождями ...наблюдается увеличение количества дорожно-транспортных происшествий...»

Дождь лил однообразно и настойчиво и, казалось бы, самым естественным образом вписывался в давно заведенный ритм дома с его монотонностью и вечным ожиданием. Но что-то уже звучало в пространстве иначе; что-то уже стремительно вымывалось ливневой водой из-под окаменевшего фундамента; что-то уже случилось и внесло в устоявшееся однозвучие новый - непростительно новый - звук, стремительный и свежий. Звук смешивался с мокрым воздухом и наполнял легкие долгожданной прохладой и ветром. То медленно начал движение дом, сползая с мели и расправляя затекшие стропила.

На дороге показались очертания машины, которая уже через минуту лихо сворачивала к дому, подскакивая на ухабах и расплескивая лужи, а еще через минуту звякнул колокольчик.

Хозяйка отложила шитье и не торопясь поднялась со стула.

«...уровень воды в пригороде поднялся до... однако эта отметка не превысила критического уровня 19... года, когда...»

Не прошло и пяти минут, как хозяйка вернулась и вновь опустилась на свое место.

- Отказала? – раздался из угла заспанный голос мужа. – В такую погоду?

Какое-то время Грета привычно молчала, а потом, не отрываясь от шитья, качнула головой:

- Ну да. Нет мест.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Старик, посвежевший, словно умытый дождем и отполированный, повернул голову и с любопытством посмотрел на жену:

- Мест нет?

- Мест нет, - как ни в чем не бывало повторила Грета, делая стежок за стежком, - ведь сегодня пятница, и твой приятель везет сахар на ярмарку, он у себя, в четвертом. Студент по-прежнему в третьем, выезжать, похоже, не собирается. А мне-то что? Дело его - он платит, - она вытянула иглу и снова воткнула в ткань. - В шестом и пятом крыша течет – кого ж туда селить? За последний час два ведра вылила. Ну а второй номер держу для плотника, вот-вот приедет, вряд ли он течь устранил за один день.

Грета замолчала – слова рассыпались и растаяли; закончились и телевизионные новости, и на какое-то время комнату заполнила тишина. Раскинув лопасти-перья, молчал вентилятор, будто распятая и окаменевшая под потемневшим от времени потолком первобытная птица, так и не взлетевшая в воздух.

- Остался еще один номер, - нарушил тишину старик. – Первый.

- Первый? - невозмутимо откликнулась Грета, по-прежнему не поднимая головы. - Да он тоже занят. Разве ты не знал?

Старик не ответил.

- Там живет Эмо, - улыбнулась Грета и сделала последний стежок.

* * *

«И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы⁵⁵».

М. Панфилова. Крутицкое подворье. Картон, масло, 1998 г.

⁵⁵ Первое послание св. Ап. Павла к Коринфянам.

ПРОЗА

Алёна Чубарова

(МОССАЛИТ, Москва)

ПРОЩАЙ, ЭЛЬВИРА!

Какая же она красивая! Какие оборочки на платье! Какие туфельки с бантиками! А глаза! А волосы! Всё как настоящее! Вот-вот заговорит...

- Показать? – ласково предложила приветливая продавщица, перехватив восхищённый взгляд Леночки.

- Нет-нет! Не надо, - испуганно стала отказываться бабушка, - это слишком дорогая вещь.

- Да! Да! Казать! Хочу! – протянула руки к прилавку Леночка. – Хочу!

Продавщица достала куклу с витринной полки и аккуратно наклонила её. Красавица томно опустила веки с пушистыми ресницами и мелодично пропела «ма-а-ма-а». Ах, как красиво пропела!

У Леночки дома есть кукла, она с ней часто играет. Её зовут иногда Наташа, иногда Ира, иногда просто Кукла. Но она ни в какое сравнение не идёт с этой... принцессой! У Иронаташи вместо волос что-то мочалкообразное, глаза нарисованные, вместо «ма-ма» она жалобно скрипит невразумительное «и-игд», а вместо платья у неё кусок бабушкиного халата. Наверное, платье когда-то было, но где и когда потерялось, никто уже не помнит.

Продавщица, явно любящая искусным изделием, поправила кукле волосы, повертела её в руках, вызывая колыхание воздушных оборок.

- Нет-нет, пожалуйста, не надо. Это не для нас... - продолжала отпираться бабушка.

- Очень хорошая кукла, немецкая, их совсем немного привезли.

Леночка трепетно погладила кружевную юбочку игрушечной модницы, восторженно ахнула и, затаив дыхание от предчувствия счастья, перевела горящие глаза на бабушку.

- Ну... Может быть, потом... На день рождения...

- Берите сейчас! Расхватают! Потом не будет.

Почувствовав, что идут переговоры и это неземное чудо может стать её, Леночка пьянела от восторга и, осмелев, потянулась пальчиком к самозакрывающимся волшебным глазам.

- Осторожнее, - отодвинула куклу продавщица, - можешь поломать. Вещь действительно не дешёвая.

- Хо-чу-у! – прошептала Леночка пересыхающими от волнения губами. Она вдруг поняла, что именно о такой кукле всегда мечтала. Видела её во сне. Ждала и надеялась на эту встречу. Она назовёт её Эльвира. И будет с ней дружить. И будет стараться стать похожей на неё, такой же красивой... Они вместе станут рассматривать картинки в книжках и смотреть на прохожих в окошко. Леночка расскажет Эльвире про все свои игрушки, и про всех бабушек-соседок, и про все свои секреты, и им вдвоём совсем не будет скучно и страшно, пока бабушка вечно на кухне, а папа с мамой на работе. Эльвира совсем как живая, она не просто кукла, она – самая настоящая подружка. А потом Леночка пойдёт в гости ко всем бабушкам-соседкам и каждую в отдельности познакомит со своей Эльвирой. А если какая соседка вдруг начнёт ругаться, то ей тоже это будет теперь не страшно, ведь она будет не одна, у неё будет её самый лучший, самый близкий, самый

любимый друг – красавица Эльвира! И ночью Эльвира будет спать с ней вместе, в её кроватке, и ей будет не страшно засыпать и просыпаться.

- Берите сейчас, смотрите, как внучке нравится, как глазки сверкают! – улыбнулась продавщица.

- Да, глазками сверкать, это она умеет. – Бабушка погладила Леночку по голове.

- Нравится? – Продавщица снова покрутила куклу перед носом очарованной девочки.

- А-а-а... - простонала Леночка, от волнения будто разучившись говорить.

- И сколько стоит это сокровище? – робко спросила бабушка.

Продавщица ответила. Названная цифра ничего не значила для Леночки, но на бабушку произвела ошеломляющее впечатление. Не зная, как реагировать, она схватила девочку за руку и, ничего не говоря, потянула к выходу. Продавщица пожала плечами, наклонила Эльвиру ещё раз, извлекая на свет песенное «мама». Затем поправила и без того идеальные кукольные локоны и развернулась вместе с игрушкой к витринной полке.

- Не-е-ет! – закричала Леночка, поняв, что её хотят разлучить с только что обретенным лучшим другом, и, вырвавшись из бабушкиных рук, бросилась обратно.

- Какая невоспитанная девочка, - недовольно заметила другая продавщица, показывающая в этот момент рыжеволосому мальчику пожарную машину.

- Нет! Пожа-аста! Не уходи! – Леночка прилипла к прилавку, часто моргала, чтобы не заплакать, губки её дрожали, а в животе горячим острым спазмом зашевелился страх. Страх потери.

Продавщица с куклой вздрогнула от детского крика, обернулась, застыла на минуту, переводя взгляд с девочки на бабушку, но, поняв, что покупка всё же не состоится, поставила Эльвиру на место.

- Пойдём, Леночка, посмотрим другие игрушки, в другом отделе, там мишка и зайчик, и мы вообще не собирались ничего покупать, мы же сразу договорились только посмотреть. А уговор дороже денег... – Бабушка вкрадчиво нащёптывала и пыталась оттянуть Лену от прилавка.

- Ни хочу мишку, хочу Элвилу! – упрямо повторила Леночка, безуспешно пытаясь сдержать слёзы.

- Ну ты же мне обещала ничего не выпрашивать! – мягко упрекнула бабушка.

Конечно, обещала, да, Леночка помнит, она и не выпрашивала: ни мишку, ни зайчика, ни ведёрко с лопаткой и формочками, ни яркие кубики со сказочными героями, ни даже переводные картинки, но... Эльвира... это совсем другое! Это не просто игрушка! Это её друг... ну разве можно сравнивать! Слёзы предательски хлынули из глаз. Спазмы в животе усилились. Она поняла, что не может отсюда уйти без Эльвиры... Кукла смотрела на Леночку с полки своими безмятежными голубыми глазами и, казалось, всё понимала. Леночке даже почудилось, что Эльвира тоже не хочет с ней расставаться.

- Ну пойдём же! Хватит, – бабушка обхватила девочку за талию и постаралась оттащить.

- Нет! Нет! Нет! – От отчаяния Леночка стала топать ногами, а руками ухватилась за край прилавка.

- Какая капризная нехорошая девочка! – подтвердила свой диагноз продавщица с машиной. – Таким плохим детям вообще никто ничего дарить не будет!

- Пожа-аста, пожа-аста, пожа-аста... - как заклинание твердила Леночка, умоляюще глядя на первую продавщицу, не успевшую далеко отойти от кукольного ряда. Там на полке было много кукол. Они все были разные, и все красивее Иронаташи, но они не имели никакого значения. Она на них много раз любовалась и, наверное, хотела какую-то из них себе, но всегда уходила спокойно, когда бабушка объясняла, что это купить сейчас нельзя. Все те куклы были красивые, но только Эльвира – её друг.

- Да уведите же этого ребёнка, она сейчас витрину разобьёт.

- А какой пример другим детям... Ай-яй-яй...

- Безобразие! Совсем не умеют детей воспитывать...

Осуждающие голоса из собирающейся вокруг толпы заставили бабушку дёрнуть сильнее, острый край стеклянного прилавка впился в маленькие ладошки. Леночка закричала, но не отцепилась. Впилась глазами, полными слёз и отчаяния, в красивое лицо Эльвиры, ставшее таким родным за те несколько мгновений, пока Леночка фантазировала, как хорошо им будет вместе в долгие-долгие часы невыносимого одиночества, когда все взрослые заняты своими делами, а она, Леночка, совсем никому не нужна. Ей показалось, что Эльвира в глубине своей кукольной души тоже плачет, но она, Эльвира, хорошая, не капризная и воспитанная, настоящая принцесса, поэтому в отличие от Леночки не плачет и не кричит, а страдает молча.

- Какой ужас, да таких детей пороть надо... - раздалось из толпы.

- Смотри, какая упрямая, уже кровь на руках, а всё держится... - ахнул кто-то.

- Милицию надо вызвать...

- Ну а что вы хотите, еврейское отродье, – вздохнул другой голос.

Услышав последнюю реплику, бабушка замерла, напряглась. И вдруг из всех сил ударила Лену по попе. Никогда раньше она этого не делала. Мама иногда шлёпала, но не больно, а так, для острастки, и, конечно, только дома, не на людях. А бабушка... Никогда... Бабушка, которая всегда её защищала и выгораживала и перед родителями, и перед соседками... бабушка, которая была почти такой же любимой, как Эльвира... Бабушка... От неожиданности Леночка разжала руки. И бабушка тут же, подхватив её на руки, выбежала из магазина.

- Вот не зря их Сталин не любил, ой не зря... Пострелять бы их всех, нормальные люди смогли бы жить спокойно... - неслось вдогонку.

Заскочив в соседнюю кондитерскую, бабушка слюнявила платок и трясущимися руками пыталась протереть порезы на ладошках любимой внучки. Ни йода, ни одеколону у неё с собой не оказалось, а обращаться к посторонним неловко. Надо будет что-то объяснять, а как объяснишь... Ничего, до дома как-нибудь, надо только успокоить Леночку, чтобы она своими ногами пошла, на руках не дотащить, она уже тяжелая, а у бабушки сердце... Ну что сегодня нашло на эту девочку? Напасть какая... Она обычно хороший, спокойный ребёнок, никаких с ней хлопот. И приготовить, и постирать, и в магазин сбегать можно, сидит себе на диване с книжками и игрушками, сама себя развлекает, газеты рвёт, в окошко смотрит, бормочет что-то себе под нос. Даже плачет редко, а тут вдруг... такое...

Леночка уже не плакала. Она вообще ничего не чувствовала. И живот уже не болел. Внутри было пусто и холодно. Эта пустота в груди ныла и звала за собой, в туманную бездну невозможного, туда, где голубоглазая Эльвира улыбается своим идеальным ртом и хвалит Леночку за послушание. Эльвира... Она была такая спокойная, когда прощалась... И Леночка научится так же, теперь она сможет. Ради своей единственной подруги Эльвиры. Сможет.

- Очень больно? – нежно спросила бабушка, глядя на пораненные ручки.

- Сосем не бою, – тихо сказала Леночка таким взрослым тоном, что бабушке стало не по себе. И, решив отвлечь ребёнка сладостями, она бодро спросила:

- Пирожное хочешь?

- Хочу, – сказала Леночка, хотя совсем не хотела. Обычно она любила пирожные, радовалась им, но сейчас не хотела ничего, кроме возвращения Эльвиры. Но зачем расстраивать бабушку? Конечно, после этого удара там, в магазине, бабушка уже никогда не будет той, прежней, родной, но расстраивать её всё равно не надо, она вон и так сама переживает, губы синие и смотрит как побитая собака. Надо быстрее вырасти, чтобы пойти работать и самой себе купить Эльвиру! На

секунду свет надежды озарил померкнувший мир, но почти сразу Леночка сообразила, что к тому времени, пока она сама заработает денег, Эльвиру уже купит кто-нибудь другой. Всё бесполезно.

- Какое тебе пирожное? Выбирай. Розочку? Картошку? Эклер?

Леночка и не заметила, как они вышли из угла за кассой и стояли перед отделом тортов и пирожных.

- Да, – произнесла она машинально.

- Что «да»? Эклер?

- Да.

Бабушка достала кошелек и подозвала продавщицу.

- Эклер за 15 копеек.

- Деньги в кассу, – кивнула продавщица в угол, – только за 15 кончились, а эти, побольше, за 22.

Бабушка тихо ойкнула. Леночка подумала: наверное, ей стало плохо с сердцем, но не обернулась. Она смотрела на продавщицу, у которой были большие голубые глаза, почти такие же, как у Эльвиры. И эта схожесть вызвала новый прилив обжигающей боли в груди, приступ тоски и страха. К одиночеству привыкаешь. Но когда оно вдруг отступает, возвращаться невыносимо.

- Какие красивые грустные глаза у вашей девочки, – тихо сказала продавщица, – первый раз вижу такой взгляд у маленького ребёнка. – И громче, уже обращаясь к Леночке: – Тебе эклер какой – шоколадный? Или ванильный?

- Любой.

- Леночек... – на ухо Леночке прошептала бабушка. – А может, все же картошку или розочку?

- По-моему, шоколадный вкуснее, я бы взяла шоколадный, – не унималась продавщица. – Меня тётя Нина зовут. А тебя?

- Вика, – соврала Леночка.

- Простите... но... эклер в другой раз, – отчаянно произнесла бабушка. – У меня только 19 копеек с собой.

Бабушка нервничала: к отделу подходили ещё несколько покупателей. Леночка смиренно хотела сказать «до свидания» похожей на Эльвиру тёте Нине, но та вдруг заговорщицки подмигнула:

- Ты очень хочешь эклер?

- Да, – зачем-то второй раз соврала Леночка.

- Зина! – крикнула тётя Нина в сторону кассы. – Пробей 22 копейки за 19, за мой счёт.

Когда бабушка вернулась от кассы с серым билетиком выбитого чека, тётя Нина протянула Леночке целых два эклера. Попытавшейся протестовать бабушке она объяснила:

- Второй от меня в подарок, – и, обращаясь к Леночке, снова подмигнула: – За красивые глаза. – А после бабушкиного неловкого «спасибо» совсем тихо: – Если будет опять не хватать, всё равно приходите, я всегда дам. И в другой смене у меня подруга на кассе, Зина, я ей передам, она вам тоже пробивать будет... Вика! Только ты так не грусти, ладно?

- Да, – в третий раз соврала Леночка. Потом поджала губы, сдвинула брови и добавила: – Я попробую...

И это была правда. Она решила попробовать забыть свою Эльвиру... И весь магазин с соблазнительными игрушками, и ругающуюся продавщицу, и недовольную толпу, и бабушкин шлепок... Всё, всё, всё... Она попробует.

Выходя из кондитерской, уже в дверях, Леночка обернулась и, поймав взгляд тёти Нины, сказала:

- Подай, Элвила!

ТЕБЯ ЗВАЛИ БЫ МОЛЛИ

- Тебя звали бы Молли, у тебя был бы толстый муж профессор, пятеро детей, уютный дом за городом и лохматый бриар... – Ева сидела в кресле, уставившись взглядом в экран выключенного телевизора и видя в нем, как в зеркале, крутящуюся перед большим настоящим зеркалом Наташу.

- Что? Не поняла...

- Если бы ты жила в Америке, тебя звали бы Молли, у тебя был бы толстый муж профессор... Слушай, может, не пойдёшь сегодня на работу?

- Я до конца месяца обещала... Да и с чего вдруг? – Наташа снимала и надевала обратно блестящую кофту с воздушными рукавами.

- Сон мне приснился нехороший. Да и вообще давно пора искать что-то другое. В таких местах и наркотики, и что угодно. – Ева оторвалась от серого экрана и перевела взгляд на изящную фигуру Наташи. – Я удивляюсь, как с тобой до сих пор ничего не случилось...

- Типун тебе на язык. – Наташа засмеялась и, сняв кофту, начала манипуляции с широкой блестящей юбкой. – А почему именно Молли?

- Молли... Ну, это имя женщины, которой ты могла бы быть... нет, не то... имя женщины, у которой всё хорошо...

- А разве у меня плохо? – Наташа бросила на пол перламутровую горку снятой одежды и, оставшись в кружевном белье и чулках, легко вспорхнула на стол, где, застыв в эффектной позе на одной ноге, превратилась в манекен из магазина «Элитный интим» на углу проспекта. – Разве у такой девушки может быть что-то плохо?!

- Балда...

- К тому же у меня есть ты! – Наташа прыгнула со стола, чмокнула Еву в щёку и вернулась к зеркалу.

- В том то и дело, – проворчала под нос Ева, – с такими девушками как раз и бывает хуже всего...

- Не нуди, а то ты становишься похожей на мою мать.

Ева действительно выглядела старше Наташи, хотя они были ровесницы. Выпускницы филологического факультета университета умудрились окончить престижный в былые времена вуз в тот самый лихой год, когда Советского Союза уже не стало, а другая сколько-нибудь внятная действительность на его месте ещё не успела образоваться. Русский язык и литература остались предметом интереса узкого круга малообеспеченных людей, и карьера литературоведа не давала шансов на выживание. Обе девушки любили булгаковское высказывание «быть интеллигентом, вовсе не значит быть идиотом», но время и место, где им выпало переходить из юности в зрелость, утверждали, что Булгаков не прав.

Состояние общества походило на поведение маниакально-депрессивного психопата, и человеку думающему хотелось спрятаться от него в самую глубокую нору. Однако человек – не зверь, а с тёплыми сытными норами в столице напряжёнка. Выпускницам-филологиням открылись два пути выживания: учительницами в школу на нищенскую зарплату или на рынок чем-нибудь торговать и забыть обо всём, чему учили в университете. Торговать девушки в принципе не умели, а чему-то учить детей в ситуации, когда взрослые сами во всём запутались, – это пугало их ещё больше. Ева пыталась сотрудничать с несколькими изданиями в качестве журналиста, чем зарабатывала на два-три приличных обеда в месяц. А Наташа, вспомнив хореографический кружок дома пионеров и воспользовавшись данной ей природой хорошей фигурой, устроилась танцевать стриптиз в ночной клуб.

Вот на эти-то деньги подруги и жили, снимая однокомнатную квартирку на двоих, балуя себя временами вкусностями и даже умудряясь откладывать на чёрный день. Труд стриптизёрши оплачивался несравнимо выше и учительского, и журналистского, и всех прочих интеллигентских профессий.

- Ладно, заканчивай свою репетицию, и идём резать салат. Через час Фрумсон придёт. – Ева встала, по-стариковски потеряв поясницу, и направилась на крошечную кухню.

- Кто такой Фрумсон? – Оживилась Наташа.

- Еврей из Америки.

- Он что, толстый профессор?

- Нет, тощий журналист. Но он живёт и работает в Америке. И мне удалось заинтересовать его твоей персоной.

- Ты хочешь меня выдать замуж?! – Наташа расхохоталась, подбрасывая до потолка шляпу с красным пером. Все остальные причиндалы к ночному выступлению были уже упакованы. – А на что ты будешь жить, если я уеду?

- Ты меня выпишешь к себе, тебе же нужна хорошо образованная гувернантка для твоих пятерых детей.

- Евка! Меня зовут не Молли... – Наташа снова засмеялась. – И я даже не знаю, что такое бриар...

- Стыдно. Не что, а кто. Это французская овчарка. Но тебе сейчас надо интересоваться не бриаром, а Фрумсоном. Это реальный шанс...

- А он знает, кем я сейчас работаю?

- Не работаешь, а временно подрабатываешь! Да. Знает. И как раз хочет на этом сыграть. Он хочет написать душещипательную статью о молодой русской писательнице, которую жизнь толкает на панель...

- О боже! Что за чушь!

- У них сейчас мода на всё русское...

- Я не писательница! А стриптиз и панель – не одно и то же!

- Это детали.

- Я не хочу, чтобы за мой счёт порочили и без того опороченную родину!.. – После паузы девушки засмеялись уже вместе: так пафосно-патриотично прозвучала эта фраза, что обе подруги сразу вспомнили политинформации на первом курсе, которые проводил пожилой историк, преподаватель научного коммунизма.

- Если ты не поможешь мне накрывать на стол, мы не успеем. – Ева делает вид, что сердится.

- Насколько я понимаю, Фрумсона сейчас интересует мой товарный вид, а не кулинарные способности, – парировала Наташа. – Так что я навожу марафет, а стол на тебе.

- Ты берёшь меня в Америку гувернанткой, а не кухаркой, – возмутилась Ева.

- Но у меня пока нет пятерых детей, – резонно заметила подруга.

Ровно в назначенное время прозвучал звонок в дверь. Худощавый мужчина средних лет, хорошо одетый, приятно пахнущий, но с лицом скорее рязанским, чем еврейским, стоял в дверях съёмной малометражки. Ни цветов, ни торта. Шёл на работу, а не в гости. Взять интервью у жертвы очередной русской революции. Но, увидев накрытый стол, быстро и охотно перестроился, отложил диктофон и, с удовольствием проглотив первые две рюмки водки, вкусно рассказал пару бородатых анекдотов. И даже развёрнуто ответил на некорректный вопрос о национальности.

- Да, вы правы, я, конечно, еврей... по жене... ха-ха... бывшей. Были времена, если помните, когда уехать из страны можно было, только женившись на еврейке. Впрочем, вы слишком молоды, чтобы это помнить... Сейчас?.. Она у себя в Израиле, я в Америке. Но после вашей,

пардон, нашей перестройки, жить стало интересно! Не так ли, девочки? А?.. Предлагаю выпить за русских красавиц!

Ева охотно поддержала предложение. А Наташа вдруг заскучала, посмотрела украдкой на время: ей перед ночной работой очень захотелось немного вздремнуть.

- Вы хотели интервью взять для статьи, – напредила она гостю цель визита.

- Да, – востепеннулся тот, – это может получиться очень интересный материал. На западе такое любят. Талантливая поэтесса...

- Но я... – Наташа хотела возразить, что она вовсе не поэтесса, однако Ева сделала такие глаза и так больно пнула подругу ногой под столом, что та тут же замолкла.

- Вот именно, поэзия в новой России никому не нужна, хваленая русская душа здесь ничего не стоит, зато тело, если оно молодо и прекрасно, очень даже в цене. И вот бедная девушка, преодолевающая стыд и врожденную скромность, спасая от голода старую больную мать...

- Моя мать здорова...

- Гм... Ладно, пусть будет сестру, – легко согласился покладистый интервьюер. – Даже лучше... да, сестра лучше, чем мать.... Итак, чтобы заработать на лечение больной младшей сестрички...

- Зачем вам брать интервью, если вы лучше меня всё уже знаете? – начала злиться Наташа.

- Нужны детали, ведь так? – Ева подложила салата и налила ещё по рюмке. – В деталях ведь самый цимес, кажется, так выражаются на исторической родине?

- Мы уже разобрались, что я не еврей, и вообще национальный вопрос в сторону. На западе это не модно. Но вы правы, красавицы, в деталях самый смак. Итак, начнём, потихоньку... – Он установил диктофон напротив Наташи. – Как же мы докатились до такой жизни? Поведайте нашим читателям свою печальную историю... – И, сверкнув белоснежной голливудской улыбкой, он ободряюще кивнул. – Ну, смелее...

Ни Ева, ни Фрумсон не поняли, почему героиня будущей душещипательной статьи вскочила из-за стола, шумно скинула с ног туфли и, нервно пометавшись по комнате, вдруг оседлала, как непокорного коня, обшарпанный стул, а затем, сверкая глазами, горячо заговорила:

- Ну почему же печальную?.. Вы глубоко заблуждаетесь, господин иностранец! Никакой печали – сплошной восторг! Аристократическая витиеватость Пруста, метерлинковская тайна молчания, необузданность языческих вакханалий – вот что для меня моя работа. К обнаженному телу на сцене еще просто не привыкли. Но это не только в России, это по всему миру. Кривое время искривило сознание, и приметы видимой формы стали приниматься за суть. Если уж я – поэтесса, то мой стриптиз – это Поэзия высочайшей пробы. Понятно? Так и напишите! И попробуйте перевернуть хоть слово! Ну... как? Достаточно смело?

- Н-н-ну... Я не совсем понял... – рязанско-американский еврей растерянно смотрел то на одну девушку, то на другую. Ева не слишком понимала, как оправдать такой поворот сюжета, и только кисло улыбалась.

Наташа же тем временем решила закрепить победу и выдала на закуску цитату из Поля Валери, по которому совсем недавно писала диплом. Красиво перекинув стройные ноги через спинку стула, игриво заметила:

- «...Как разрушить абсурд, во власти которого мы находимся, если он нам мучителен и сладок одновременно? Красноречивые миражи мысли куда убедительней тусклой расплывчатой яви...»

- Балда... – едва слышно обреченно прошептала Ева.

- А-а-а... красноречивые миражи мысли... гм... а что, пожалуй, вы правы, – поразмыслив, согласился Фрумсон. – Спасение больной сестры – это уже было, да. С точки зрения драматургии довольно банально. И вообще мелко. Не надо сестры... Пусть наша героиня спасает... идею красоты! А-а?

- Гениально! – Захлопала в ладоши обрадованная Ева.

- А у вас в Америке есть бриар? – неожиданно спросила Наташа, превращаясь обратно из разъярённой фурии в человека, которому скоро на тяжёлую работу.

- Бриар?.. Гм... У меня там «ягуар», на нём ездит дочь, потому что в последнее время я всё больше здесь...

- Бывшая жена в Израиле, а дочь в Америке? – Нотки профессионального следователя в голосе Евы сместили журналиста.

- Ну, дочь, она от второго брака... А давайте ещё выпьем... за... за дружбу народов! – Не дожидаясь согласия дам, мужчина потянулся к бутылке.

- А мне почему-то вдруг вот сейчас показалось, что никакой Америки нет... – перехватила руку журналиста Наташа.

- Ты что, совсем пьяная, что ли? – опешила Ева.

- Да нет, не в смысле, нет на карте, а... нет в жизни господина Фрумсона.

Мужчина закашлялся от неожиданности.

- Америки нет, а есть старая жена и больная дочь, – продолжала Наташа, – в убогой хрущёбе на соседней улице. И, спасаясь от этой рутинной серой обыденности, придумал он себе другую биографию... И, надев свой лучший выходной костюм, пришёл в гости к двум юным особам в надежде, что ему тут обломится... И без гостинцев пришёл не из деловитости, а из экономии...

- Замолчи! Ты пьяна! Посмотри на его зубы! У наших таких зубов не бывает!

Фрумсон попытался улыбнуться, но получилось, будто он предъявляет свои безукоризненные зубы как доказательство американского гражданства, и он так смутился, что налил себе ещё и выпил в одиночестве.

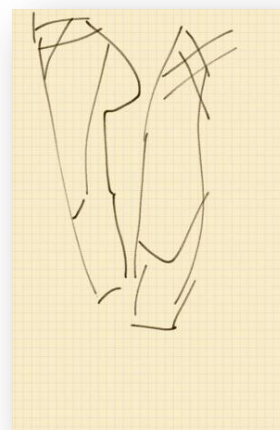
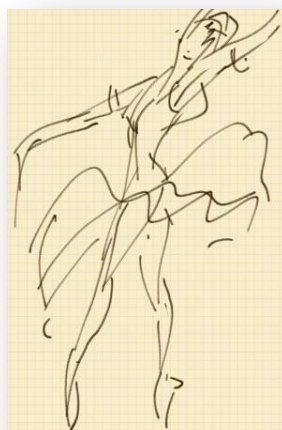
- Но... я буду... буду писать статью! Я всё равно буду писать... Она так хорошо сказала про кривое время и красноречивые миражи. Это было здорово!

- Про миражи – это не я, это Валери... Впрочем, не важно. У меня к вам просьба... – Наташа усмехнулась чему-то своему, подмигнула Еве и подошла к мужчине совсем близко.

- Да... говорите, я постараюсь выполнить. Если смогу... обязательно...

- Начните свою статью так: «Если бы она жила в Америке, её звали бы Молли...»

Не дожидаясь ответа, девушка подхватила заранее собранный кофр с костюмами, сумочку, плащ и зонтик и выскочила из дома. До выступления оставалось ещё довольно много времени, можно было не бежать до метро, а пройтись не спеша и подумать над новым номером для новой программы. Хозяин очень просил постараться: в ночной клуб стали захаживать важные клиенты, очень опасные, но платежеспособные.

М. Панфилова. Из серии «Балет», графика, 2014 г.

ПРОЗА

Александр Граков

(Краснодар)

СЧАСТЬЕ

Вечерний город светился изнутри, в квартирах. И снаружи – на улицах. Разноцветье рекламного неона соперничало с излучением лампочек, ламп и фонарей, вкрученных, развешанных и установленных в самых неожиданных, казалось, местах. Все это светилось, переливалось и сияло, создавая над центром города некую ауру, отгораживающую его от остальной вселенной. Ауру счастья и Великого Рождественского Настроения. Небольшой, но уютный бар «Парадиз», расположенный на главной авеню города, тоже сиял своими витражными проемами, поддавшись чарам божественного вечера: безветренная погода, легкий пушистый снежок сверху и никаких тебе минусовых температурных пакостей – сплошной нейтральный ноль. Но зато как этот ноль поднимал настроение!

Впрочем, у Сергея, владельца бара, оно и без этого было на пять с присыпкой. Он уже разогнал службу по домам, отмечать праздник, и теперь, перед закрытием своего заведения, протирал замшей лоснящееся матовое покрытие стойки, стирая с него несуществующие пятна. И от переполнявших его чувств напевал при этом нехитрый мотивчик, стараясь, даже перед собой, не особо фальшивить.

- Дилинь-нь, дил-линь, динь! - пропел колокольчик над входной дверью, возвещая о пришествии припозднившегося клиента.

- Закрыто! - коротко и категорично отрезал Сергей, не оборачиваясь, и в очередной раз хукнул на полировку стойки.

- Слышь, друг, - прозвучал от двери просительный мужской голос. - Я все понимаю: праздник, семейный круг и так далее... Но - помоги человеку отметить счастье!

- Отметить... чего?! - Сергей круто обернулся – настолько неожиданной была просьба сверхлимитного клиента. Перед ним стоял парень его возраста – лет двадцати пяти, довольно симпатичный, похожей на Серегину комплекции. И улыбка на его лице была настолько подкупающе искренней, что губы Сереги сами собой разъехались до ушей в ответной гримасе.

- Счастье, чего тут непонятного? - парень протянул свою ладонь. - Я Влад.

- Сергей, - Серега пожал руку. - Слушай, Влад, мне вправду некогда. Ко мне сегодня настоящее счастье должно прийти, прямо домой. А тут ты...

- А у меня что, ненастоящее? - обиделся Влад, и улыбка его потухла. – Мне всего-то сто грамм коньяка, для полного, так сказать...

- Слушай, а почему бы и не отметить? - вдруг загорелся Серега. - У меня сейчас этого счастья так много, а поделиться не с кем. Садись, друг Влад, за во-он тот столик, у окна, на котором лист бумаги лежит, – это я баланс перед уходом хотел подбить. Я сейчас.

Он запер дверь бара изнутри.

Через пяток минут на столике стояли два бокала, тарелка с нарезанным лимоном в сахаре и графинчик с коньяком.

- Ну, давай по очереди! - Серега поднял наполненный бокал. - Что у тебя за счастье такое?

- С сегодняшнего дня я – самый свободный гражданин планеты! - выпалил Влад, чокаясь с ним своей посудиною. - У нас с женой приняли заявление на развод.

- Вот дурак!- искренне посочувствовал ему Серега, отпив коньяка. - И это ты называешь счастьем?

- Ну да, - подтвердил Влад. - А что такое счастье в твоём понятии?

- Через месяц я женюсь на самой красивой девушке планеты. У нас сегодня приняли заявление в загсе. Вот это счастье так счастье! Поэтому за мое счастье давай до дна!

- Тогда за мое давай тоже до дна, раз у нас с тобой такие разные понятия о счастье, - налил по новой Влад. – За свободу от семейных оков!

- За семейное счастье! - не сдавался Серега. - И за красоту!

- Да за какую там красоту! - парировал Влад. - Все они красивые - в первый год жизни.

- У моей золотистые волосы, - мечтательно начал Серега.

- А моя бывшая – рыжеволосая выдра, - подхватил Влад.

- У моей – симпатичные веснушки.

- А моя конопатая.

- У моей глаза синие, с зеленой поволокой.

- А у моей бывшей глаза зеленые, как у кошки, с синевой.

- Моя очень заботливая – рубашку выгладит, костюм вычистит, туфли...

- А меня моя заела своим нытьем: ты почему ходишь в мятой сорочке и неглаженных брюках? У-у-у, ненавижу! - скрежетнул зубами Влад после третьего бокальчика коньяка. – Ты вот сколько времени со своей общаешься? - спросил он Сергея, машинально водя ручкой по листу бумаги.

- Почти полгода, а что?

- А я уже со своей полгода не живу, а до этого два года мучился. И только вчера, наконец, она дала согласие на развод.

- А моя ответила «да» на предложение руки и сердца тоже вчера. Вот видишь, Влад, мы с тобой сегодня вроде бы как два одиноких мужика...

- Просто встретились два одиночес-ств-ва, - продекламировал, слегка запинаясь, Влад.

- ...но каждый по-своему счастлив, - закончил мысль Серега.

- А у тебя кто-нибудь до нее был? - спросил Влад.

- Не-а, не было. Но у нее был, какой-то художник. Говорят, очень талантливый мужик... Но это неважно, все равно она у меня самая красивая. Хочешь, докажу? У меня ее фотка в медальончике есть.

- Н-не хочу, - отмахнулся Влад, с остервенением бросая ручку. - Отдохнуть хочу от женатой жизни. Вот это кайф, вот это счастье!

- Тогда пошли на выход, - поднялся Серега из-за столика. - Я этой женатой жизнью, в отличие от тебя, хочу насладиться. Вот это драйв... Мать моя! - глянув на часы, он схватился за голову. – Вот это посидели, вот это отметили счастье! А моя страх как не любит опозданий. Ладно, приберут со стола завтра с утра официанты. А нам бежать надо.

- Вот и моя тоже довела меня своей пунктуальностью до развода, - бормотал Влад, выходя вместе с Серегой на ярко освещенную улицу. - Ну, с праздником тебя, Серега! Желаю счас... тьфу ты, оно ведь уже есть у тебя. Тогда просто - будь здоров!

- Пока! - махнул ему на прощанье Сергей, поворачивая в противоположную сторону.

...А на столике в кафе «Парадиз» остался лежать лист бумаги, на котором был изображен красивый женский портрет, талантливо выписанный и отретушированный обыкновенной шариковой ручкой. И если бы сейчас рядом с ним можно было положить фотографию из медальона Сереги...

Я ЛЮБЛЮ АНГЕЛА

- Скотина! Ублюдок! Баран безмозглый! Прокладка между рулем и сиденьем!

Эти нелестные эпитеты были выданы, словно автоматной очередью, на одном дыхании. И адресовались они идиоту за рулем BMW, который подрезал Ликину «семерочку» прямо посреди перекрестка, напрочь игнорируя запрещающий сигнал светофора. Спасли Лиду пятилетний стаж непрерывной езды на ее «старушке» и отличная реакция на подобные стрессовые ситуации... Об этом она подумала, едва вывернувшись из-под заднего бампера красавца-джипа. Удар, конечно, был... причем внушительный удар – ее «старушку» тряхнуло основательно. Но – по касательной – «без причинения телесных»...

Что подумал водитель BMW с тремя шестерками на номерном знаке, она так и не узнала, джип, взвизгнув покрывками, благополучно газанул с перекрестка, оставив после себя лишь слабый запах горелой резины.

- Чтoб тебя черти взяли вместе с твоим навороченным драндулетом! - рыдающе выдала Лика в пустоту. Эта последняя фраза и закуренная сигарета принесли неожиданное облегчение, способствующее выходу из шокового состояния. Перестали трястись руки и прошло онемение в ступнях, одна из которых, казалось, намертво приросла к тормозной педали. А вторая – к муфтовой.

Теперь главное – как можно быстрее убраться с этого перекрестка! – донесся сигнал из мозга. Или еще откуда – Лика разбираться не стала. Тем более на горизонте уже маячил знак «ГИБДД» на груди у бравого мента, по объему чрева которого можно было безошибочно угадать его продолжительный стаж работы в данной отрасли. Вкупе со свистком, составлявшим единое целое с фейсом лейтенанта, и полосатым жезлом в длани - кончик его эйфорично подрагивал в предвкушении очередной акции возмездия - это таило непредсказуемую чреватость. Упитанный дядя не будет разборки устраивать: кто прав, а кто виноват в случившемся. Ты попался – ты и виновен! Поэтому наилучшим выходом сейчас было прислушаться к голосу рассудка. И Лика прислушалась: вдавив акселератор почти в полик, распугав при этом парочку подвернувшихся не к месту авто, она успела проскочить в левый ряд, пристроившись за пассажирской «газелью», так что гаишник при всем желании не смог бы теперь разглядеть номера. Успев при этом заметить боковым зрением, как он схватился за рацию, Лика благоразумно юркнула в первый попавшийся слева переулок, дабы не нарваться на следующий пост ГАИ. И здесь, притерев свою «старушку» у кромки тротуара, она наконец вырубил двигатель и... разревелась в полный голос, дав выход накопившемуся за целых полдня негативу.

- Да что же это за гадство такое на мою голову! - причитала она, некрасиво размазывая по прекрасному своему личику тушь с ресниц и остатки помады с припухших, искусанных еще на перекрестке губ. Переулок был пустынным, так что в выражениях можно было не стесняться. - Двадцать пять лет, а в жизни счастья нет! Первый муж – алкаш конченный – сгорел от водки за три года, второй был бабник и алкаш, третий... третьего днем с огнем не отыщешь. Ну где ты, мой желанный, пусть не атлет, но и не хлюпик, с красивым мужественным лицом, а главное – без всяких вредных привычек, сгубивших почти треть достойного мужского населения Земли? Нет тебя, идеала! А если и существуешь, так только в сказках. Да и то... Принцев на белых конях расхватали местные золушки-звезды, дурня нам и даром не надо, а умные выбирают себе подобных. И вот результат: четверть века позади, мужа нет, детей нет... лишь машина и квартира двухкомнатная, да и те унаследованы от бывшего алкоголика...

- Да хватит тебе нюни распускать, в конце концов, это даже неэтично – жаловаться на судьбу, которую сама для себя и выбрала! – раздался неожиданно негромкий голос из-за Ликиной спины.

Но в пространстве салона закрытой автомашины он прозвучал, аки гром с ясного неба. По теории вероятности, кроме нее, страдальцы, в машине не должно было присутствовать никакого постороннего тела. Пусть даже одушевленного. А если оно все же присутствует, судя по голосу, значит, пока она тут лила горькие слезы по своей утраченной молодости, внутрь прокрался маньяк. Или грабитель. Или того хуже – наемный убийца. А что? Второй муж, которого она пинком ноги под... ниже поясицы, в общем, выпроводила из своей квартиры, прямо-таки жаждет урвать эту самую квартиру в свою полную собственность. С последующей ее реализацией, естественно, ради ежеутреннего спасения собственной уже насквозь проспиритованной души...

Все эти мысли пронеслись в голове Лики сумасшедшей чехардой – одна за другой. А рука уже щелкнула рычажком открывания дверцы, а голова мгновенно повернулась на раздавшийся из-за спины голос...

- Ой! - она смогла вымолвить только одно коротенькое словцо – на другие просто не хватило дыхания из-за состояния ступора, в которое ввергло увиденное на заднем сиденье ее автомобиля...

Там сидела ее мечта! Вернее будет – сидел. Элегантный блондин с вьющимися волосами, пряди которых небрежно спадали на высокий лоб и обрамляли классически пропорциональное лицо с манящими сине-зелеными глазами и круто выписанными скулами с небольшой аккуратной бородкой а-ля Эль Греко. Рост под метр девяносто, комплекция средней накачанности – все в меру, все на своих местах...

Это был он, принц из ее давних снов, ее грезы, воображения, фантазии... да называйте как хотите – это создание было реальным воплощением Мечты всей ее, Ликиной, жизни! Встречались ей подобные в настоящем бытии, но лишь на изображениях... где же она последний раз видела подобное? Есть, вспомнила...

- Ангел?! – не веря даже самой себе, она робко протянула руку, чтобы прикоснуться к этому возвышенному, виденному не далее как два дня тому назад изображению, словно сошедшему с храмовой иконы. – Вылитый ангел...

- Э-э-эй, не нужно! Не делай этого! - встревожился белокурый мачо. Стараясь уклониться от Ликиного прикосновения, он заерзал по сиденью «семерочки». Не успел все же – ладонь ее легко прошла сквозь его тело, как через густой туман, и царапнула наманикюрными кончиками ногтей вытертый велюр спинки сиденья. Лица с приглушенным вскриком отдернула руку, словно от раскаленного утюга. И лицо ее быстро стало белеть, превращаясь в некое подобие маски мима. А зрачки стали закатываться под верхние веки, оставляя видимой голубоватую поверхность белков с тонюсенькими красными прожилками. Это означало одно из двух: либо она сейчас должна была хлопнуться в глубокий обморок, либо... Вот это, второе, было очень некстати, ибо сумасшествие личности излечивается лишь последующим сумасшествием общества в целом...

Придя в себя, Лика, еще раз выдохнула еле слышно «ой!», но теперь уже расслабленно и, пожалуй, даже восхищенно. Ибо находилась она на заднем сиденье своей «старушки», голова покоилась на коленях прекрасного незнакомца... А его большие, сильные и теплые руки ласково поглаживали ее густые каштановые волосы, иногда легонько похлопывая по щекам. Чтобы проверить реальность происходящего, Лика несмело подняла свою ладонь и коснулась сначала этой теплой руки, а затем ухватилась за нее, как за спасительную соломинку.

- Ты... ты настоящий? Все-таки настоящий! – прошептала она изумленно.

- Ну... можно сказать и так, - подтвердил он, не прерывая своего занятия. - Я рад...

- Послушай, перестань отвешивать мне пощечины и... и... скажи, наконец, как тебя зовут?- нашлась Лика, оттолкнувшись от его колен и принимая сидячее положение. А как хотелось продлить сладкие мгновения истомы, вдруг охватившей все ее естество! – Это что, я сама сюда перебралась? Ничего себе сценка! Развалилась на коленях мужика, даже имени его не спросив!

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

- Ну, во-первых, раз уж ты сходу рассекретила меня, позволь представиться, - шутливо наклонил он голову. - Ангелом-хранителем меня обычно кличут. Но для тебя я – просто Ангел, раз тебе так хочется.

- Очень приятно, - чопорно кивнула Лика, не особо вникая в смысл сказанного Ангелом. – А меня зовут...

- Не нужно, я знаю, - Ангел осторожно коснулся ее локтя. - Он мне прочел это в Книге Судеб. Должен же я иметь представление, за чьим левым плечом пять лет трясусь в этой грудке металлолома, гордо именуемой «авто».

- Господи! - прошептала Лика, в ужасе закрывая ладонями лицо. - Ты хочешь сказать, что знаешь обо мне всё?

- И ничуть не жалею об этом, - подтвердил Ангел, теперь уже не таясь, с обожанием глядя на нее. – Именно такой ты мне нравишься больше всего.

- Ты... ты зачем сейчас это сказал? - спросила Лика, открывая лицо и глядя на него в упор своими глазами. – Ведь если ты знаешь всё...

- Да, я знаю, что ты любишь меня с семнадцати лет, - подтвердил Ангел, улыбаясь.

- А ты? - отчаянно, с надеждой выпалила Лика.

- А вот об этом я скажу тебе дома, за ужином. Ты же не откажешь в ужине тому, кто сегодня спас тебя от неминуемой смерти?

- Как?! - воскликнула она обиженно. – Я сама...

- Но ведь ты же видела, - перебил ее Ангел, - этот джипяра шел на огромной скорости прямо в лоб твоей «старушке». - Ну, моя-то реакция намного быстрее дурости любого смертного. Я просто твоими руками, на долю секунды раньше, вывернул руль в нужном направлении...

- И что, много подобных случаев было за эти пять лет? - Лика уже пришла в норму и поэтому многое в прошедшей жизни стала осознавать совсем в другом ракурсе. - И как ты становишься осязаемым?

- Если я скажу, что три раза, не считая сегодняшнего, ты как бы рождалась заново, поверишь? - спросил Ангел, пристально заглянув в ее глаза. – И еще, что мне всего четыре часа в сутки отпущено на пребывание в брэнном теле, и эти четыре часа я могу разбивать на отрывки по своему усмотрению...

- Теперь верю, - сказала Лика и доверчиво потянулась всем существом к нему. И тут ее взгляд упал на боковое стекло машины. А за ним...

- Послушай, мы же стоим возле моего дома! - воскликнула она, угадав за стеклом свой подъезд. - А это значит...

- А это значит, что ужин состоится при любой погоде! - подхватил весело Ангел, выкручивая прямо из воздуха пузатую бутылку «Вдовы Клико».

...И был полумрак комнаты с чуть слышно звучащим блюзом. И были свечи на столе. И мелодичный звон хрустальных бокалов эхом откликался в каждой клетке требующего доказательств любви тела. И было взаимное упоение музыкой любви... и было, было, было...

Наутро Лика впервые в своей взрослой осознанной жизни проснулась с ощущением вселенского счастья в душе. И повернулась к Ангелу, чтобы обнять свое приобретенное сокровище – любимое и любящее.

- Мой милый, нежный Ангел! Как же я тебя люблю!

Но... место рядом с ней пустовало. Лика широко открыла свои и без того огромные глаза, затем протерла их для верности кулачками: не приснился ли ей этот прекрасный до неправдоподобия сон? Нет, не приснился – подушка еще хранила вмятину от его головы, постель хранила теплоту его тела, а в сознании ярко отпечатался облик ее мужчины. Которого она так

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

долго искала... и так быстро потеряла. От сознания этого хотелось завывать сейчас в полный голос звериным воем. Что Лика и сделала, подняв очи горé:

- Господи, за что ж ты так немилостив ко мн...?!

И осеклась на полуслове – под потолком, прямо в воздухе, висели огромные ярко-красные слова, будто кровью написанные:

- Любимая, меня срочно вызвали на ковер, туда (стрелка вверх). Но я клянусь тебе: мы будем вместе, несмотря ни на что!

По мере прочтения буквы, колыхнувшись в воздухе, таяли, оставляя после себя лишь слабое розовое свечение и густой терпкий аромат свежескошенного лугового сена.

И Лика почему-то сразу поверила написанному. Но сердце, ее бедное маленькое влюбленное сердечко, так переживало боль даже от временной разлуки с любимым, что готово было, казалось, выпрыгнуть из груди от собственного биения. Нет, с этим нужно было что-то делать, нужно как-то отвлечься, найти какое-нибудь болеутоляющее, наконец. От переизбытка чувств люди ведь тоже иногда умирают...

Ангел в это время стоял наверху, перед Ним, виновато переминаясь с ноги на ногу.

- Негодный мальчишка! - продолжал раздаваться Его грозный голос, раскатами грома отдававшийся в пределах слышимости. - Я потратил лучшие столетия своего и твоего существования на твое образование. Ты был и остаешься в числе десятка лучших Ангелов-хранителей по изучению психологии русскоязычного населения вверенного тебе участка. А также охране жизни и здоровья закрепленных за тобой особей. Заметь, я выразился «особей», а не «людей», - для тебя они все равны. И ты не имеешь никакого права выделять кого-нибудь из этого списка в особо привилегированные особи, понятно тебе?

- А я никого и не выделял, - сделал слабую попытку оправдаться Ангел.

- Ты лжешь! - ослепительная молния полоснула небосвод, и раздался очередной оглушительный раскат грома. - А Лика? Ты не только выделил ее, ты согрешил с ней! Что с тобой, Ангел? Ты плохо изучил Всемирную Историю? Тебя не пугает участь Адама и Евы, Геракла, сына Зевса и смертной женщины Алкмены, хитроумного Сизифа, Ясона, погибшего под обломками собственного судна...

- Я люблю ее, отче, - прервал Его Ангел. - И мы будем вместе – я дал клятву.

- Опомнись, сын мой, в последний раз прошу тебя! Книгу Судеб не перепишешь, но кое-какие изменения я вправе в нее внести. Еще не поздно это сделать.

- Мы будем вместе! - упрямо твердил Ангел, глядя в облако под ногами. - Я ей поклялся.

- Хорошо же! Ты выбрал свой и ее дальнейший путь! А сейчас уходи с моих глаз – видеть не могу послушника, - Он в сердцах топнул ногой, и на землю, вслед за ударом грома, обрушился мощнейший ливень, словно плач по чьей-то неудавшейся Судьбе. - Ты сказал «вместе»?! Хорошо, вы будете вместе, Книгу Судеб не перепишешь наново, - тихо говорил он уже в спину понуро удалявшегося Ангела...

Лика ворвалась в подсобку аптеки, где за столом, с головой уйдя в захватывающий женский роман, сидела ее лучшая подруга Ольга, походя перемалывающая ослепительно белыми зубками очередной чизбургер из «Макдональдса» напротив.

На звук открывшейся двери она даже глаз не оторвала от книги.

- У нас обед.

- Ольга, дай что-нибудь от сердца, - попросила Лика, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. - Шалить отчего-то стало, бедненькое.

- А-а, это ты, Ликуся, - Ольга не глядя махнула правой рукой себе за спину. - Очередная любовная интрижка, не иначе? Возьми вон там, в зале, справа, в застекленном стояке. Желтый пузырек.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

- Спасибо, - Лика обошла стол с подругой и, войдя в торговый зал, бросилась к левому стояку с лекарствами, так как во время беседы находилась напротив Ольги. Не прочтя даже таблички «Осторожно, галмеи!», приходящейся выше уровня ее глаз.

- Еще раз спасибо и пока, Оль.

- Пока, Лика.

...— Банальнейшее отравление каламином — водным силикатом цинка, - констатировал медэксперт, которого вызвали через два часа в квартиру Лики, вертя в руке пузырек с одноименным названием на этикетке. Затем он подошел к телу, лежащему на двуспальной кровати и вгляделся в красивое лицо Лики с застывшей на нем загадочной улыбкой. — Ну чисто тебе русская Джоконда! И что же тебя, красавица моя, заставило покинуть сей безумный-безумный мир?

- Я люблю Ангела! - хрустальным эхом отозвалась люстра над его головой.

- Я люблю Ангела! - скользнул по его лицу лучик солнца, прорвавшийся сквозь колыхнувшуюся занавеску окна.

- Я люблю Ангела, - тихо и доверчиво пропело нежным голосом в самом дальнем уголке его подсознания.

- Я люблю Ангела... - повторил вслед врач и недоуменно мотнул головой, отгоняя неожиданное наваждение крепким матерным словцом. - Надо же, причудится такое.

Затем решительно скомандовал двоим санитарам:

- Забирайте ее, ребята.

...А ночью на темном небосводе возле большой звезды зажглась еще одна маленькая звездочка. Значит, исполнилась еще одна мечта... или проклятие?

М. Панфилова. Липовка. Акварель, 2014 г.

М. Панфилова. Липовка. Акварель, 2014 г.

ПРОЗА

Виктор Федоров

(Находка)

ПРЕСТУПЛЕНИЕ? НАКАЗАНИЕ?

Я медленно шел по пустынному песчаному пляжу и вскоре уперся в большие черные валуны. За ними начинался мыс, уходящий в воду. Сев на теплый камень, задумался. Как же давно это было! Вот уже скоро три десятка лет стукнет с тех пор, как приехал жить сюда взрослым, состоявшимся человеком, с семьей. А тогда мне было...

То, что мама отпустила меня с таким же, только что отметившим пятидесятилетие одноклассником на взрослую таежную турбазу, было фантастикой. Не знаю до сих пор и уже никогда не узнаю, как и у кого родилась идея отправить нас туда.

Да, мы ходили, и даже иногда с ночевками, нашей дружной компанией одноклассников и одноклассниц в походы, но все это было рядом с моим родным Владивостоком. На поросшем стройным лесом мысу с довольно странным названием Черепаха мы, то есть десяток мальчишек и девчонок, ставили палатки и с удовольствием дурачились до утра. Не без винца, естественно, но это было так, не очень серьезно и вполне безобидно. Мыс этот в паре с другим, не таким выдающимся в море, обозначал бухту Шамору, впоследствии ставшую излюбленным местом отдыха измученных туманами, слякотью и гарью от сотен тысяч машин горожан. Эту прекрасную бухту с ее несколькими километрами многометрового слоя тончайшего, словно специально смолотого золотистого песка, намного позже воспели «Муммий Тролли». Само название бухты и переводится с китайского как «песчаная пустыня». В те времена так она и выглядела – почти каракумские барханы чистейшего, без единого следа на нем, песка и ласковая волна почти не тронутого тогда цивилизацией Уссурийского залива.

Турбаза – это совсем иное. Это была не школьно-пионерская, а взрослая турбаза на целых две недели, с походами и прочими положенными ей делами. Восторгам моим не было предела!

До турбазы ночь ехали на поезде, а потом – часик на автобусе. Эйфория достигла пика, когда нам сказали, что через два дня наша группа идет в таежный поход и поэтому заселяться в корпус не будет. Вместо этого повели на склад, где нам и группе взрослых парней и девушек выдали палатки. Вскоре мы уже внимательно слушали лекцию инструктора о том, как их ставят. Происходило это на небольшой, огороженной низким заборчиком поляне рядом с жилым двухэтажным корпусом. К вечеру рядом с нашей стояло около десятка других двух- и трехместных разноцветных палаток.

Весь следующий день прошел в тренировках и сборах. Подгонялись лямки рюкзаков, проверялись одежда и обувь, получались брезентовые куртки-штормовки, инструктор рассказывал о том, как вести себя на маршруте, что можно и чего нельзя делать. Ближе к вечеру мы с рюкзаками пошли к столовой.

На большой, сделанный из толстых, изрядно отполированных нашими предшественниками плах стол выставлялись ящик за ящиком, посуда за посудой, мешки и бумажные пакеты. Тушенка, сахар, картошка, сгущенка, концентраты, крупы, макароны, штабель хлеба и прочее,

прочее выносилось и выносилось на стол. Вскоре на столе высилась такая гора продуктов, что все приуныли. На столе лежала не одна сотня килограммов, по объему - вполне на добрый грузовичок!

Когда на столе появились стопки алюминиевых мисок, ведра, большие и маленькие котелки, ложки, кружки, свободного места больше не осталось и всем окончательно стало ясно, что все это унести даже группой в двадцать человек невозможно...

А потом в течение пары часов все это делилось, фасовалось, добавлялось к одеялам, одежде, запасной обуви, полотенцам, разной мелочи и укладывалось в рюкзаки. Инструктор проверял и высыпал все обратно, на стол. И так – снова и снова.

Уже давно светил яркий фонарь над столом, а мы все укладывали и укладывали... Ближе к полуночи все были готовы. Во всех смыслах. Ничего не соображающие, смертельно уставшие, мы разбрелись по палаткам, принеся туда же и огромные рюкзаки. Поднять их было слишком тяжело, но мы подняли и принесли. Лишь в походе мы поняли, насколько важно было то, чем мучил нас инструктор – укладка рюкзака. При таком большом весе ничто не давило, ничто не мешало идти и все сохранилось в том виде, в каком и было уложено.

- Подъем! Всем на зарядку! Быстро, быстро! – раздалось, как мне показалось, сразу же после того, как лег в палатку и закрыл глаза.

С трудом просыпаясь на ходу, мы бежали за инструктором, словно потревоженные зомби. Потом - несколько упражнений, затем, собрав нас кружком вокруг себя, инструктор объявил, что через два часа мы должны выйти из лагеря, а до этого позавтракать, собрать палатки и все, что еще не собрано.

Позади остались сборы. Красные от натуги, пыхтящие и обливающиеся потом, мы выстроились в линию, и инструктор с таким же огромным рюкзаком за спиной прошел вдоль, осмотрел нас и поднял руку, требуя полного внимания.

- Ну что же, - сказал он, - подготовка закончена, и через пять минут мы выходим в поход. Он продлится десять дней и столько же ночей. Кто не готов – есть еще возможность отказаться. Потом такой возможности не будет. Итак, есть ли такие, кто не готов идти в поход и отказывается от него?

Ответа не последовало.

- Тогда пеняйте на себя! Не говорите потом, что я не предупреждал! В таком случае я назову мои условия. В походе все беспрекословно подчиняются мне, все между собой равны, все делают любую полезную для группы работу и общаются на «ты», независимо от возраста и регалий. Понятно? Тогда напра-во! Шагом марш!

До сих пор не могу понять, как это я, щедушный мальчишка пятнадцати лет, нес тот огромный рюкзак весом в двадцать пять килограммов. Пока шли по поселку, было ничего, но вскоре асфальтовые дорожки закончились и мы вышли на широкую тропу. Повиляв немного меж деревьями, тропа превратилась в тропинку, которая скоро стала почти незаметной в кустах и густой траве. Инструктор, шедший впереди, уверенно вел нас все дальше и дальше.

Уже через полчаса я пожалел, что не внял его разумному совету. Пот заливал глаза, тек по мне. Я всем телом ощущал эти ручейки.

«Боже, - с ужасом родилось в сознании, - я же не смогу все это выдержать и получаса, а впереди целых десять дней! Что делать? Я же не переживу позора!»

В голове услужливо возникла картина – я вынимаю из рюкзака банки и передаю их женщинам под смех и улюлюканье всей группы.

В этом состоянии почти реально пережитого стыда и горя я шел и шел. Судя по тяжелому дыханию и иногда по вскрикам женщин, которых хлестнула неловко отпущенная ветка, все испытывали примерно то же самое.

Команда «Привал!» даже не сразу дошла до сознания. Уж слишком сказочно она звучала, чтобы быть реальностью! Однако так оно и было, независимо от нашего сознания. Все повалились на мягкую, покрытую мхом и многолетним слоем старой хвои землю. От счастья хотелось плакать. Инструктор передал флягу с водой, предупредив при этом, что пить не более трех глотков. Глотнув, даже не понял, что флягу кто-то взял из моих рук. Я уже спал.

- Привал закончен! Встаем! - команда показалась голосом из преисподней! Казалось, все мои грехи собрались здесь, под этим деревом для того, чтобы за них была принесена жертва, получена расплата.

Попробовал встать. Ноги были ватными. Сил встать, поднимая при этом рюкзак, не было. Он оказался внизу, а я - наверху, напомнив себе черепаху, перевернувшуюся на панцирь. Кто-то взял меня за шкуру и легко поставил на ноги, вернув все на свои места.

Ноги пошли сами, причем я даже не сразу понял, что иду. Чья-то попа и рюкзак впереди, тяжелое дыхание сзади. Я не думал ни о времени, ни о тяжести, ни о чем ином, кроме того, что вот от этой попы я не должен отстать ни при каких обстоятельствах! Это было больше чем цель. Это было смыслом жизни в те минуты. Постепенно привык к тому, что пот льет и льет, что мне настолько жарко, что если бы прозвучала команда раздеться полностью, выполнил бы ее без тени сомнений. Ног не чувствовал. Мне казалось, что ступни разбухли и увеличились размера на три. Взгляд отмечал только самое нужное - примятую траву, торчащие из земли корешки, камни и мох да заботливо передаваемые передним ветки, которые перехватывал и передавал идущему за мной.

Привал наступил так же неожиданно, как и в первый раз. Помня опыт предыдущего, сел так, чтобы рюкзак оказался чуть выше, на пригорке. Мысль о том, что скоро снова вставать, уже не убивала своей неотвратимой жестокостью. Мне все это было уже безразлично. Ну сел. Ну встану. Ну пойду... Снова попа, снова корни, снова ветки... Следующий переход показался совсем коротким.

- Привал! Рюкзаки снять! Отдых пятнадцать минут, а затем собираем сухостой на дрова, ставим палатки и готовимся на ночевку! – раздалась невозможно прекрасная команда.

Скинув лямки рюкзака, встал и поймал себя на мысли, что хочу схватиться за что-нибудь, чтобы не взлететь. Тело стало невесомым, неправдоподобно легким.

«Сейчас сходить в кусты, и тогда уж точно взлечу!» - подумал я и вдруг понял, что за все время перехода ни разу не делал этого, да и сейчас не хотелось. Все вышло с потом.

Палатки ставили молча. Разговаривать не хотелось никому. После эйфории наступил тяжелый спад. Хотелось одного – забиться в какую-нибудь норку и спать, спать, спать!

Инструктор был везде. Кому-то подсказывал, как лучше привязать оттяжку палатки, кому-то говорил о том, что на ночь нужно будет переодеться во все плотное или ворсистое. Позже мы все поняли, о чем он говорил.

Весело затрещал костер, над ним протянулась толстая жердь на рогадинах. Вокруг суеились женщины, кто-то в сторонке рубил дрова. В большом ведре запарила, забулькала вода.

Когда по поляне разнесся божественный запах тушенки, стало ясно, насколько сильно, просто смертельно хочу есть!

Солнце село, и быстро навалилась ночь. Перед ужином инструктор сказал всем построиться. Удивленные этим, начавшие уже усиленно вырабатывать желудочный сок, мы встали.

- Товарищи туристы! По старой традиции нашей турбазы, на первой ночевке я должен вручить каждому из вас отличительный знак этой и только этой группы, который означает, что все выдержали первый этап, никто не сошел с дистанции. Тот факт, что группа состоялась, подтверждаю! Все время нахождения в походе и на турбазе носите ее, а потом можете сохранить как память об этих днях.

С этими словами он вручил каждому простенькую косыночку из ситца в тонкую оранжевую полоску. Событие прибавило торжественности и внесло особую нотку во все дальнейшее.

Мы весело стучали ложками по здоровущим мискам с макаронами, облагороженными тушенкой. Ничего вкуснее не знал и не знаю до сих пор, хоть и попробовал в жизни немало деликатесов! А потом был потрясающий, заваренный с таежными травами крепкий чай.

Спать не хотелось. С удовольствием смотрел на огонь и был счастлив, что оказался не хуже других, дошел! Кто-то взял гитару, и началось волшебство, аналогов которому нет и быть не может, – песни у таежного костра после дня, заполненного тяжким трудом. Что это были за песни! Одна красивее другой, они тревожили, трогали душу.

*Все перекаты да перекаты,
Послать бы их по адресу.
На это место уж нет и карты,
Идем, идем по абрису...*

С таким удовольствием я не подпевал никогда. Мы и не думали расходиться, и команда инструктора «По палаткам!» вызвала глухое недовольство. Однако мы были обязаны подчиниться, поскольку обещали полное подчинение инструктору в походе. Сон пришел мгновенно.

Точно так же мгновенно он и пропал, когда я проснулся оттого, что почувствовал, отчаянный зуд в районе щиколоток и ступней. Попытки почесать там вызвали еще более нестерпимый зуд. Я вышел к горящему еще костру, чтобы посмотреть, что там такое. Мои подозрения склонялись к тому, что под палаткой – муравейник.

Кожа под носками была в мелких красных точках чьих-то укусов. Попытки снова почесать ничем хорошим не увенчались, обернувшись непрекращающейся то ли болью, то ли зудом. Это стало бедой.

- Что, заели? - раздался мягкий голос за спиной.

- Да... А кто это, муравьи?

- Да нет, - ответила симпатичная молодая женщина в пушистой кофте с капюшоном, - это таежный гнус. Маленькие такие мошки, а жалят вот так больно. От них спасают только брезентовая одежда и носки толстой вязки. Есть такие у тебя?

- Нет...

- Сейчас дам, у меня есть лишняя пара, - сказала она, рукой остановив мою попытку отказаться.

- Держи мазь и носки. Мазью смажь укусы, а потом – руки и лицо, это отпугнет их.

- Спасибо! – сказал я, возвращая мазь.

- Пожалуйста! Тебя звать-то как? Я – Люба.

Я представился.

- Впервые в походе?

- В таком впервые, а с ребятами дома ходил недалеко.

- А я второй раз уже здесь. Нравится! Я на мебельной фабрике работаю, в Уссурийске, а ты?

- А я в девятом классе учусь, - сказал я и почувствовал, что краснею. Мне вдруг стало ужасно стыдно за то, что я еще такой молодой по сравнению с ней, что даже соврать пришлось. Не учился я в девятом, а только перешел...

- Вот и хорошо. Все впереди еще! - сказала она, улыбнулась и помахала ручкой. - Пошли спать, утро вечера мудренее! Завтра договорим, если желание будет. Спокойной ночи!

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

- И тебе тоже спокойной ночи! - сказал я. Заснул не скоро. Что-то мешало. Глаза сами открывались.

Боже, как же трудно было просыпаться утром! В отличие от нас, тренер выглядел бодрым и свежим, будто и не спал вовсе.

- Быстренько к ручью, умываться! Девочки свои дела делают по эту сторону ручья, а мальчики – по другую. Если кто перепутает, пусть не жалуется мне. Не пожалею и не подую на царапины!

Позавтракав сваренной уже кем-то из женщин кашей из концентратов, быстро выпили поспевший к моменту чай и стали складывать палатки, с трудом передвигаясь на разбухших, ноющих после вчерашнего перехода ногах.

Рюкзак стал намного легче, чем вчера. По крайней мере, мне так показалось. А может, и не совсем показалось, поскольку из него были взяты три буханки хлеба. В остальном все пошло так же. Такая же попа впереди, такие же корни и камни под ногами, такие же ветки, но добавилось иное. Согнувшись в три погибели, мы теперь постоянно карабкались вверх по склону какой-то бесконечно высокой горы. Порой приходилось хвататься за корни руками, чтобы не улететь назад под тяжестью рюкзака. Работа была тяжелее вчерашней, но каким-то странным образом делать ее получалось легче.

Мы упорно шли и шли, скользя по осыпающейся земле и мелким камешкам, хватаясь за все, что попадало под руку. Первый привал был коротким. Заснуть не получилось. Инструктор торопил, чтобы засветло успеть к привалу на ночь в известном ему одному месте.

Пообедали толстыми кусками хлеба с маслом и такими же блинами колбасы, запив все вкуснейшей холодной водой из ключа.

Войдя в режим, я уже не думал о привалах и о том, что мокрый весь. Ноги действовали отдельно от моего сознания. На привалах с интересом рассматривал всех, кто был в группе. Не считая инструктора, мужчин было мало. Всего пять человек. Кроме одного, это были крепкие симпатичные парни лет двадцати пяти - тридцати. Пятый же был постарше, лет сорока с лишком. Он шел с женой. Ну а о нас с товарищем я и не говорю. Мы выглядели детьми, как я сейчас понимаю, по сравнению с остальными. Женщин в группе оказалось вдвое больше, самая младшая из них была лет на десять старше нас.

Вечером, когда палатки уже стояли, а в ведрах забулькало что-то вкусное, Люба села рядом с нами.

- Мальчишки, можно я рядом присяду? Как вы, не очень устали? – спросила она, широко улыбаясь.

- Да нет, сегодня поменьше! - ответил я, - ноги только болели сначала.

- И сейчас болят, - добавил друг, - но уже не так.

- Вот и у меня то же самое – полегче стало. В прошлые разы на турбазе все так же было - сначала тяжело, а потом уже идешь себе и идешь, не замечая ничего вокруг. Конфетки будете, мальчишки? Я тут леденцов с собой прихватила.

На этот раз и палатки поставили быстрее, и каша с тушенкой поспела раньше. И на песни осталось больше времени. Как выяснилось, в группе был не один гитарист-песенник. Как бы соревноваться между собой, пели они без остановки, и получалось это у них великолепно!

Вечер бродит по лесным дорожкам...

Ты ведь тоже любишь вечера.

Подожди, постой еще немножко,

Посидим с товарищами у костра...

Как же это было здорово! Песни завораживали, проникали в душу, навсегда уже оставаясь там. Именно в одну из таких минут я вдруг заметил, что женщины уже не сидят вместе, стайкой. Трое сидели с парнями.

Подъем утром не вызвал прежних эмоций. Новая привычка брала свое. Ноги болели меньше. Меня несколько удивила необычная бодрость после двух суток такого пути.

Карабкаться становилось все труднее и труднее. Крутой подъем требовал больше усилий, и потому привалы делались чаще, правда, ни ручьев, ни родников уже не встречали. Воду несли с собой, во фляжках. Пили не более двух фляжек на всех за привал. После обеда начались «учения».

- Вершина! – кричали передние, и все из последних сил бросались наперегонки, цепляясь за корни, за землю и в кровь обдирая пальцы. Это повторялось раз за разом. Любой просвет впереди принимался за вершину, но оказывался небольшой поляной, за которой начинался новый подъем.

Совсем неожиданно нас остановило то, чего уж никак не ожидал никто здесь, в глухой тайге, на высоте тысячи с лишним метров. Впереди громко затрещал и завелся трактор! Не чуя ног под собой, мы рванули вперед, исключительно на втором, а возможно, и каком-то третьем дыхании.

Это действительно была вершина горы Черный куст высотой 1010 метров. Она предстала перед нами в виде большой строительной площадки, а вернее, только начала ее. Земля, развороченная бульдозером, лохматые корни поваленных деревьев да несколько вагончиков-бытовок. Как все это попало сюда, ведь вокруг была сплошная тайга?

Наверное, по воздуху. У военных много техники, в том числе и вертолеты, которыми можно ее перебрасывать, а в том, что здесь властвовали военные, сомнений не осталось, поскольку от вагончиков в нашу сторону бежали люди. Все они были в запачканной глиной, лоснящейся от мазута солдатской форме. Двое держали в руках автоматы. За ними быстрым шагом шел в такой же перепачканной форме офицер без фуражки.

- Всем стоять! – орали солдаты, наставляя на нас оружие. Мы и не порывались идти, остолбенело глядя на них, словно на инопланетян.

- Кто такие? - строго спросил молоденький худющий лейтенант с тонкой, совсем гусиной на вид шеей, вольготно болтавшейся в расстегнутом вороте гимнастерки. - Как оказались на военном объекте?

- Да мы... - инструктор полез было в вырез штормовки, но немедленно был остановлен окриком.

- Руки! Руки держать, чтобы я их видел, - сказал офицер и кивнул солдату. Тот сунул руку за пазуху инструктору и достал оттуда небольшой, но довольно толстый планшет, висящий на тонком ремешке. Сняв, он подал планшет офицеру и снова наставил оружие на инструктора.

- Иванов, ты убери оружие, а то не ровен час... - сказал офицер солдату и углубился в чтение бумаг.

- И что, вас не предупреждали, что этот маршрут закрывается? - спросил он у инструктора через пару минут.

- Да нет, никто и ничего мне не говорил, да и был я здесь две недели назад, ничего такого здесь и в помине не было!

- Две недели назад не было, а сейчас есть! - с досадой проговорил лейтенант. - И что мне с вами теперь делать? Арестовать?

- За что?!

- За проникновение на территорию секретного военного объекта.

- И что, лейтенант, - неожиданно вмешался в разговор мужчина из нашей группы, что постарше, - ваш объект обнесен колючкой, по периметру выставлены посты? Мы перерезали проволоку, сняли часовых и вот, предстали тут перед вами во всей своей красе? Так?

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

- А собственно, кто вы такой? - взвился лейтенант. - Я здесь поставлен для несения службы и имею все полномочия!

- А поставлен, так неси как следует! – резко повысив голос, почти срываясь на начальственный крик, продолжил наш. - В каком вы виде, товарищ лейтенант? Почему без головного убора, ворот расстегнут? Почему сапоги грязные? А солдаты? Это что, солдаты Советской Армии или махновцы подгулявшие?! И встать как следует, когда разговариваете с офицером!

Явно не ожидавший такого напора лейтенантик вытянулся и стал застегивать ворот.

- Я же... Мы всего три дня здесь, еще не...

- Ладно, - резко сказал наш, - мне это не интересно. Это расскажете своему командиру. Сейчас мы пойдем дальше, к месту нашей дислокации, а вы доложите своему начальству, что на объекте был подполковник Соколов из округа и сделал вам замечание за разгильдяйство. Вам понятно?

- Так точно, – тихо, глядя в землю, сказал лейтенант.

- Не слышу!

- Так точно, товарищ подполковник! – вытянувшись, отчеканил лейтенант. - Есть доложить о вашем посещении и замечаниях!

- Вольно! Ладно, лейтенант. Я же все понимаю. Только из училища?

- Так точно!

- Хорошо. Отпустите своих людей. Пусть с оружием будут поосторожнее. Благодарю за бдительность! Она вас никогда не подведет. Всякие люди по тайге шляются.

- Есть, товарищ подполковник! Разрешите идти?

- Идите! Удачи вам по службе!

В течение всего этого диалога мы с изумлением наблюдали за ними.

Когда лейтенант зашел в вагончик, жена подошла к мужчине и неожиданно шлепнула его ладошкой по лбу.

- Ты что, молодость вспомнил? А если бы поумнее да поопытнее оказался?

- Да ладно тебе, мать! Я же чуточку совсем, да и выхода другого не было, - широко улыбаясь, ответил он.

- Так это что, вы не подполковник?! - спросил инструктор.

- Да он и в армии-то не служил, плоскостопие у него! – ответила за него жена. - Это он с друзьями своими на коньяк поспорил как-то, по пьяному делу, что милиционеры их домой на уазике своим доведут. И ведь довели же! Вот и вспомнил былые подвиги, повторил.

Не будь на нас рюкзаков, катались бы мы по земле от хохота, а так только зашли за бугор и уж там отвели душу, насмеялись от души.

Путь вниз оказался и труднее, и легче. Мы скользили, падая то на попу, то на рюкзаки. Когда попадались длинные, пологие каменные осыпи, с удовольствием ссыпались вместе с камнями.

Всего лишь через три часа мы оказались у подножия горы, на которую забирались три дня. Деревня с забавным именем Хмыловка встретила нас уютным мычанием коров, медленно идущих домой с пастбища, да ленивым лаем собак за заборами. У калиток стояли женщины, встречающие своих буренок. Они почти безразлично смотрели на нас, но с удовольствием приветствовали инструктора.

- Санек, за молоком придете?

- А как же, тетя Мань, конечно! И за картошкой тоже.

- Вот и славно. Так я приготовлю?

- Ну да. А цена прежняя?

- Конечно прежняя, с чего ей меняться?

- А у нас что, Сань, не будешь брат? – вступила другая.

- И у вас возьмем, мы тут неделю целую стоять будем.

Выйдя из деревни, полчаса шли по пыльной дороге, пока перед нами наконец не открылось синее-пресинее море! Вернее, это было не море, а лежащая среди сплошных лесов большая бухта с берегами, обрамленными прекрасными чистыми песчаными пляжами. Радости нашей не было предела! Ради этого стоило так трудиться!

Мы уже собрались ставить палатки, но инструктор остановил.

- Жить будем не здесь, пройдем еще с полкилометра. Там поудобнее, там и лагерь разобьем.

Место для лагеря действительно оказалось очень удобным. Длинный, шириной метров двадцать, пляж с тончайшим золотым песком, большая зеленая поляна у речки. В глубине поляны стояли пять дощатых домиков размером с палатку, а метрах в десяти – большой деревянный стол с лавками по обе стороны.

- Кто хочет жить в домике, занимайте, а кто в палатке – ставьте поближе к домикам, чтобы всем вместе быть.

Естественно, мы поставили палатку. В домики заселились инструктор, «подполковник» с женой и еще две пары, создавшие на наших глазах. Незанятым остался один домик. Он так и не был занят. Его гостеприимством впоследствии пользовались те, кому это было нужно. По вечерам он никогда не пустовал.

В тот вечер на ужин было вино. Как оказалось, в полукилометре от лагеря располагался пирс и напротив него – магазинчик, от которого в лес шла тропинка. Позже выяснилось, что она вела к небольшой деревушке в паре километров.

Вареная картошка с тушенкой, колбаса из магазина, селедка, великолепные соленые огурцы по цене «сколько дадите, столько они и стоят». Наиболее ярким впечатлением от магазина стала большущая пушистая кошка, мирно спящая в большом картонном ящике, прямо на печенье, уложенном в нем рядами. Беззлобно согнанная продавщицей кошка, шатаясь, пошла к открытой двери, но силы внезапно оставили ее, и она упала поперек входа на солнечном пятне, вывернувшись животом вверх, раскинув лапы, и так замерла.

Когда солнце зашло за сопки на другом берегу бухты, стол был готов, и это было просто потрясающее изобилие! Вина было не слишком много. Инструктор явно следил за тем, чтобы кроме того, что купили на всех, спиртного больше не было.

Как же все было здорово! Вино сделало свое дело, и вскоре веселье достигло нужного накала. Наши гитаристы превзошли себя, выдавая все новые и новые песни.

*Серый дым создает уют,
Искры тлеют и гаснут сами.
Пять ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами...*

Когда народ стал танцевать, это было воспринято абсолютно естественно. Девушки сначала танцевали друг с другом, а потом рассердились и потребовали справедливости. На их взгляд, справедливость заключалась в том, что все мужчины обязаны были танцевать со всеми женщинами по очереди, а не с одной избранной женщиной. Отсидеться не получалось ни у кого. Гитаристы только успевали меняться, потирая натруженные пальцы и потряхивая рукой.

Прервались танцы выходом из темноты на свет двух пограничников с оружием и с большущей овчаркой.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

- Привет, ребята! Подходите, - сказал им инструктор, - перекусите пока, а я сейчас документы принесу.

Пограничники с удовольствием подкрепились, взяли у инструктора документы и собрались было уходить, но он задержал их.

- А как насчет по стаканчику?

- Вообще-то нам нельзя, на службе мы... - неуверенно сказал старший, с двумя лычками на погонах.

- Да ладно, кто узнает? – сказал инструктор, подавая солдатам кружки.

Через полчаса мужики стали уговаривать солдатиков стрельнуть из автомата. Старший ухмыльнулся и сказал:

- Сделаем! – Сказав это, он отошел в сторонку и вызвал кого-то по рации, висящей на ремешке. Вернувшись, снял автомат, высоко поднял его и выпустил в небо очередь. Трассирующие пули красиво прочертили темное небо, вызвав бурю восторгов и визгов.

- Вы отдыхайте, - отказавшись от очередной кружки вина, сказал старший, - а нам служить надо. Завтра документы ваши вернут с заставы.

С их уходом вечеринка как-то не заладилась, видимо, кураж пропал. Спать совсем не хотелось, и я пошел погулять по берегу.

Ласковая волна с тихим шорохом накатывалась на песок. В воду лезть не тянуло, хоть она и была хорошо прогрета дневным солнышком. Долго шел, прислушиваясь к волне и всматриваясь в крупные звезды на черном небе. Вскоре дошел до конца пляжа, обозначенного крупными черными валунами, с мысом за ними, уходящим в воду. Я хотел было сесть на камень, но в этот момент рядом раздался плеск, и я испуганно вскрикнул.

- Кто там?

- Да я это, Люба. Что, испугала?

- Да нет, просто неожиданно так...

- Тоже гуляешь? Купаться будешь? Водичка – прелесть.

- Да нет, что-то не хочется. Я так посижу.

- Тогда посторожи мою одежду, - засмеялась Люба, - а то возьмет кто-нибудь, и придется в лагерь в чем мама родила возвращаться!

- Хорошо, - чувствуя, что краснею, ответил я.

Она плеснула на меня водой и, словно русалка, поплыла от берега.

Не смея пошевелинуться, какое-то время сидел на камне, и взгляд постепенно выделил светлое пятно на расстоянии вытянутой руки. Я долго гнал от себя искушение, но все же не выдержал и протянул руку. Тонкая, легкая ткань обожгла руку неизвестным до этого ощущением. В ней только что была она! Я положил на ткань ладонь, пытаюсь понять, что это. Это сильно волновало. Сердце стучало в висках.

- Ты что там затих? – раздалось из воды. - Скучаешь? Я уже возвращаюсь.

- Да нет, я... - отдернув руку и ощущая себя преступником, промямлил я.

- А вот и я! – раздалось рядом. Я хотел было повернуться, но она добавила: - Только не поворачиваться! Я же раздета совсем. Секундочку, вытрусь и надену халатик.

Это был халатик, автоматически отметил я. Лицо горело. Мне казалось, что она все знает.

По пляжу мы шли, держась за руки. Это было так остро и так приятно, что у меня даже заболела голова. Или это было от выпитого вина? Из лагеря доносилось дружное пение.

Сиреневый туман над нами проплывает.

Над тамбуrom горит полночная звезда.

Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,

Что с девушкой я прощаюсь навсегда...

Друг в лагере подмигнул мне, когда увидел, что мы идем от пляжа вместе. Сам он сидел на скамейке. Рука его лежала на плече высокой черноволосой девушки.

Спал плохо. Приснилось, что Люба выходит из палатки и говорит так громко, чтобы все слышали, что это я трогал ее халатик. Все укоризненно качали головами, а я шел как сквозь строй и понимал, что после такого жить мне больше нельзя. Такие преступления не прощаются... Вслед мне донесся стон девочки, по которой я сох всю третью четверть... Это она, закрыв лицо руками, громко стонала от боли, что я причинил ей своим предательством. Это ведь я опозорил ее, разбил сердце, и теперь жизнь для нее станет адом! С этой мыслью и проснулся весь в холодном поту. Стон не прекращался. Доносился он снаружи. Высунулся из палатки и взглянул на часы в свете луны. Половина второго. Стоны шли от ближайшего, в нескольких метрах, домика.

Я вышел из палатки, пытаюсь сообразить, что мне делать. А может быть, там кому-то плохо и надо разбудить кого-то? Инструктора, например. В то время не было ни кино, ни интернета, чтобы мальчишкам быть грамотными в некоторых щекотливых вопросах. Прислушиваясь, хотел было подойти к домику, но тут раздался спокойный мужской голос:

- Не мешай им. Пусть отдыхают. Хочешь чайку? Там, в ведре, еще теплый. Попей да и ложись себе.

Так и не поняв, кто это говорит из-под одеяла недалеко от костра, я хлебнул чаю и вернулся в палатку.

Утром все было как всегда. Пляж, дежурство у костра, мытье посуды с песочком, потом снова пляж, и так весь день. Совсем не глубоко, мне по колено, в воде было множество больших красивых раковин. Оказалось, что это - вкуснейшая еда! Парни научили нас с другом открывать их и есть сырыми белые комки мускула этого моллюска. Вкус гребешка, а это был именно он, не передать! Так мы и паслись у моря, купаясь и загораючи от души, никем и ничем не ограничиваемые.

В тот вечер мы с Любой вновь были у камней. Приказав отвернуться, она скинула с себя халат и вошла в воду.

- Ну что же ты, раздевайся и иди сюда! Водичка – чудо какое-то!

Я не знал, что делать. Понимая, что если разденусь – позора не избежать, я так же отчетливо понимал, что отказаться и не пойти в воду означало показать страх, что не менее глупо. Обругав себя мысленно, скинул все и пошел.

- Ну, и вот! А ты не хотел. Правда же, здорово?

Она оказалась совсем рядом. Мне были видны ее лицо и руки, которыми она прикрывала грудь. Инстинктивно, я прикрылся под водой руками, но тут же понял, что этого не нужно делать – под водой ничего не было видно.

- Поплыли! - сказала Люба, в то же мгновение убрав руки от груди. Я поплыл за ней. В глазах, словно на фотографии, стояла только что мелькнувшая на растянувшееся для меня мгновение небольшая, невыразимо прекрасная грудь с маленькими темными кружками вокруг сосков. Первая увиденная мной, настоящая, она была и такая, и не такая по сравнению с той, что я внимательно и далеко не один раз рассматривал на календаре, привезенном отцом из Японии. Второй уже год хранился он в шкафу, спрятанный от меня под простынями.

Наплававшись, мы вернулись к камням. Люба выходила первой. Я с восторгом смотрел на ее точеную фигуру с округлыми бедрами и узкой талией.

- И чего ты ждешь? – повернулась она ко мне, совершенно не пытаясь прикрыться. - Так и будешь в воде стоять?

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Я думал, что сердце мое взорвется от того, настолько сильно оно билось в груди. Боком, стараясь как-то прикрываться, я вышел с другой стороны камня и быстро натянул на себя спасительные трусы.

- Готов?

- Да...

- Тогда идем, - с этими словами она обняла меня вокруг талии, а мне ничего другого не оставалось, как только положить руку ей на плечо.

Ночь прошла как в огне. Я действительно мучился, не в силах спать спокойно. Только заснув, тут же просыпался с ощущением, что мне не хватает воздуха. Пару раз вставал и выходил из палатки, чтобы остудить жар и на теплом ветерке высушить капли на лбу. Сон со школьной любовью больше не снился. Снилось другое. В домике снова стонали, но голоса явно были другими.

День за днем, почти незаметно прошла неделя. Когда инструктор сказал, что завтра мы возвращаемся на турбазу, я испытал шок.

«Как так? Зачем?! – думал я. - Здесь ведь так хорошо, но главное – здесь та, с которой мне так приятно и легко, и с которой я, может быть, даже поцелуюсь когда-нибудь?»

- Ну что, в последний раз купаемся? – сказала Люба у камня и, не отворачиваясь, стала раздеваться. Я стоял и смотрел на нее, наливаясь краской и огнем в теле...

- Все? Посмотрел? Теперь раздевайся, и поплыли, - засмеялась Люба и пошла в воду.

Когда мы выходили из воды, она вдруг остановилась, повернулась и шагнула ко мне.

- Все, мой хороший, заканчивается когда-нибудь. Хочу тебя поцеловать напоследок, - сказала она и внезапно обхватила руками, прижала к себе. Ее чувственные губы впились в мои, девственно некомпетентные. Я ощущал ее тело, ее теплые груди и готов был так и остаться на всю жизнь, задохнуться в этих объятьях. Руками гладил нежную, совсем не похожую по ощущениям на мою кожу. Все во мне начало бунтовать, я ощутил непреодолимую физическую потребность разжать ее объятья и начать делать что-то самостоятельно, без участия ее рук. Неважно что, но я должен был это делать сам!

- Тихо, тихо! Успокойся, миленький! - Почувствовав это, она чмокнула меня в щеку и властно отстранила. - Все, все уже прошло. Идем же, мой хороший, одеваться!

По пляжу шли молча. Рука моя лежала на ее теплой талии. Она же трогала теплой ладонью, кончиками пальцев мою шею, плечи и от этого мурашки бежали по телу.

В ту ночь вновь проснулся от стонов. Они трогали гораздо больше, чем обычно, и я долго не мог заснуть...

Наутро рай закончился. С утра собирали палатки, укладывали вещи. Рюкзаки теперь были легкими, продуктов в них не было, лишь немногочисленные вещи.

Катер подошел к причалу. Первыми сели две местные женщины с большими корзинами, потом пошли мы. Около часа катер шел по заливу и подошел к высокому причалу напротив длинного деревянного здания с башенкой.

- Морской вокзал, - сказал инструктор.

Прямо на причале стоял выдавший виды автобус, пазик. Мы расселись, покидав рюкзаки в заднюю часть салона. Ехали около часа. Нас сразу распределили по комнатам. В нашей, кроме нас с другом, оказались еще двое парней из группы. С каким удовольствием мы мылись в горячем душе, смывая вьевшуюся в тело морскую соль!

Вечером вся группа пошла в кафе. Пили много. Как мужчины, так и женщины. Люба была потрясающе красива в нарядном цветастом платье и с прической. Боясь отстать от взрослых, я вскоре почувствовал подкатывающую тошноту. Быстро ушел и долго был в кустах за кафе. Очухавшись слегка, вернулся в кафе. Там уже шли танцы. Ко мне под села Люба.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

- Тебе что, плохо?

- Да нет...

- Но я же вижу. Знаешь, давай сейчас выпьем кофе и уйдем. Хочешь, просто пойдем и погуляем напоследок?

- Хочу.

Она быстро заказала кофе, сложила пару бутербродов, завернула их в салфетки и положила в сумочку.

- Пригодятся, да? – подмигнула она и мы вышли. Долго шли по темной аллее, наслаждаясь тишиной. Постепенно вышли к лодочной станции. Я знал, что здесь, в поселке, есть теплое озеро, в которое впадает речка Горячка, несущая охлаждающую воду от электростанции неподалеку, но ни разу здесь не был.

Навстречу вышли двое наших, сосед по комнате и женщина, с которой он жил в домике.

- Не опоздайте, ровно в полночь на турбазе закрывается дверь, не попадете до утра уже!

- Хорошо, - ответил я, - не опоздаем.

Мы сели на перевернутую лодку и какое-то время молчали. Невдалеке слышались голоса купающихся.

- Давай искупнемся? – предложила она.

- Давай. А если придет кто, увидит?

- А мы подальше отойдем, там никого не бывает.

Я шел за ней, и все во мне дрожало то ли от проходящего хмеля, то ли от волнения. Она знала, куда идет. Вскоре мы прошли через высокие заросли камыша и оказались на маленькой, метров пять в диаметре, полянке, выходящей к воде.

- Ну вот, здесь никто нас не увидит, - сказала она, взялась обеими руками за подол и быстро сняла платье, оставшись в белых плавках и лифчике.

- Чего ждешь? Раздевайся, и пошли в воду, а то сейчас комары нас съедят! – сказала она, расстегивая лифчик сзади.

Только после этих слов я осознал, что почти беспрестанно шлепаю себя по рукам, щекам и шее, отбиваясь от этих тварей. Скинув с себя все, я вслед за ней вошел в нереально теплую, совсем как в ванне дома, воду.

- Ничего себе, она же почти горячая!

- А как ты думал, потому озеро и зовется теплым. Я в прошлый раз купалась возле самой речки, так там она такая горячая, что еле терпишь.

Внезапно я почувствовал, что ноги мои покалывает. Это было такое же ощущение, как в тайге, от гнуса.

- Люба, а ты ничего не чувствуешь?

- Что ты имеешь в виду?

- Что-то ноги покалывает...

- Это же мальки! – рассмеялась Люба, - маленькие такие, волоски дергают! Я их видела днем, совсем малюсенькие.

- Ну вот, - тоже рассмеялся я, - не хватало еще пасть здесь смертью храбрых закусанными рыбами!

- Надеюсь, этого не случится.

Дно в озере мне не понравилось. Привыкший к песку или камешкам, я плохо воспринимал илистое вязкое дно. Оно было неприятно и пугало. Все время казалось, что ступлю и наткнусь на что-то острое.

Через полчаса вышли из воды. Люба была прекрасна. На ватных ногах я подошел к ней и положил руки на плечи. Она жадно притянула меня к себе и крепко обняла. Не сдерживаясь, я

гладил ее спину, спускаясь все ниже. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не комары. Было совершенно очевидно, что они поняли всю нашу уязвимость и совершенно без сожаления впивались в наши распаренные снаружи и изнутри тела с тысяч направлений. Нас хватило на несколько минут. Молча оторвавшись друг от друга, мы судорожно натягивали на себя одежду.

- Бежим! – сказала она, засунув в сумочку лифчик и одергивая платье.

Со смехом мы вновь выбежали на лодочную станцию. Здесь уже дул небольшой ветерок, которого хватало на то, чтобы создать нелетную обстановку для комаров.

- Вот так случай! - засмеялась Люба. - Это же ужас, что там творится!

- Я уж и не думал, что живыми выберемся!

- Хочешь перекусить? – неожиданно спросила Люба.

- Еще как!

- Идем! – сказала она и, взяв меня за руку, потянула к лодочному сараю, представлявшему собой большой навес и стеллажи с небольшими фанерными лодочками.

Мы прошли вдоль стеллажей и оказались в небольшом закутке с садовой скамейкой и стопкой сложенных брезентовых чехлов. В углу стояли разные большие и маленькие весла, ярко освещенные фонарем, свет от которого проникал через маленькое окошко под потолком. Пахло чем-то волнующим. Я вспомнил, что так пахли канаты в боцманской кладовой на отцовском судне.

- Иди сюда, держи, - сказала Люба, подавая мне бутерброды. Затем она достала из сумки наполовину пустую бутылку.

- Чутьочку коньячка взяла. Не возражаешь?

- Нет, - сказал я, потому что не мог сказать иначе.

- Тогда я первая, ладно? – улыбнулась она и приложилась к горлышку. Отпив чуть, подала ее мне: - Давай!

Коньяк обжег рот. Я глотнул раз, потом другой. Он не показался мне таким противным, как в кафе. Потом мы жевали бутерброды и только что не урчали от удовольствия. Тепло разлилось по моему телу. Все вдруг стало таким родным, таким близким. Я влюбился во все вокруг, и особенно в нее, такую красивую, такую теплую и желанную Любу. Я встал и подошел к ней. Она внимательно посмотрела на меня и убрала остаток бутерброда в сторону.

- Садись, миленький.

Я сел и положил руку ей на плечо. Она словно ждала этого и прижалась ко мне. Все дальнейшее было как в тумане. Я тяжело дышал, трогая ее, а она успокаивала меня. Я пытался куда-то проникать рукой, а она убирала ее, запаздывая на какие-то мгновения. Вскоре я инстинктивно понял, что Любе нравится эта игра, и сопротивление – часть ее, после чего уже ничего не боялся, ничего не стеснялся, пытаюсь потрогать и проникнуть везде.

Не знаю, сколько времени прошло, но я вдруг понял, что голова моя постепенно становится ясней, мир вновь возвращается в свои нормальные измерения, а тяжело дышащая и даже временами дрожащая в спазмах Люба уже не так тревожит меня. Видимо, поняла это и она. Постепенно она отстранялась от меня и отодвинулась подальше.

- Все, миленький, успокаивайся. Наверное, уже поздно очень.

Я взглянул на часы. Половина третьего.

- Вот видишь? Что будем делать? Двери закрыты, не тарабанить же в них в такое время...

- Пойдем, - предложил я, - попробуем, может, через окно какое-нибудь влезем?

- Пойдем, согласилась она, встала и направилась на выход.

Меня немного обидело то, как она это сделала, даже не взглянув на меня. Мне хотелось обнять ее перед выходом «на люди», попрощаться тепло, поцеловаться...

До турбазы шли молча. Я взял ее за талию, но не почувствовал того, что чувствовал там, на морском пляже и у озера. Та же женщина, то же тело, но оно было чужое сейчас. Я явственно это ощущал.

Все окна в здании были темные. Попробовал дверь. Она была закрыта. Обошли вокруг – все окна закрыты. Внезапно мне в голову пришла мысль. С задней стороны здания была дверь с большим висячим замком на ней. Над дверью – козырек, от которого шел ряд небольших окон с тусклым светом, явно освещающим лестничный проем на обоих этажах. В нижнем окне была приоткрыта форточка.

- Попробуем? - сказал я Любе, указав на козырек.

- Как мы туда заберемся?

- Сейчас что-нибудь придумаем, - с этими словами я стал рыскать вокруг здания. Вскоре у двери лежало пять кирпичей и старая табуретка, неведь как оказавшаяся на волейбольной площадке.

- Но этого же мало, - сказала Люба, глядя на все это.

- Сейчас попробуем.

Табуретка, на нее – кирпичи. Если на них встать, то козырек был по плечи.

- А если я встану рядом, а ты поднимешься на кирпичи, потом наступишь мне на плечо, а там – на козырек?

- Попробуем... - неуверенно сказала она. Забравшись на табуретку, Люба сняла туфли и положила их вместе с сумочкой на козырек. Я поставил кирпичи, и она поднялась на них. Теперь все зависело от меня. Я подставил плечо, напружинившись и встав поудобнее. Она встала на плечо, выждала чуть и поднялась. Этого оказалось слишком много для меня. Я пошатнулся, и нога ее сорвалась. Чудом я не упал через табуретку и поймал ее ноги. Постепенно она успокоилась и, высоко закинув ногу, забралась на козырек.

- Давай теперь ты, - отдышавшись, прошептала она.

Если бы она не держала мои руки, я бы сорвался, но с ее помощью все же забрался на козырек. Форточка оказалась не пустым шансом. Я достал до шпингалетов и открыл окно. Спрыгнув вниз, поймал ее. И в тот самый миг, как я прикрыл окно, в коридоре послышались шаркающие шаги. Кто-то шел в нашу сторону. Мы бросились вниз по лестнице, ведущей, по всей вероятности, в подвал.

Раздался скрип двери, отделяющей лестничную площадку от коридора.

- Кто здесь?

Мы молчали, совершенно искренне боясь, что она услышит грохот наших сердец.

- Никого нет? – переспросила вахтерша и, выждав пару минут, зашаркала на свое место.

- Я думала, что умру, - прошептала Люба, обдав мое лицо жарким дыханием.

- И я тоже немножко испугался, - прошептал в ответ.

- Что будем делать?

- Не знаю.

- Думаю, надо постоять здесь чуточку. Она успокоится или заснет, тогда и пойдем наверх.

- Хорошо.

Постепенно успокаиваясь от испуга, я ощутил, что, наоборот, начинаю волноваться по другому поводу. Люба стояла рядом. Я ее не видел в полной темноте, но от нее шел жар. Я его чувствовал всем телом.

- Ты чего? – прошептала она, ощутив мою руку на своей груди.

- Тебе не нравится? – спросил я.

- Нравится, - тихо сказала она и убрала мою руку. Остановить меня, однако, было не так просто. Огонь, разожженный раньше, вырвался наружу, и теперь его трудно было унять.

Видимо она это поняла. Поняла всю тщетность своих усилий, потому что внезапно замерла и подняла руки, положив их себе на голову. Я знал, что теперь мне можно все и жадно, как будто компенсируя все не сделанное за последние десять дней, трогал ее, гладил, забираясь и лаская везде, куда только доставали мои руки и губы, медленно сходя с ума. И снова ощущение ставшего чужим тела каплей дегтя появилось ниоткуда. Борясь с ним, я понял, что должен поцеловать ее, потому что она, наверное, ждет этого, а я... Это я такой невнимательный, только о себе и думаю, а она тонкая, ранимая...

Осторожно взяв ее за голову обеими ладонями, повернул и хотел поцеловать в губы, но...

- Да что же мне с тобой делать, а? – тихо сказал она, отстраняясь от меня. - Встань так. Опустит руки. Не шевелись.

С этими словами она прислонила меня к стенке и...

Все, что случилось потом, я долго вспоминал с таким стыдом, что волосы на голове шевелились. Нет, само по себе действие ее было нормальным, оно не шокировало, принесло освобождение от боли и напряжения в теле. Шокировало то, что было после него.

- Ну что, все? Хватит тебе или еще? - поднимаясь с колен, спросила она совершенно спокойным, холодным голосом.

- Все, хватит, - потрясенно ответил я, судорожно застегиваясь.

- Вот и хорошо. Стой теперь тихо.

В эту самую минуту, как гром среди ясного неба, включился яркий свет и раздался громкий голос вахтерши.

- А ну, выходи немедленно, кто там есть, не то позову сейчас кого – выведут!

Даже не подумав о том, что делаю, я вышел из закутка и шагнул на лестницу. Люба шагнула следом.

- Ах, ты ж, поганец! – закричала толстая вахтерша в синем халате со шваброй наперевес. - Это тебя за этим посылали родители сюда? Вот я им напишу, чем ты тут занимаешься!

- А ты?! – выпучив глаза, заорала она на Любу. - Ты-то что себе думаешь, а?

- Да пошла ты! – тихо, но уверенно сказала Люба и твердым шагом, громко стуча каблуками, пошла по коридору.

Опустошенный, не чувствуя под собой земли, я пошел в свою комнату. Там все спали.

Утром мужики подначивали меня, поздравляя с «боевым крещением», а я не знал, куда деться от стыда и обиды. К обеду, когда настал момент прощаться, я шел к автобусу, как на эшафот, с ужасом ожидая встречи с ней.

- Да нет ее, - сказал один из парней, поняв все по моему ищущему взгляду, - она еще утром уехала.

Легче от этого не стало.

ПРОЗА

Людмила Рогочая

(ст. Куцевская, Краснодарский край)

ЗВЕЗДНАЯ СКАЗКА

Лес был старый. Вековые сосны взметнули кроны в самое небо. В дальнем просвете виднелись розовые облака. На их фоне, вровень с самыми высокими деревьями, показалась огромная островерхая голова с длинными вислыми ушами. Выпуклые глаза без ресниц под густыми бровями зорко оглядывали зеленое царство. Нелегко уследить за всем, что происходит в лесу. Но Лешему это удавалось. Он шел, громко гукая и щелкая, по своим владениям, наводя в них порядок и устанавливая мир.

Ему нравилось наблюдать за поведением лесных жителей. Если он отводил пулю охотника от самки или детеныша, то видел в их благодарных глазах любовь и преданность. При этом Леший никогда не задумывался над своей внешностью. Наоборот, его страшный вид и способность перевоплощаться в самые невероятные и жуткие существа помогали держать в страхе дерзких охотников или слишком бойких баб, нарушающих законы дикого леса.

И только однажды, встретив маленькую заблудившуюся девочку, Леший растерялся, не зная, какой принять облик, чтобы, не пугая ребенка, вывести его на проселок. «Почему я не могу превратиться в обыкновенного человека?» – подумал он тогда. И эта мысль прочно засела у него в голове.

Да, назвать Лешего красавцем никто бы не осмелился. И одет он был в кафтан, запахнутый слева направо, ноги тоже были обуты как положено: левый лапоть – на правую ногу, правый – на левую. Ходить было неудобно, но лешащих обычаев он придерживался.

Осмотрев верхнюю часть леса, Леший уменьшился до среднего человеческого роста и увидел безобразие в своем хозяйстве: жалобно ревущий медвежонок защемил в дупле сухого дерева лапу. Вокруг него тревожно кружила медведица. Увидев хозяина, звери успокоились, и малыш смиренно ждал, пока Леший освободит его, затем благодарно лизнул избавителя в нос. Леший смущенно засмеялся и, ухая, направился к реке.

Выйдя на опушку, Леший еще уменьшился, теперь до размеров иван-чая, который покрывал все пространство до самого берега. Река местами была заболочена и наполовину заросла камышами. Излюбленное место для любовных утех леших и лешащих. Но у нашего героя подруги еще не было. Все знакомые девицы его племени казались ему безобразными и злыми.

Вдруг со стороны леса раздались выстрелы. Леший, моментально обратившись в ворона, полетел на звук и увидел, что охотники завалили лосиху-мать; где-то поблизости жалобно мычал ее детеныш.

Хозяин рассердился и, не предупреждая звуками, как делал всегда, явился перед охотниками в виде лохматого чудища на высоких козлиных ногах с красными горящими глазами и завыл страшным смертным воем. Те бросили животное и кинулись бежать. Вой

усилился. Он был везде, и даже в головах несчастных. Заведя их в непроходимое болото, Леший похлопал в ладоши, напоследок ухнул, заржал и огляделся. У самого болота он увидел странное существо. Подмытое водой, оно наклонилось над мокрыми кочками, грозя вот-вот рухнуть в темную жижу. Подойдя к существу поближе, Леший с удивлением заметил, что оно плачет. Это была неряшливо вылепленная глиняная баба. Она стояла на толстых коротких ногах и походила бы на истукана, если бы не лицо, выражающее боль и отчаяние.

Недолго думая Леший бросился на помощь незнакомке. Для него не составило большого труда выровнять ее туловище, подсыпать земли в промоины, обложить ее ноги ветками.

– Большое спасибо, – услышал неожиданно он нежный мелодичный голос.

– Не стоит благодарности, – смутился грозный хозяин леса.

Усевшись на поваленное бревно рядом с глиняной бабой, он с удивлением наблюдал за переменами, происходившими в ее лице: прямые глиняные губы слегка разошлись и вытянулись в подобие улыбки, мертвые глаза засветились благодарной нежностью и даже любовью. «Вот еще, – подумал Леший, – не хватало, чтобы в меня влюбилось это глиняное страшилище». Хотя, честно говоря, ему было приятно.

– Какой вы добрый и заботливый, – продолжала баба.

Странно, но Лешему не хотелось уходить от нее. Чем-то теплым, располагающим веяло от глиняной фигуры.

– Скучно, наверное, одной стоять? – спросил он, чтобы продолжить разговор.

– А я не одна, – промолвила баба.

– По утрам ко мне прилетает теплый ветерок и шепчет ласковые слова. Днем я разговариваю с деревьями и цветами, а ночью – со звездами.

– Как интересно! Я не думал, что со звездами можно разговаривать. Я просто люблюсь ими, а иногда сочиняю стихи:

Звезды ночные далекие,
Такие же, как я, одинокие...

– Ах, какие замечательные стихи! – восторженно пропела баба. И, подумав, добавила: – Только немного грустные...

Уже стемнело, когда Леший покинул свою новую знакомую и отправился к себе домой. Потом он часто приходил к ней. И необычно звучали из уст этих собеседников красивые и нежные слова.

Часто их беседы подслушивала завистливая болотная кикимора, покрытая зеленоватой слизью. Блеклые глаза внезапно проявлялись в разных частях ее студенистого тела и тут же исчезали, будто втягивали впечатления внутрь. Однажды, дождавшись ухода Лешего, она зашла сзади глиняной бабы и с усилием столкнула ее в воду.

Леший почувствовал тревогу и тоску. Что-то неумолимо влекло его назад. Послушный душевному порыву, он вернулся. Его подруги не было. Он оглядел все вокруг. Берег был пуст, только в дальних кустах мелькнула хихикающая кикимора. Над блестящей поверхностью воды сверкали болотные огоньки, сплетаясь в причудливые узоры, из глубины шло серебристое сияние. Отчаяние охватило бедного Лешего. Сердце разрывалось от любви и боли.

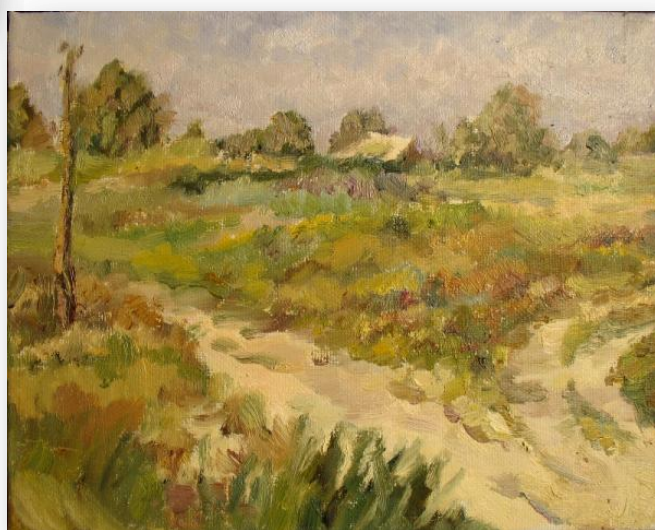
– Единственная, вернись! – последним криком позвал он ее.

Вдруг гладь болота разорвала большая воронка, и из нее показалось прекрасное лицо с тонкими чертами и выразительными карими глазами, а затем и стройное тело, прикрытое шелком волос. Девушка поднялась над водой и летящей походкой устремила к Лешему. Кончиками пальцев она нежно коснулась его лица. Душа Лешего затрепетала и поднялась куда-то ввысь. Сердце горячо забилося. Свет, яркий, уничтожающий тьму и серость вокруг, окутал его. Свет не вызывал страха, только легкое изумление: "Что происходит со мной?"

Через несколько минут на берегу рядом с девушкой стоял прекрасный юноша. Сила любви и красоты сотворила чудо. Чары спали. Взявшись за руки, они оторвались от земли и полетели к звездам.

М. Панфилова. Липовка, дом Гамбургских.
Холст, масло, 2008 г.

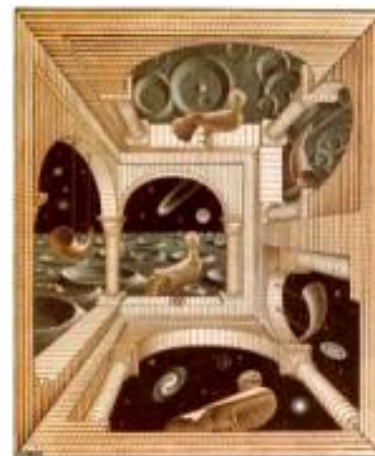

М. Панфилова. Липовка, развилка. Холст,
масло, 2008 г.

ПОЭЗИЯ

Сергей Балиев

(Ирбит, Свердловская обл.)

Где же, любимая, грёзы твои обо мне

Где же, любимая, грёзы твои обо мне?
Где же тревога - неужто так сладился мир?
Где ожидание - тенью застывшей в окне?
Слабый кивок, откровения сладостный миг?

Это привычное недоумение зеркал,
и - в отраженьях - ничто не томит, не знобит.
Не распуститься всем памяткам, всем узелкам.
Что мы забыли? И что постарались забыть?

Гулкий перрон, толчея и огромный вокзал,
где затеряться не стоит большого труда.
Словно тогда не встречал я тебя - провожал.
Словно бы ты провожала меня - навсегда.

Грёзы - да что в них? Не будет любви - на заказ.
Лгут зеркала. И извечен мотив-перепев.
На горизонте как будто споткнулся закат,
что-то в прошедшем для нас осветить не успев...

...Вскрикнуть, застыть, разогнаться, нелепо упасть,
вскинуться, вскинуть ладони, и так - на весу
небо держа, горизонтом ступать и ступать,
силясь вернуться - дойти - на восход, на весну...

Сны мои разгадай

сны мои разгадай, объясни ход времён,
горним светом пробей пелену.
я покрыт скорлупой, я в себя устремлён,
у глухих наваждений в плену.

мне дано не понять мир людей до конца,
пропустить повелительный жест.
указующий перст - не указ для юнца,
в ком прожект обгоняет прожект.

в ком желанья, аккорды и песни - взахлёб,
только слух - глухаря на току.
в молоко, в белый свет, торопливо, внахлёт
набегала строка на строку...

вот и роспись морщинок, тенёт кракелюр.
где я странствовал, жил искони?
может, снова пора на коня, чтоб аллюр
три креста! и поди догони!

распахнуть горизонт, окоём, пусть бранят,
и орут, чтоб остыл и замолк!..
но чем старше - теснее и глуше броня,
и душа норовит под замок...

вновь не слышу твой голос, что тих и нестрог,
да по мне - пусть и флейты нежней!
ведь, наверно, душа не родит больше строк,
чтобы горше, весомей, ясней.

скорлупа - хоть в коростах - прочна, как на
грех!
так и жить до скончанья времён?
кто же камень возьмёт и расколет орех -
где, как ядрышко, я затаён?..

Наваждение

наваждение, знаменье?.. здесь, в таёжной глухомани,
я, охотясь на тайменя, сам попался на крючок.
кто мне послан во спасенье? взгляд дремучий и туманный.
я во власти чаровницы, я под стражу заключён.

здесь по стенам - разнотравье, здесь в котле томится зелье,
где корни и приправы умоляют - пригуби!
отхлебнёшь - и мир подлунный вдруг закружит каруселью,
и стреножит все желанья, словно метя погубить.

истекая чёрной кровью, обессилив от метаний -
то в ознобе, то в пожаре, то на углях, то в золе -
вдруг очнёшься, как споткнёшься, на столе блины в сметане,
и воркует чаровница голубицей на заре.

в голове - я только пепел... или нарождён из пепла?
ощущаю крыльев трепет, ощущаю кровоток.
не подбитый сонный стрепет - феникс вырвался из пекла,
взмыл, рванулся против ветра и от устья на исток.

глупо хлопают ресницы - снова мир нерукотворный
протянулся за границы и в зенит, и в горизонт.
человек я или птица? мне вольготно и просторно,
и душа полна желаний, и в движеньях есть резон.

эта женщина - ведунья иль обавница для князя -
статуэткой на пороге провожает - охраняй!
перемешаны столетья, кони ржут у коновязи,
и оттягивает плечи тяжесть кольчатой брони.

кто зовёт, какое утро расстилается дорогой?
кто трубит в рога и манит на охоту иль в поход?
повернусь в седле и вижу - всё в тумане за порогом.
развернусь навстречу солнцу и коня - в посыл, вперёд!

шаг за шагом отступают и сомнения, и хвори.
возвратилось осознание - или пройдена черта?
пропадает доезжачий, меркнут тени гончей своры.
Улыбаюсь, как младенец, и слеза моя чиста...

...та сторожка на отшибе, от селения в сторонке,
мне запомнится ошибкой или прихотью небес?
не случайно я расшибся, оступившись ненароком,
не случайно дотащился до порога через лес...

Лукавлю

лукавлю, немного, но всё же лукавлю.
привычно - актёрство, но знаю - грешно,
запретно, как будто хватаю руками
то, чем любоваться лишь разрешено.

в осенние строки сплетаются листья,
последние лоты идут с молотка.
но всё ещё теплится вкрадчиво-лисье
желание явь приукрасить слегка.

смотрю горделиво, да нет - гарцевато,
себя ощущая в седле, как всегда.

весенняя девочка, ты ль виновата,
что бес тут как тут - и седа борода?

дыхание лёгкое, свежесть и гордость
за то, что мажорен опять звукоряд!
глаза твои, милая, пусть в чём угодно,
но лишь не в лукавстве меня укорят.

всё правда, всё ложь, где граница, не знаю.
осудят, разложат - и грех, и успех.
идёшь между кресел, букетик сжимая,
ко мне на свиданье - прилюдно, при всех...

Русское ментальное

Карты так легли, так уж выпали –
на пути, на тропы не торные?
Будто реки все волки выпили,
будто травы все – только сорные.

Бездорожие да распутица,
все по швам-стежкам поразъехалось.
Не затянешь нить – вмиг распустится,
не затянешь песнь – поразэхолось!..

Век мой полон лет, да и полон зим.
И к закату льнут зори вешние.
Промелькнули дни - юрким полозом,
пестрой птахою, вёрткой векшею.

Кто ж вас вытесал, кто ж вас выпилил,
указатели-вехи спорные?
Так уж реки все волки выпили?
Так уж травы все – только сорные?

Дело к финишу – соберись в кулак,
натянись струной – не былинкою!
Это лишь тупик – это не коллапс.
Аль слабо тебе –
по-былинному?

Где ж вы, прашуры, где ж вы, витязи?
Разве песнь моя – скуль щенячая?
Подними меня, к свету вытащи,
Русь заветная, боль щемящая!

Помоги, как встарь, хворь повывести,
русла напоить, навести мосты,
проторить пути да повымостить,
обрести себя в неделимости.

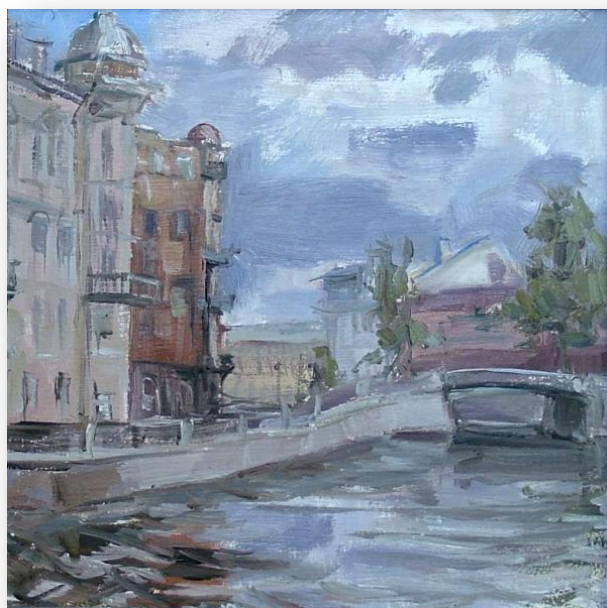
Черные липы

Черные липы на белом снегу -
графика зимнего дня.
Мир холодеет, застыв на бегу,
жар до весны схороня.

И тишиной все вокруг - на века?-
словно бы одолено.
Лишь подо мной чуть вздыхает река,
грезя в плену ледяном.

А надо мною - слепящий простор.
Зимний мой рай - вширь и ввысь!
Иль это ангел крыла распростер?
Где же ты, светлый? Явись.

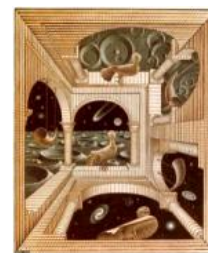
Пусть это будет лишь контур, намек
в графике зимнего дня.
Где же ты, светлый? Я так одинок.
Ты снизойди до меня...

М. Панфилова. Питер. Картон, масло, 1998 г

ПОЭЗИЯ

Надежда Кутуева
(Волгоградская обл.)

И счастья незатейливый мотив

Горячий чай и столик на двоих –
Иллюзия семейного покоя.
О будущем тревожиться не стоит,
Ведь голос прежней страсти слишком тих.

О чём-нибудь простом поговорим,
Не отводя сверкающие взгляды.
Мечты о том, что суждено быть рядом,
Давно уже растаяли, как дым.

Ах, эти разговоры ни о чём!
Встречаемся случайно и украдкой,
Чтобы сказать, что всё у нас в порядке,
Что рядом есть надёжное плечо...

А за окном уютного кафе
Метель плывёт, дугою выгнув спину,
А время, мудрым взором нас окинув,
Легко кружится в танце снежных фей.

И счастья незатейливый мотив
Так согревает... нет, не руки – душу.
Ты говори, я не устану слушать,
За память о несбывшемся простив...

Мне снились звёзды сентября

Мне снились звёзды сентября,
А за окном метель кружила.
Всё то, что не сбылось вчера,
В рассветных снах сияло живо.

Звенел синицею в руке
Журавль, прирученный когда-то.
Струились тени на песке,
Луна смотрела виновато.

Сверкала времени река,
Приняв земные очертанья,
И день, загадочный слегка,
Манил тревожностью случайной.

Декабрь маячил вдалеке,
Снежинки стаями взлетали.
И, не разгадана никем,
Жизнь наполнялась хрупкой тайной.

Укрыв озябшую траву,
Осенний снег уже не таял.
Дарила радость наяву
Быль, предreshённая мечтами.

Несовершенный сонет

Прочти несовершенный мой сонет,
Как исповедь тревоги ежечасной.
Слова, что мне подарены во сне,
Не остуди улыбкою напрасной.

Другой затмить их вряд ли удалось,
Хотя старалась... Как она смеётся!
И, словно шёлк распущенных волос,
Волшебным водопадом голос льётся.

Она всегда быть первой норовит,
Забыв, что верности не дремлет стража.
С небрежностью ступает в храм любви,
Её глаза всё тайное расскажут.

...Но снова в предрассветной тишине
Свои мечты доверишь только мне.

Оставили песню неспетой

Атласными рюшами взгляды невольно лаская,
Тревожа шуршанием модного снова вельвета,
Проходите мимо... Красивые руки устали,
А губы увяли, оставили песню неспетой.

Сбывалось когда-то, а нынче уже позабылось -
Волнующий танец и яркость таинственной страсти.
Всё больше покоя. И солнце, как редкую милость,
Подарит на миг ощущение хрупкого счастья.

Озябшая сказка. Кленовых листов эполеты.
На клумбах ещё не угасли пунцовые тени.
А память припомнить пытается: было ли это —
Тот вечер, когда он, любя, называл несравненной?

И поздно уже посылать почтальона вдогонку,
Не станут прочнее несбывшейся радости нити.
Вдруг ветер, забывшись, восторженно крикнет: «Девчонка!»
А осень промолвит: «Сударыня, нас извините...»

Лишь время проверяет наши чувства

Лишь время проверяет наши чувства,
Кружась на карусели тихих дней.
Вы правы: тоже скоро научусь я
Быть искренней, спокойней и нежней.

Но отчего ваш взгляд опять тревожен,
И, на прощанье руку стиснув мне,
Забыв, что страсть рассудку не поможет,
В одном со мной горите вы огне?

Я знаю, что не мне восторг обещан,
И счастья отшумевшего слова,
Но снова сон покажется вам вещим —
Тот, где любовь не надо предавать.

Не стоит больше сравнивать с другими
Взор синеокий, хрупкое плечо.
Зачем шептать под утро моё имя?
Оно ведь не расскажет ни о чём.

Жить суждено в кругу запретов мнимых
И тайн, что остаются под ключом...

М. Панфилова. Аннушка. Картон, масло, 2006 г.

В бесстрастной глубине седых веков

В бесстрастной глубине седых веков
 Теряются года, признанья, битвы.
 Порой напрасны слёзы и молитвы –
 Всё спрятано под толщей облаков.

Но высоко, в космической пыли,
 Где вечно судеб вьются веретёнца
 И сумрак неподвластен даже солнцу,
 Два робких взгляда встретиться смогли.

Слова твоей любви всегда тихи,
 И в них причина моих грёз и смеха.
 И даже расстояние – не помеха...
 Не потому ли пишутся стихи?

Воздастся за любовь

Во искупление вины
 За всё заплатим по заслугам,
 И в первом, во втором ли круге –
 Там, где цветные бродят сны.

И вновь дрожит моя рука,
 Когда письмо твоё читаю.
 Сомнений боль и отблеск рая
 В твоих словах... Или тоска?

Ведь зло не трогает совсем
 Тех, кто любовью окрыляясь,
 Преодолеет молву и зависть,
 И верности им сладок плен.

В похожести земных миров
 Зову тебя, забыв о прошлом.
 Плохим ты был или хорошим –
 Нам всем воздастся за любовь...

М. Панфилова. Улица Репина, Гурзуф. Холст, масло, 2005 г.

ПОЭЗИЯ

Ирина Манина
(Кострома)

Дышать стихами - не иначе -
Сквозь респиратор медных труб
Под крышей одинокой дачи,
Где в соснах ветер зол и груб.

Шуршать листьями барахолки,
Страниц раздернуть бытие,
Где вровень лошадиной холке
Кишит пегасов воронье.

Распуганы движеньем ночи.
Свет соберет из запчастей
Витиеватый стих досрочно,
На клей посадит блик «ничей».

Мне ходить бы по городу с бубном,
На чужую гадать судьбу,
Только, видишь ли, в месте людном
Я и слова сказать не могу...

Только слова в ответ будет мало,
Будет темным мой искоса взгляд,
Не открою того, что сбывалось -
То бывало, увы, и без нас.

Стоп! Осечка, промашка, ошибка,
А без рифмы — уже не стихи.
Вновь тасую колоду с улыбкой,
Узнавать крап судьбы — не с руки.

И манит шоколада горький запах,
Срезая нетерпенья лепестки.
Прогорклой плесенью на мягких лапах
В мой дом вошло предчувствие тоски,
Оставленной в разбитой кружке свечкой,
Расколотым почтовым сургучом,
В сухих бутонах, обращенной в вечность
Улыбкой легкой: «Ты здесь ни при чем...»

Лес и глушь, а дыхание - инеем.
Грузовик снежным мехом обшит.
Пролетаем — каемкою синюю
Над дорогой деревни магнит.

Серый ветер шальным автостопщиком
По обочине пламя пронес,
От бликующих фарами гонщиков
До фланелевой россыпи звезд.

Если весна наизнанку напялила
В чувствах растрепанных старый салоп,
То означает не тренд, а, как правило,
Жажду обнов для души, но не в лоб
Же кричать человеческим созданиям:
«Смена приборов! Нам время пить чай!»
В парке, смотри, на деревьях признания,
Свежих сердечек резная печать.

Волшебный фонарь

Стихи, оказалось, всегда только тень,
Набросок предмета на жизни основу,
Проекция лампы на сумрачный день,
Рентгеновский снимок смертельно больного.

Увертки создателей тщетно понять
Стихи почитающих стадо Панурга.
Погаснет «волшебный фонарь», и как знать,
Во что обратится мечта демиурга.

Пасха 2013 года в Поназырево

Тишину прорезал колокольный звон.
От рождения глухонемой поселок
На мгновенье встал — не громом поражен,
Тусклым блеском неба меж склоненных елок.

Разбудивший стаю перелетных птиц
Скоро звон затих, вернувшись в колокольную.
Только кружат звуки в отраженьях лиц
И надежда спорит с давней кровной болью.

Памяти А. Балабанова

Небо бесстрастно молчит, как правило, -
Сверху обзор, конечно, не тот, -
Лишь бы от страха земли избавил нас
Колокольного звона извод...

«Тыловикам», жителям костромской глубинки

Клином сошлось все на свете:
Люди, война, журавли.
Словно в далеком столетье -
Матушке: «Благослови!
Дважды, крестом укрывая,
Руку свою подними...»
Крепче щита не бывает
Поля обритой стерни.

Круг в пятницу пошел искать свое начало,
От яблока луны кусочек отхватил.
Из памяти твоей мгновение сбежало
И распустилось веткой каменных перил.

Под лисьей шапкой всадник, старым
малахаем,
На Божий свет хитро сощурил зоркий глаз.
Москву ордынцы, жадно данью обирая,
Не заглушили колоколен звонкий глас.

Простор веков — замоскворецкие названья.
Их метки в душах, в коренстой кладке стен.
И от себя по капле годы отрывая,
Не растворишься в будущей Москве совсем.

Средневековьем осененный Львов
Свой крест хранит в переплетенье улиц.
Навечно меж вершинами холмов
Их пары рук в объятиях сомкнулись.

Еврейским выговором канет в ночь
Последний звон колоколов собора,
Чтоб страшный сон июня превозмочь
Червленной силой общего отпора.

Колючих улиц манят тупики,
Балконы расцарапают в кровь взгляды.
Жонглеру и поэту лишь с руки
Проникнуть через времени ограды.

Врасплох захвачена, как будто вор,
В карманы пряча ожерельем виды...
«Ты пропустила княжий двор», -
Славянский витязь скажет без обиды.

Венеция

Смущает искренность отпетой девки -
Гадает на ромашке у летенских врат.
Как в зеркале, при устье Малой Невки
Туманно-зыбкий двойника пестрит наряд...

Ей груз веков, что насморк матадору:
Мгновенье - смерть, экстаз, навечно - в
формалин.
Исчезла с пряных карт в обед, а фору
Монетами растратила за час один.

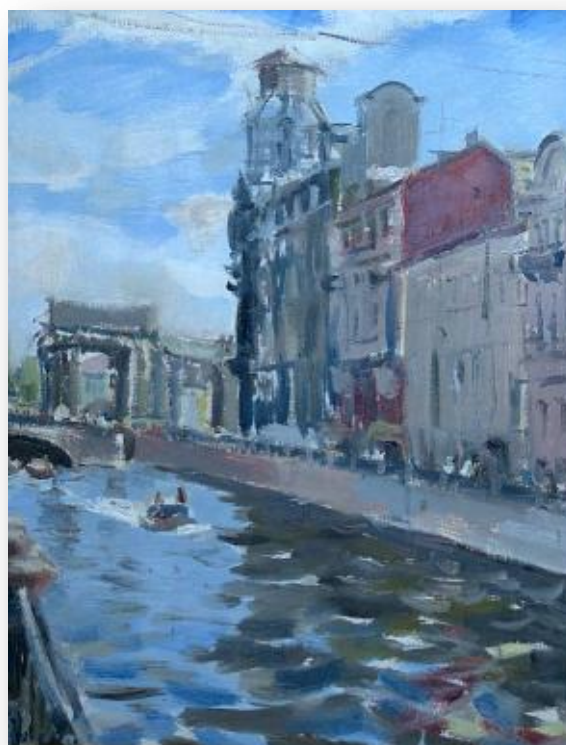
Застиранным бельем в каналах стены,
Года полощут воды мыльным дном гондол.
Как тезка, воплощенная из пены,
Позволит целовать прибою свой подол.

Навстречу смерти, с вызовом, упрямо,
Как гондольер, с шестом, во тьму кричит
«Аой»,
В далеких вод двухзоровую раму
Сан-Марко, раздвоясь, укажет путь домой...

«Я свой маршрут не знаю наперед...» -
Признаюсь на духу... на грани фолы.
Он на мои сомнения тряхнет
Кирпично-красной гривой костела.

Ростов Великий

Брызгами снега город кропило -
В озере Неро солнце купало волосы.
Серое-серое небо было,
А по воде текли золотые полосы,
Словно стежков, - одеяло шило,
Лучи собирая на башни-игольницы.
На плечи храма небо ложилось
И замирало тихо над сердцем звонницы.

М. Панфилова. Питер. Канал Грибоедова. Картон, масло, 1998 г.

Сан-Марко

Позволяю себе плыть по нервам-каналам,
Пусть в разводах вода пишет блик на стене.
До сих пор здесь и тень моих ног не ступала
-
Поезд к Пьяцце Сан-Марко причалил во сне.

Равномерная качка слепого состава
Превратилась в знакомую зыбь на воде.
В фиолетовой дымке воздушного сплава,
В отраженьях — Венеция тает на дне.

Полумаскою месяц не спрячет улыбку,
В домино завернулся, спеша на вокзал,
Как турист, в небеса посылая открытку,
Опуская монетку, свечу зажигал.

Ковыль

В чем было преступление, скажи?
Не зная, сожалею без разбора.
Какая блажь взволнованной души
Всех дальше ноги свесила с забора,
Шелк бальных туфель окуная в пыль,
Раздор внесла собою на паркет?
На тонкой шее, кланяясь, ковыль
В твоих глазах учился этикету:
Степная дикость в свете ни к чему,
Жемчужный смех собой заменит хохот.
С ковыльих узких плеч я груз сниму,
Заслышав кочевой кибитки грохот ***
Не было ни слова сказано.
Просто тень перекрещенных рам
Из окна на скатерть падала,
Как актеров слепящий свет рамп.

Руки тоже были скрещены
И лежали, как немой укор.
Радио шептало Лещенко,
Заменяя поздний разговор...

Сакре-Кер и Монпарнас

Сердце - расколотым сахаром,
В небе дробится дождя молотком.
Ветер, прирученный завтраком,
Гриву холма причесал гребешком
В сложно уложенных улочках.
Словно художник, отбросил вдруг кисть,
Чтоб выдувать через трубочку
Тысячи брызг на муаровый лист.

Веселым лодочником с медными глазами
Мне путь указан бритвенным веслом.
Как перепутаны дороги дураками!
Как связаны мечты морским узлом!

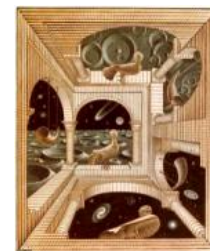
Разбег судьба закончит где-то на вершине
Не взлетом в небо, не паденьем вниз.
Жизнь просто прекратит дышать на
половине
Без респиратора, сердечных клизм...

А здесь тиха вода, в ней вечности мотивы,
В плакучих ивах ищет солнце свет.
Вергилиев двоятся тени, как штатива,
Чей микрофон к губам поднес поэт.

.

ПОЭЗИЯ

Андрей Калецкий
(Москва)

Снова в сказку

Шёл однажды краем леса,
Пели птицы, был я весел.
Солнцем залита опушка,
На пеньке сидит старушка.
Подошёл когда к ней ближе,
Будто до сих пор я вижу:
Всё лицо её в морщинках,
Нос орлиный и с горбинкой,
Рот кривой, а из-под губ
Вылезает жёлтый зуб.
Взгляд с прищуром, голубой,
Недоверчивый такой.
Из-под чёрного платка
Прядь седого завитка.
В целом выглядит опрятно,
И вдруг стало мне понятно,
Кто такая с длинным носом!
Тут она ко мне с расспросом:
«Тебе здравствовать желаю,
Всех давно я здешних знаю,
А тебя, милоч, сейчас
Вижу только в первый раз.
Из Москвы приехал, чай?
Да зовут как? Отвечай!»
На вопросы этой бабки
Отвечал довольно кратко,
А сам думал в те мгновенья:
«Может, это наважденье
Или в сказку я попал.
В детстве, помнится, читал,
Что живёт Яга-старушка
В небольшой своей избушке.
Днём в обшарпанной печи
С беленою варит щи.
По ночам метлу берёт
И пускается в полёт.

Над селеньями летает
И простых мирян пугает.
Кот-баюн под дубом ходит
И с русалкой дружбу водит,
Мудрый ворон на том дубе
Знает всё, что было, будет,

А Иван-дурак по лесу
Ходит так, без интереса.
Мои мысли прочитав,
Она молвила: «Ты прав,
Я живу в своей избушке
Посреди лесной опушки.
Да избушка уж кривая,
Крыша вся на ней худая.
Ведь зарядят как дожди,
Так хорошего не жди.
Сидя сам Кощей на злате,
Медью пенсию мне платит.
То ли крышу залатать?
То ли хлебы покупать?
С беленой кто варит щи?
Ту стряпуху поищи.
От таких «зелёных» щец
Расхвораешься вконец.
Над селеньями, бывало,
Раньше в ступе я летала,
Но без свиста и без воя,
Люд честной не беспокоя.
Ступа трещину дала,
Я её в печи сожгла.
Это было уж давненько,
А подумай-ка маленько,
Как летать мне среди ночи,
Когда плохо видят очи.

Пожила-то уж не мало,
Налеталась и устала.
Да куда ни полетишь,
Лишь людей там насмешишь.
Хоть все грамотой владеют,
Жить разумно не умеют.
Старый кот Баюн, бездельник,
Трезвый только в понедельник,
В остальные дни недели
Языком чего-то мелет,
Сказки старые лопочет
И мышей ловить не хочет.
А русалка лет так двести
На ветвях сидит в невестах,
Словно юная девица,
Часто в зеркальце глядится,
На уме: хи-хи, ха-ха,
Ждёт, дурёха, жениха.
Постарел мой ворон тоже,
Свив себе на дубе ложе,
Спит на нём и не летает,
Новостей теперь не знает
И всё реже с каждым днём
Вспоминает о былом.
Дураков всегда хватало,
В лес наш ходит их не мало.
Был у нас недавно случай,
Ты внимательно послушай,
Городские мужики
Стали жарить шашлыки,
Распалили костерок,
Вдруг поднялся ветерок,

Чуть дубраву не сожгли.
Лесорубы в лес пришли,
Валят сосны вековые,
Строят избы, и какие!
Вот намеряла я сама
Осмотрела терема,
А в них сени да светлицы!
Не найдёшь таких в столице.
В общем, нет в лесу порядка,
И живётся мне не сладко.
Не один десяток лет
И у вас порядка нет.
Ну да ладно, мне пора,
А не то и до утра,
Не дойду я до избушки.
И, вздохнув, пошла старушка.
Я задал вопрос ей в след:
«Лес грибной ваш или нет?»
«Лес грибной наш, не дремучий,
Но в него на всякий случай
Не ходи, коль ты не здешний:
В нём хозяйничает леший.
А пойдёшь по своей воле –
Час, другой, а то и боле
Будет он водить тебя,
Словно малое дитя», -

Так ответила старушка
И покинула опушку.
Подалась в свой старый лес.
Тут и сказочке конец.

Мыльный пузырь

Мыльный пузырь рассуждал про себя:
«Самый свободный из всех - это я.

Вправо и влево, и вверх полечу,
В общем, туда, куда сам захочу».

Но ветер вдруг дунул сильнее на пузырь,
И тот превратился в мыльную пыль.

Медведь на царстве

В лесу раздался как-то плач.
Лев от недугов помер.
Такую весть принёс всем грач,
Раскрыв газеты номер.

А кто же трон теперь займёт?
Совет зверей созвали.
Медведь тут сделал шаг вперёд –
В лесу его все знали.

Мохнатой лапой потряся,
Он рявкнул громогласно:
«Царём отныне буду я,
Кому это не ясно?»

Совет, конечно, не посмел
С Топтыгиным рядиться
И, оказавшись не удел,
Решил сам распусться.

День ото дня медведь наглел,
Брал мёдом и малиной,
А кто перечить ему смел,
Дань выбивал дубиной.

Но с наступленьем холодов
Дела оставил спешно.
Провёл всю зиму в царстве снов,
Проснулся утром вешним.

И что же видит? Лес – не тот.
Прескверные порядки.
Забыв о совести, енот
Берёт большие взятки.

Косой повадился с полей
Носить в нору капусту,
Морковь, какую покрупней, -
Всё поглощая с хрустом.

Ах, если бы один он крал,
Сказать без фарисейства,
Кур из курятника таскал
Лис со своим семейством.

Волк, навалившись на овец,
Всю истребил отару,
И, обнаглев уже вконец,
С волчицею на пару

Задрал сохатого в бору
Намедни для забавы.
Ежу в аренду сдал нору
Крот, не имея права.

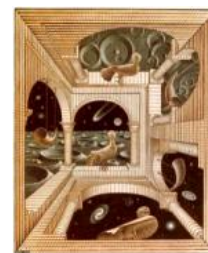
Медведь от ярости ревел,
Кого встречал, увечил.
К нему без страха подлетел
Мудрейший ворон с речью:

«Коль за порядком не следишь –
Дела пойдут не гладко,
А если долго ещё спишь –
Не жди нигде порядка.

Сумев однажды в кресло сесть,
Знать должен своё дело.
Вот в этом вся мораль и есть», -
Закончил ворон смело.

ПОЭЗИЯ

Наталия Орлова
(Москва)

* * *

Всё в ожидании Весны:
Уже летят скворцы,
Как и в преданьях старины,
Бессменные гонцы!

Кому из нас Весна милей
И радостней вдвойне -
Кто ждал, как манны, встречи с ней,
Как мира на войне!

Ах, как же я её ждала:
- Приди, Весна, приди!
С её приходом умерла
Печаль. И все пути,

Как реки, скованные льдом,
Воде открыты вновь!
В Душе, как выжженной огнём,
Опять цветёт Любовь!

Внимаю сердцем исподволь,
Пока взор не потух:
Так плоть смиряет алкоголь,
Освобождая дух!

* * *

Дорогим я тебя называла,
Но любимым, пожалуй что, нет...
Видно, путь я себе оставляла
К отступленью - вот в чём мой секрет.

Заповедной неспешно тропинкой
От тебя я однажды ушла,
Проронив лишь одну-две слезинки,
Претворяя угрозы в дела...

Только так ты меня и не понял,
Видно, тот судьбоносный урок
По земным и небесным канонам
Не пошёл, к сожалению, впрок...

И меня всё вернуть ты желаешь,
Всё мечтаешь меня возвратить,
От себя меня не отпускаешь,
Не даёшь своей жизнью мне жить.

Называя меня или ведьмой,
Или снова любимую, ты
Просто золото путаешь с медью,
А с цветами - сухие листья...

Свобода воли

Я желаю свободы воли,
Но во всём ведом мне предел...
В бесконечно широком поле
Вольным ветром быть - вот удел!

Ветру вольному много воли
На век долгий отмерил Бог.
Не могу я томиться боле,
Дай мне силушки, Ветерок!

Мне отрадна одна свобода,
Жить под гнётом я не могу,
В полдень ясный и в непогоду
Я к спасению тяжко бреду.

Если б дали мне ветра крылья
Да взлететь на них над Землёй,
Как бы счастливо я парила,
Как любила бы жребий свой!

Пастораль

* * *

Милая пастушка у реки сидела
И в руках задумчиво стебелёк вертела.
Пастушок весёлый тихо подошёл,
Васильков венки ей уронив в подол.

Так же незаметно ночь к ним подкралась
И в луга хмельные тьмою пролилась.
Мягко и неспешно ночь ту провели
Всю в объятьях неги, в тенетах любви...

А лишь на востоке небосклон зарделся,
И кусочек неба в светлое оделся,
Собралась пастушка, упорхнула вдаль,
В мыслях своих светлых не тая печаль.

Пастушок проснулся и пошёл в леса,
Песни распевая на все голоса.
И уже под вечер встретил он в лесах
Новую подружку с розой в волосах...

Может быть, и надо быть нам всем такими,
Не держать любимых ласками хмельными,
Тихо и неспешно исчезая, вновь
С лёгкою усмешкой всем даря любовь?

К берегам святого Иордана
На этапе трудного пути
С сердца смыть истерзанного раны
Я давно мечтаю подойти.

Я такая глупая - не спору:
Всё одна и та же круговерть,
Распрощавшись с прежнею любовью,
Не могу ни жить, ни умереть...

Что б как Феникс, возродясь из пламени,
Воспарить к далеким берегам,
Мне не хватит одного желания:
Дай мне силы, Вещий Иордан!

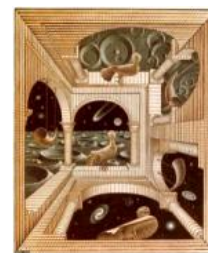

М. Панфилова. Парк. Картон, масло, 2004 г.

ПОЭЗИЯ

Светлана Титова

(Барабинск, Новосибирская обл.)

Русь моя былинная

Русь моя, ты Ладушка,
грусть моя осенняя:
В небе плач журавушек -
песнею Есенина...
Русь, ты сиротинушка,
доля горемычная
В горечи рябинушек,
в ликах неулыбчивых...

Русь моя, ты матушка,
чья печаль безмерная:
Где могилы детушек,
что погибли с верою?
Русь моя былинная –
Храмы с колокольнями:
Льётся звон малиновый –
поминаньем воинам...

Здесь, в краю берёзовом
царствует метелица –
Утро над озёрами
дымкой белой стелется...
Русь, сестрица добрая,
что за братьев молится:
Дремлют за сугробами
мирные околицы...

Русь моя в черёмухах,
манишь ароматами:
С лилиями в омутах
да с хмельными травами...
Русь моя красавица,
радость синеокая –
Зоренька румянится
над речной осокою...

Русь моя, сударушка,
щедрая, красивая:
Средь шелковых травушек
колосись нивами...
Русь моя, лебёдушка,
нежность белоствольная:
Выйдешь в чисто полюшко –
надышаться вволю бы!!!

Русь моя, Угодница,
Суженому верная:
Плачет Богородица,
нас спасая верою...
Русь моя, Россиюшка,
светом осиянная...
Дай Господь нам силушки,
дай нам покаяния.

Ещё тебя не развенчала я

Ещё тепла постель примятая
и запах терпкий твой хранит,
и трепет пылкою объятия...
А поцелуй ещё пьянит,

но ты ушёл... слова прощальные
повисли в воздухе дождём...
Ещё тебя не развенчала я,
ты в сердце всё ещё моём...

Оставив душу растревоженной,
прокрался с тишиною в сны...
И я шепчу: «Вернись, хороший мой -
созданье ветреной весны!»

Потерю небеса оплакали
и разделили боль со мной...
Дождинки, будто слёзы, капали...
и горечь – плотной пеленой...

Край неба, дымякою припудренный...
Смущаясь, заглянул в окно
рассвет, прокравшись бликом утренним
к фужеру... в хрустале вино –

как кровь... как жертвоприношение
моей несбывшейся любви...
Вновь будней вялое течение
уносит в омуты свои...

Не поётся мне, не плачется

Не поётся... и не пишется -
душу выстудило мне:
грусть берёзовая слышится
на родимой стороне...

Лето тёплое, желанное
журавлей уносит клин...
Снова осень златотканая
нижет бусы из рябин...

Горечь – песней журавлиною
пронесётся по судьбе...

И горит костёр осиновый,
осень, жертвенный - тебе...

По утрам дожди – слезинками
на поникшее жнивье...
И латаешь паутинками
платье тонкое своё...

То закатами багряными -
захмелев, горишь, от рос,
то молочными туманами –
обнимаешь стан берёз...

Что ж ты, рыжая печальница,
даришь яркие цветы...
Не поётся мне... не плачется
среди прощальной красоты...

Так светел день!

Так светел день!
Ещё скупы слезинки,
Печаль светла, что сеют небеса.
Но как трепещут юные осинки,
Кармином полыхая по лесам!

Ещё рассветы дерзновенно ярки,
Но на заре не слышно божьих птах.
Княгиня-осень раздаёт подарки,
Всех златом осыпая впопыхах.

Бродяга-ветер подхватил в пригорошни,
Но растерял, бедняга, по пути...
Чем ярче золото берёз, тем горше
Душе, что не успела отцвести...

Ковром зелёным среди меди –
Озимь, что торжеству златому вопреки.
И сердце вновь любви... и лета просит
Среди щемящей солнечной тоски.

Прозрачна синь... и тает, удаляясь,
Клин лебедей, что над землёй плывёт...
Слетает лист, с берёзою прощаясь...
И только сердце всё чего-то ждёт...

Марьюшка

Вновь, бродяга-ветер ставни рвёт с петель...
Выстыла - до срока - в горнице постель...
Догорает свечка, тени по углам...
Мокрая подушка - нет конца слезам...

Не вернётся милый, сколько ни зови!
Память возвращает вновь к былой любви...
И в душе не гаснет вспыхнувший огонь:
Сколько песен спето - вместе, под гармонь!

Был на всю деревню первый гармонист...
 Но сгорел под Ржевом заживо танкист...
 Забрала Ивана подлая война:
 Ночи коротает Марьюшка одна...

Лишь глаза прикроет – видит вновь и вновь:
Чуб кудрявый русский и дугою бровь,
Серые, с прищуром милого глаза,
Ванину улыбку... и - бежит слеза...

В мае отгуляли свадьбу на селе:
Не было счастливей их на всей земле!
Каждую минуту милые вдвоём...
Месяц длилось счастье... да вдруг –
грянул гром!

Вскоре похоронку почтальон принёс:
С горя занемела... и - ни сил... ни слёз...
В снег осела тихо - враз, едва дыша...
И с тех пор ночами плакала душа...

Всю войну надеждой Марьюшка жила:
По ночам молилась, верила, ждала...
Кончилась Победой долгая война...
Кое-кто вернулся, а она - одна...

Засылали сватов, да не одного,
Но забыть не может Ваню своего...
Выстыла - до срока - в горнице постель...
А бродяга-ветер ставни рвёт с петель...

Глубинка

Поезд, тронувшись, дал мне гудок,
На прощание скрипнув колёсами.
Напрямик - через луг - и покосами
Я иду, огибая лесок.

Вот травую заросший погост
На холме у берёзовой рощицы.
И ведёт к деревенской околице
В две доски над речушкою мост.

Не видать рыбаков у реки.
Зарастают кустарником просеки.
Заблудились дома между сосенок:
Здесь остались одни старики.

Горечь душу сжимает... Нет слов.
По мостку - на тропинку избитую.
Ждёт, людьми и святыми забытая,
Деревенька на десять дворов.

В окруженьи поникших раки
Озерцо, гладь подёрнулась тиной:
Отражаясь печальной картиною,
Божий Храм в разрушеньи стоит.

Вороньё раскричалось, кружа...
Отчего стала ты сиротинкою?
Пусть тебя называют «глубинкою»,
Здесь, в деревне, России душа!

Эта осень, как женщина падшая

Эта осень, как женщина падшая,
Загулявшая под фонарём,
Зазывает листвою опавшею,
Прижимаясь к прохожим дождём.

Под одежду пробраться старается,
Налетая порывом ветров.
Разойдётся в ночи, разгуляется,
В двери ломится, требуя кров.

А потом, протрезвев и раскаявшись,
Завывает, стенает, поёт.
Обессилев под утро, отчаявшись,
Робким снегом уснёт у ворот...

Серебром, самоцветами, золотом
Одарила ты всех, не скупясь...
Жар души ветер выстудил холодом,
Нежность красок повержена в грязь...

Растеряла наряд с листопадами,
Красоту смысл настойчивый дождь:
Словно нищенка, сжавшись под взглядами,
Подаянья на паперти ждёшь...

На заре отзвеневшую росами,
Отпевали тебя журавли...
Поседевшую, грязную, босую
На костёр погребальный снесли...

М. Панфилова. Мама. Картон, масло, 2001 г.

Здесь торжествует тишина

Сквозь купол солнечных берёз – синь небосвода:
В осенней ризе золотой тиха природа,
Как в Храме Божьем... и покой боюсь нарушить –
Сентябрьский ласковый денёк мне греет душу...

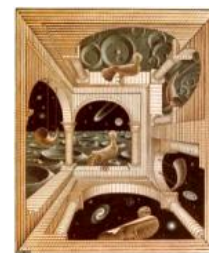
Слетает робкая листва в тиши дубравы,
Сверкая утренней росой, склонились травы
И единенья краткий миг так хрупок... вечен...
Стремятся к небу... и горят берёзы-свечи...

Стоят в печальном торжестве, роняют злато –
Средь белоствольной красоты, как в Царь-палатах:
Здесь торжествует тишина... и столько света!!!
Душа находит без труда на всё ответы.

ПОЭЗИЯ

Равиль Валеев

(Евпатория, Крым)

Синяя птица

Синяя птица заветной мечты
Мелкой порошей в окошко стучится,
В мыслях мелькают забытые лица,
Словно стою у последней черты,
Дальше сереют погоста кресты –
Жизни земной проступает граница.

Я вспоминаю дощатый барак,
Печка трещит, прогреваясь дровами,
Бабушка сказки колдует словами,
Где побеждает смышлённый батрак.
В маленькой комнате спит полумрак,
Кошкой свернувшийся над головами.

Я на обрыве стою над рекой,
Вдаль убегает могучая Кама,
Лес разукрасила осени гамма.
Стаи пернатых на юг чередой
Плавно летят и зовут за собой.
Я бы за ними, но пустит ли мама?

Домом родным стал мне солнечный Крым -
Якорь мой врос у морского причала,
Стаи скворцов здесь зимуют с Урала.
Синяя птица, как сказочный дым,
Жизнь мне наполнила счастьем простым,
Но из души что-то всё же украла.

* * *

По раскисшей октябрьской дороге
Шли евреи в последний свой путь.
Лишь младенец, сося мамы грудь,
Не поддался всеобщей тревоге.
Как колотятся ватные ноги,
Предстоящего чувствуя жуть!

А соседи толпою стояли -
На обочину сдвинул конвой.
Тишину не порвал бабий вой,
И надежды спасительный ялик
Утопает в осенней печали,
Рассыпаясь пожухлой травой.

Оценив вероятность везенья,
Бабам кинула доченьку мать
И с родными ушла умирать.
Шелохнулась толпа на мгновенье.
Бесновался конвой в исступленьи,
Но младенца не смог отыскать.

Прижимая дитя под подолом,
По привычке кляня всех жидов,
По задворкам притихших домов,
Вспоминая порыв свой с укором,
Украинка по крымским просторам
Шла домой до некормленных ртов.

Над тёмным песком Коктебеля

Над тёмным песком Коктебеля
Рыдает в ночи саксофон.
Луна, как потёртый плафон,
Блестит в темноте еле-еле.
На печке, подобно Емеле,
Уйти бы мне в сказочный сон,
Где голос любимой, как звон
Весной застучавшей капли,

Где руки обнимут несмело
Усталые плечи жены,
Где нет ощущения вины,
Что что-то неправильно сделал,
Где публика ждёт онемело
Стихов набежавшей волны,
Которые чувством полны,
И ты – в ослепительно белом.

Зима играет скорбный блюз

(сложное рондо)

Зима играет скорбный блюз
На клавишах воспоминаний.
Осколки пламенных желаний,
Побитый бисер бывших уз
В коробке в виде рваных бус
Звенят от трепетных касаний.
Мы в отрешенности камланий
Своих грехов снимаем груз...
Зима играет скорбный блюз.

Среди оцепенелых зданий,
Голодной вьюги завываний
Мир серо-снежный дико пуст.
Следы окоченевших Муз
На клавишах воспоминаний.

Сюжетом гриновских мечтаний -
Каким был крепким наш союз!
Болят, как застарелый флюс,
Обман счастливых ожиданий,
Осколки пламенных желаний.

Весной пропитан, прян и густ
Забытый вкус любимых уст.
Горит огонь былых терзаний,
И греет старческие длани
Побитый бисер бывших уз.

Осеннее

Под разноцветием зонтов
Гуляют набережной дамочки,
Их променаду дождь «до лампочки» -
Ведь это выставка обнов.
Промокший ряд пустых столов
Прижался сиротливо к зданиям,
Как выводок к волчице-матери,
Ища защиту от врагов.

Среди задумчивых стволов
Редки гуляющие парочки,
Пустые мёрзнут в парке лавочки,
Предвидя круговерть снегов.
В слезах осенних облаков
Кленовый лист исходит пламенем,
На золотой опавшей скатерти
От лета не видать следов.

На нотном стане проводов
«Отлётный блюз» нам пишут ласточки,
Минор снимает с чувства фасочки,
Тупя болезненность углов.
И неизбежность холодов
Кружит страницы нашей памяти,
И каемся, как вор на паперти,
Прося прощения грехов.

Снежинки

На лужах намерзают льдинки,
На дереве затихла стая.
Беззвучно с неба опадая,
Танцуют тихий вальс снежинки.

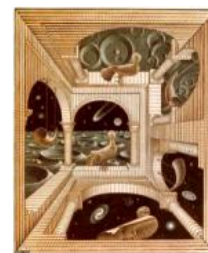
В фонарном свете, как искринки,
Блестят танцовщицы, летая,
И на земле, уже не тая,
Ложатся чистые простынки.

Исчезли чёрные тропинки:
Зима приходит, грязь скрывая.
Она совсем ещё не злая -
Укрыла жухлые былинки.

Там, за окном, как на картинке,
Блестит всё, чистотой играя,
Но утром, это точно знаю,
Пройдутся грязные ботинки.

ПОЭЗИЯ

Сергей Ворошилов
(Петрозаводск)

Надежда и лебедь

«Надежды юношей питают».
Живут надеждой
раб и бог.
Ведь даже Зевс и тот,
мечтая
попасть в объятия стройных ног,
ласкал доверчивую Леду
невинным лебедем,
пока
не протрубил любви победу...

Под знаком тишины

Ноябрь.
Под знаком тишины
Сплетен венок из трав пожухлых.
Светило сонное потухло,
И стылым отблеском луны
Уже юродствует зима,
Роняя тусклый свет в ладони.
Хрипят ее седые кони -
Дыханьем стелется туман.
Ноябрь.
Озябшая ольха,
К воде, склоняясь полусонно,
Стоит усталою мадонной -
Чиста, смиренна и тиха.
И, погружаясь в блеклый свет,
Грустит, почти по-человечьи,
Моля накинуть шаль на плечи,
А снега нет, а снега нет...

Сказанья канули в века...

И я когда-то,
в час надежды,
среди кувшинок и осок
внимал
как лёгкие одежды,
шурша, спадали на песок.

И я,
желая страстно тела,
от дивных бёдер и до пят
снял в фантазиях умело
прозрачный девичий наряд.

И я хотел,
роднясь с мечтою,
расцеловать в порыве грудь
и, задохнувшись наготой,
колени лаской разомкнуть...

Надеждам свойственно сбываться,
а волнам слизывать следы.
Мне было, помнится, семнадцать.
Мы целовались у воды.

И я шептал
прекрасной леди,
своей нежданной визави,
как будто лебедь юной Леде,
о вечных
прихотях
любви...

И для меня
синели дали,
душица пьяная цвела.
А за спиною вырастали
от счастья
белых два крыла.

На перроне

Бежит состав.
Мелькают за окном
в колёсном ритме сёла,
полустанки,
церквушек развалившихся останки
и новостроек серых
домино.
Кружится в танце сирость деревень,
вальсируют лужайки и покосы,
выводят па
пасущиеся козы
и яблони, обнявшие плетень.
Далёкий трактор,
будто муравей,
ползёт по грязи к непонятной цели.
Похож упрямец этот, в самом деле,
на нас самих,
он нашенских кровей.
Вот скорый поезд
замедляет ход,
и, презирая вечные запреты,
спешит продать еду
и сигареты
проезжим предприимчивый народ.
К вагону
в повседневных сапогах
трусит старушка бодрыми шагами.
Её корзинка пахнет пирогами,

баул - дымком копчёного сига.
А в десяти шагах,
войдя в кураж,
играет дед
«Прощание славянки».
Терзают пальцы клавиши тальянки.
Разносится
любимый с детства марш.
На службу провожают
пареньков,
успевших отхлебнуть из горькой кружки.
Сквозь слёзы
сыпят шутками подружки,
касаясь их постриженных висков.
Дай бог вам доброй службы,
Пацаны,
надёжных командиров в деле ратном
и возвращенья к матерям обратно,
не испытав беспамятства войны.
Перрон качнулся.
За окном гроши
считаются:
до них народ не жадный.
Хотя он внешне скроен
и нескладно,
но изнутри,
я знаю, крепко сшит.

Край озерный

Край озерный. Север дикий.
Сизый иней. Холода.
Кисть поникшая брусники.
Потемневшая вода.

Тишь на клюквенном болоте.
Опустившаяся хмарь.

Вздвогну, если вдруг на взлете
Прогремит крылом глухарь...

Иль замру, грустя невольно,
Слыша оклики людей
В поднебесных, колокольных
Причитаньях лебедей...

Старое авто

Густая ночь.
Июльский Сен-Тропе.
Звенит твой смех.
Что ж, я веселый мачо.
И нас с тобой от глаз прохожих прячет
мой «мерседес» - спортивное купе.
Ах, время-время, вечный брадобрей,
стрижет года, дни превращая в тени:
Мелькают губы, плечи и колени,
блеск милых глаз при свете фонарей...

Что рана в сердце? Та же полынья
зимой в мороз -
ледок латает душу.
Воздушный замок наш давно разрушен.
Там был я твой,
а ты была моя.
Давно на свалке старый «мерседес».
С портрета ты смеёшься, молодая.
А жив ли пляж, где прядь волны седая
нас обнимала, стук глуша сердец?

Сценарий миру издревле знаком.
Банально всё,
нельзя не повториться.
Я слышал, ты с банкиром нынче в Ницце,
евреем и нуднейшим стариком.
Я не сержусь.
По жизни, знать, верней
плыть без забот, уча подспудно идиш.
Но коль авто похожее увидишь,
быть может, мельком вспомнишь обо мне...

Чем не новелла? Чеховский сюжет:
Слепая ночь,
наивных чувств смятение.
Как моря ширь, простор для вдохновенья:
«Она и он»,
как, впрочем, «да и нет».
Ты мне вчера привиделась во сне,
и знаешь, друг мой, экая потеха,
на нас тот самый «мерс»,
как мудрый Чехов,
Смотрел, бликуя фарами-пенсне.

Рождался день (созерцательное)

День воскресал,
дав передышку мгле.
Жил мой костер...
Огню подставив спину,
я наблюдал, как вяжет паутину
древнейший ткач на матушке-земле.

Маячил сквозь сплетённое окно
берёзы силуэт полураздетой.
Шуршал наряд, и
сыпались монеты
на тонкое паучье полотно.

Всему свой ритм
в «процвести и умереть»:
Лес засыпал,
устав над златом чахнуть.
А день светлел,
и мудрая арахна
на сонных мух раскидывала сеть.

И, как всегда,
белели облака,
синела глубь небесного колодца,
тьма отступала,
и играло солнце
мячом-росинкой в сетке паука...

Ямщик

Лошадь гремит уздечкою.
Кучер мертвецки пьян.
Ранен под Черной Речкою
Бабник и дуэлянт.

Сыплется с неба крошево.
Снег застилает зло.
Что же ты так задёшево,
Барин? Не повезло.

Странная жизнь поэта.
Знать, такова судьба.
Русь не может без этого.
Боже, спаси раба.

Надо сердца мозолить ли,
Чтоб расцвела душа?
Ценится жизнь не более
Ломаного гроша.

Снежное одиночество.
Ангелов кружит рать.
Пьяному в стельку хочется
Песню пурги орать,

Выплеснуть боль вселенскую
В поле. Ищи-свищи...
Таял создатель Ленского
И засыпал ямщик.

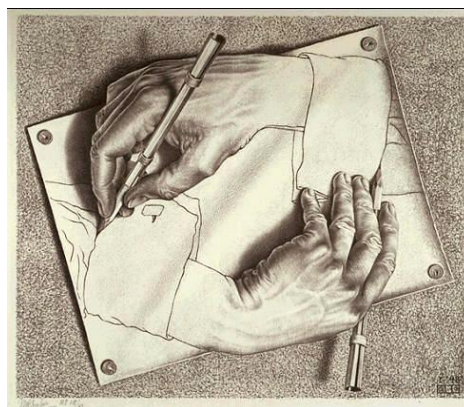
Встретит извозчик гения
Завтра на небеси.
Маленькие трагедии,
Крохи большой Руси.

М. Панфилова. Липовка. Акварель, 2014 г.

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Виктор Жук
(Москва)

8 МАРТА И 23 ФЕВРАЛЯ Опыты стихоплетства

Никогда не писал серьезных стихов. Когда-то в ранней юности и после мне приходилось иногда писать несерьезные, шуточные стишки, не тянущие на поэзию. Но из них мало что сохранилось.

В конце 50-х мы со старшим братом написали ироническую несколько занудную песенку, посвященную Хрущеву – «кукурузнику». В ней были в частности такие строчки:

Приезжай сюда, Никита,
Полюбуйся, посмотри на наше жито.

И:

Мы крепчаем год от году,
Слава нашему великому народу!

Однако мое несерьезное стихоплетство развернулось в середине 60-х годов в Институте электронных управляющих машин (ИНЭУМ), где я тогда работал. И развернулось оно в связи с двумя праздниками, ставшими народными и отмечавшимися по всей стране как гендерные, вытеснив их изначальную политическую суть. Тогда, в 60-е годы, казалось, что население с ума посходило в эти праздники. Особенно буйным было празднование 8 Марта. Многие отмечали его очень «сурьезно». Помню, группки серьезных женщин с серьезными прическами шли в рестораны одни – без мужчин. В детских садах мальчики поздравляли девочек в женский день - 8 марта, а девочки мальчиков - 23 февраля. День Советской армии отмечался как мужской день, несмотря на то, что многие женщины служили в армии не только во время войны, а многие мужчины никакого отношения к армии не имели.

Начну с истории первого моего стишка в этом институте, связанного с празднованием 8 Марта 1966 года. Однажды я увидел, что наш профорг Валя Гаврилин пишет всем женщинам нашей лаборатории стихи к 8 Марта. Валя был добрый и правильный человек и писал всем правильные, добропорядочные стихи. Все мы были молодыми - в среднем лет тридцати, а женщины еще моложе. И вот одной из них, технику Свете Л., которой муж купил роскошную шубу, Валя написал:

Ты в шубе - как Марина Влади...

и далее что-то ужасно сусальное и приторное.

Света не была блондинкой, как Влади, а была кареглазой и почти брюнеткой. В девичестве она была Темногрудовой и, когда сообщила мне об этом, я спросил: «В самом

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

деле?» Она засмеялась. И я сказал Вале, что надо не так. Вычеркнул его вторую слащавую строчку и написал:

Ты в шубе - как Марина Влади,
От зависти все лопнут бл...ди.

Всем понравилось, и особенно Свете.

После этого обо мне пошла слава и публика стала приходить с просьбами написать стишок. А на следующий год я написал ей:

Мы раньше думали: ты - Влади.
Уж ты прости нас Христа ради.
А оказалось, что на деле
Ты - Стефания Сандрелли!

Дело в том, что Света была очень похожа на итальянскую актрису Стефанию Сандрелли, большая цветная фотография которой висела в нашей комнате.

А кроме того, в связи с этими стишками я написал ее мужу:

В глаза супругу прямо глядя,
Ему мы честно говорим:
Чужой жены мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим.

Вот еще несколько стишков, которые я написал в тот период (1966–1967 гг.) женщинам нашего отдела к 8 Марта. Обыгрывалось все, что попало под руку.

Тане Хомич, выпускнице Московского энергетического института (МЭИ), очень хорошему товарищу многих, ныне, увы, покойной:

Сидишь в командировке
На рублезаготовке.
Тебе, я знаю, тяжко,
Соскучилась, бедняжка.
А мы сидим без денег,
Считаем каждый пфенниг,
Но это не беда:
Мы ждем тебя сюда!

Здесь под «рублезаготовкой» подразумевалось то, что в командировках зарабатывали большие по тем временам деньги: кроме командировочных платили дополнительно примерно половину оклада. Это позволило многим вступить в жилищный кооператив.

Гале П., не ездившей в командировки из-за дочери и вступившей в жилищный кооператив благодаря экономии («не пьет аперитив»):

Тем, кто не пьет аперитив,
Легко вступить в кооператив.
Те, кто сам себе не враг,
Кооперативный держите шаг!
И будешь ты кооперативной
Общественницей активной.

Белле С., веселой толстушке – технику:

Коль не будешь на диете,
То смеяться будут дети,
Даже дети, даже дети
Отвернутся от тебя.

Если ж будешь ты с диетой,
То ты будешь как конфета,
И тогда все наши дяди
Жить не смогут без тебя.

Бывали редко и длинные стихотворения:

Гале Петровой, выпускнице Московского инженерно-физического института (МИФИ):

У Наташи у Петровой
Мама – физик.
Что ж такого?
Мамы всякие нужны,
Мамы всякие важны.

Мама Галя знает всё:
И как движется планета,
Где достать и то, и это,
И какая нынче мода,
В чём нужда есть у народа,
Сколько модулей в АУ...
Одного я не пойму:
Как так можно успевать
Ничего не забывать?
Мама Галя всё умеет,
За всех нас она болеет,
Делит, множит, и сдвигает,
И прекрасно вычитает.
И танцует хали-гали
Тоже, в общем, будь здоров!
Утку жарит мама Галя
Даже лучше поваров!

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Галя была моей коллегой по лаборатории арифметических устройств (АУ) компьютеров. Отсюда в стихах иронические слова – «делит, множит, и сдвигает, и прекрасно вычитает»; одна из важных операций в арифметических устройствах – сдвиг.

В этом стихотворении я ничего не сказал о необыкновенном хобби Гали Петровой, которое тогда могло показаться чудачеством. Работая в закрытом отделе и потому не имея никаких перспектив побывать за границей, она увлекалась изучением... Парижа. По печатным источникам (литературе и фотографиям) и картинам французских художников (интернета тогда не было), она изучила площади, улицы и достопримечательности Парижа. У нее была карта Парижа. Это была своего рода несбыточная мечта, попытка прорыва в свободный мир. Но кто бы мог тогда подумать: через 35 лет с момента появления этого хобби, в 2000 году, эта мечта сбылась! Галя вместе с младшей сестрой и друзьями побывала в Париже в рамках туристического путешествия «Москва – Берлин – Париж». И хотя они были в Париже всего пять дней, многое успели посмотреть и впитать: обошли пешком весь центр Парижа, побывали в давно близком Галиному сердцу Латинском квартале и в Сорбонне, посетили Лувр и «Мулен Руж». Так что странное на первый взгляд хобби пригодились и обернулось реализованной мечтой. Сожалею, что тогда я не решился написать о нем в стихотворении, посвященном Гале.

Конечно, эти наспех написанные длинные стихи содержат много глагольных рифм. Но все-таки предпочитаю короткие посвящения, такие как это:

Миле Коваленко

Что ж ты, Милка, захирела.
Это, Милочка, не дело.
Ты всегда ведь так мила,
Остроумна, весела.
Не любить тебя нельзя.
Гран-привет, твои друзья.
Это дело наших рук.
Золотаревский, Жук.

Людмила Николаевна
Коваленко (Мила)

Мила (Людмила Николаевна Коваленко) – математик, большая умница и замечательный человек, увы, давно скончалась. Скептически относилась к празднику 8 Марта. Когда я ее однажды поздравил с Женским днем, она сказала: «За кого ты меня принимаешь?» Она была очень тронута этими нашими стихами. Борис Золотаревский – мой близкий друг и близкий школьный друг Юлия Даниэля, фронтовик, участник Сталинградской битвы и взятия Берлина, расписавшийся на Рейхстаге и через много лет, будучи в Берлине, увидевший эту свою сохранившуюся подпись. Сейчас живет в Хайфе.

Эта полоса сочинительства индивидуальных посвящений по случаю женского дня закончилась тем, что я написал стихи, посвященные вообще празднику 8 Марта:

Три стихотворения к 8 Марта

Бабы, девки, малолетки
Должны славить Клару Цеткин⁵⁶:
По её почину бабство
Сбросило оковы рабства.

И сегодня наш бабец
Ведь и в правду молодец.
Натрудившись спозаранку,
Он законно ждёт подарка.

Бабы, девки, кошки, мышки,
И старухи, и детишки
В такт качают головой:
Даешь праздник половой!

Если бы не Клара с Розой⁵⁷,
Не сшибали бы мимозу
И не лезли б - хам на хаме -
За французскими духами.

А теперь, жалки и дики,
Все несут свои гвоздики.
И за что такую кару
Принесли нам Роза с Кларой?

Война напрасна с темнотой.
Зато гуляем: выходной.

Первое стихотворение написано «по просьбе трудящихся» нашей лаборатории в те времена, когда Женский день отмечался особенно буйно и серьезно. И, как ни странно, многим женщинам оно понравилось. Для тех же моих сослуживиц, которых обидело это стихотворение (про «Клару с Розой»), тут же было написано второе:

Мы любим женщин, но, per se⁵⁸,
О них хотим слагать эссе.
Но в этот день нам не понятно,

⁵⁶ Клара Цеткин (1857–1933), деятель немецкого и международного коммунистического движения. В 1910 г. предложила учредить Международный женский день.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Цеткин,_Клара

https://ru.wikipedia.org/wiki/Международный_женский_день

⁵⁷ Роза Люксембург (1871 – 1919), одна из основателей Коммунистической партии Германии. Непосредственного отношения к учреждению Международного женского дня не имела.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Люксембург,_Роза

⁵⁸ Per se (лат.) – само по себе.

С чем поздравляют их обратно.
Ведь любим женщин мы, per se,
Без всяких там гофрэ-плиссэ.

1967 г.

А для тех, кого обидели оба этих стиха, гораздо позднее, когда я попал в ту же организацию, было написано двестише:

К жалким презентам привычку откинув,
Будьте как Ганди⁵⁹, Тэтчер⁶⁰, Акино⁶¹.

1986 г.

Когда я написал первое из этих стихотворений – про «Клару с Розой», – известному ныне ученому диакону Андрею Кураеву⁶² было 4 года. Примерно через 30 лет (в 1998 году) он в статье «Можно ли праздновать 8 Марта?»⁶³ «откроет», что Клара Цеткин якобы специально предложила праздновать Международный женский день 8 марта, приходящийся на иудейский праздник Пурим. По его мнению, еврейка Клара сделала это для того, чтобы под видом Женского дня весь мир отмечал праздник Пурим спасения евреев, который д. Кураев считает днем «заведомо безнаказанных массовых убийств» персов. Позднее, когда д. Кураев узнал, что Клара Цеткин, урожденная Айснер, – чистокровная немка во всех коленах, то он сказал, что Клара сделала это по заданию еврейского руководства II Интернационала (Социнтрена). Но и тут он ошибся: в руководстве Социнтренном евреев было очень мало. Однако и это не переубеждает профессора Кураева в том, что 8 Марта – скрытый Пурим, и он дает такое объяснение: «А причина моей неприязни к 8 Марта гораздо более прозаична: просто я с детства терпеть не мог 8 Марта. А став человеком церковным, я полюбил православный «женский день» – «неделю жен-мироносиц», празднуемый в третье воскресенье после Пасхи». Согласно абсурдной версии⁶⁴ Кураева, буйное празднование 8 Марта можно было бы объяснить тем, что многонациональный советский народ не понимал, что на самом деле он празднует иудейский праздник Пурим.

В той же статье Кураев упоминает и день Красной армии 23 февраля, который он связывает с 8 марта (23 февраля по старому стилю соответствует 8 марта по новому стилю). Поэтому вслед за Кураевым перехожу к празднику Советской армии. Этот праздник, хотя и отмечался в 1966-67 годах преимущественно как мужской, но, как мне кажется, не столь серьезно, как праздновался Женский день. И в нашем отделе ИНЭУМа, в значительной степени молодом по возрасту сотрудников, было много шуток, взаимных розыгрышей, иногда

⁵⁹ Индира Ганди – премьер-министр Индии (1966-1977, 1980-1984).

⁶⁰ Маргарет Тэтчер – премьер-министр Великобритании (1979-1990).

⁶¹ Мария Корасон Акино – Президент Филиппин (1986-1992).

⁶² Кураев Андрей Вячеславович (род. 1963) – протодиакон Русской православной церкви, публицист, писатель, богослов, автор официального учебника по Основам православной культуры; с 2004 по 2013 год – профессор Московской духовной академии; выпускник философского факультета МГУ по кафедре научного атеизма, кандидат философских наук, в 1982 г. крестился и в 1988 г. окончил Московскую духовную семинарию, кандидат богословия.

⁶³ <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=579>

⁶⁴ Абсурдность идеи протодиакона Андрея Кураева показал известный публицист Валерий Каджая в книге «Диакон бесстыжий, или Как делают антисемитом», М, 2006 и 2008. См. публикацию этой книги с предисловием Игумена Иннокентия (Павлова): http://krotov.info/libr_min/11_k/ad/zhaya_07.htm#1

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

отчаянных. Однажды на 23 февраля женщины соседней лаборатории для смеха преподнесли своим лабораторным мужчинам всякие ванно-туалетные причиндалы, например, стульчаки, бачки (сейчас не помню точно, что именно) – якобы для жилищного кооператива. А мужчины к 8 Марта не знали, чем ответить главной закоперщице, которой была симпатичная и смешливая девушка – Алла Р. Они обратились ко мне за советом. И я сходу придумал: **горшок с ручкой внутри для малогабаритной квартиры** (это я взял из анекдота того времени). Тут же был куплен горшок и в нашей мастерской ручка была отрезана и припаяна изнутри. В горшок положили шоколадных конфет.

И был написан такой стишок:

Хотели, Алла, мы давно,
Тебе в горшок накласть конфеты.
Но положили мы вот это.
Но это впрочем все равно.

Алла, как человек с юмором, положительно оценила ответную шутку мужчин, о чем и сказала мне. Это было в далеком 1967 году. С тех пор все мы здорово постарели, а некоторых не стало. Скончалась и Алла...

БРОСОК НА ЮГ

Стихоплетство в Крыму и Пицунде

В Крыму

В студенческие годы (1952–1957) отдых на Черном море – в Крыму или на Кавказе – был мечтой. Денег на дикий отдых там и путевок туда у меня не было. Однажды в 1955 году старшему брату на работе случайно попала путевка в дом отдыха на Азовском море, и я отдохнул в Дмитриадовке под Таганрогом. Но понимал, что Азовское море, хотя там и очень жарко в июле, это еще не настоящий «юг». И вот наконец в 1960 году мы с приятелем по работе Виталиком Андреевым совершили, если использовать название повести Константина Паустовского, настоящий «бросок на юг». Мы решили за полтора месяца накопленного отпуска объехать почти весь черноморский юг и выяснить, где лучше всего отдыхать на Черном море. Мы заранее купили в морской кассе в «Гранд-отеле» (она находилась в здании гостиницы «Москва» напротив Музея Ленина) билеты в двухместную каюту знаменитого теплохода «Россия», переименованного трофейного немецкого лайнера «Patria», на рейс «Одесса – Сухуми» в сентябре 1960 года. На этом маршруте «Россия» делала довольно длительные стоянки во всех крупных портах Крыма и Кавказа и шла настолько близко от берега, что иногда можно было его рассматривать даже без бинокля. Это судно, построенное в 1938 году в Гамбурге, был списано в 1985 году, но считалось тогда лучшим советским пассажирским теплоходом на Черном море.

Одесса, Лузановка, 1960 г.

Для начала мы Виталиком поехали в Молдавию – в Бендеры – отдохнуть две недели на Днестре. Прекрасное тихое место. Попили вина. Все там было сказочно дешево. В доме, где мы остановились, познакомились и подружились на всю жизнь с московским спортивным журналистом «Советского спорта» и ТАСС Володи́ей Дворцовым⁶⁵, впоследствии очень известным. Володя был другом еще более известного человека – спортивного комментатора и актера МХАТ Николая Озерова⁶⁶. Из Бендер на такси добрались до Одессы и провели там замечательную неделю у прекрасных людей – дальних родственников. И наконец сели на «Россию», которая показалась нам роскошным великаном.

Так началось наше великолепное трехдневное путешествие по Черному морю. Выражаясь словами Остапа Бендера, «сбылась мечта идиота». Теплоход сделал первую остановку в Крыму, в Евпатории, стоял на рейде в Севастополе (на берег нас не пускали – Севастополь был тогда закрытым городом) и наконец прибыл в Ялту, где находился несколько часов, в течение которых мы погуляли по городу. Когда вечером отплывали из Ялты, она была сказочно красива и напоминала образы гриновских Зурбагана и Гель-Гью. Затем были длительные остановки в Новороссийске, Сочи, и на третий день мы распрощались с «Россией» в Сухуми, провели там пару дней и на электричке и автобусе добрались до Пицунды, где у нас был адрес в деревне Лидзава, изумительном месте в тихой бухте с реликтовой сосновой рощей на берегу. Народу в Пицунде и тем более в Лидзаве было очень мало. С питанием там было тогда неважно. Но это место меня потрясло – оно показалось мне сказочно хорошим. И с тех пор я ездил отдыхать почти ежегодно в Лидзаву, только изредка меняя ее на Крым. В 1973 году я повторил путешествие на теплоходе из Одессы в Сухуми, а оттуда – в Лидзаву с женой Таней. На этот раз мы плыли на теплоходе «Победа», на котором К. Паустовский путешествовал по Средиземному морю, а из Сухуми в Лидзаву ехали на такси. «Победа» казалась небольшим судном по сравнению с гигантом «Россией», но зато у нас была каюта 1-го класса. Я все время вспоминал строчки одесского поэта Георгия Шенгели, которые цитировал Паустовский в «Броске на юг», когда писал о путешествии на «Победе»:

Есть острова, далекие, как сон,
И нежные, как тихий голос альта, -
Майорка, Минорка,
Родос и Мальта.

Тогда эти острова казались недостижимыми, а теперь их вполне можно посетить. Но о Крыме я долго не думал. Первый раз меня уговорил изменить Пицунде и поехать с ним хотя бы один раз в Крым мой товарищ Гена Кауфман, крымчанин: «Я тебе покажу мой Крым!» – эмоционально восклицал он. Это было в 1967 году, мы отдыхали с ним на Южном берегу

⁶⁵ <http://megabook.ru/article/Дворцов%20Владимир%20Александрович>

⁶⁶ <http://www.peoples.ru/sport/commentator/ozarov/>

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Крыма (ЮБК) – в Мисхоре. Тогда я съездил в знаменитый Никитский ботанический сад. Но отдыхать на ЮБК мне не понравилось, и я оттуда сбежал: из Ялты отправился на «Россию» в Сухуми, а оттуда – в Пицунду (в Лидзаву). Затем в 1970-х годах я был три раза в Коктебеле осенью, но в последний раз из-за постоянных штормов уехал в Симферополь, оттуда самолетом в Адлер и затем через Гагры автобусом в Лидзаву. Через короткое время перелета я ощутил, что по сравнению с Крымом Кавказ – это моё. И больше Пицунде не изменял.

А вообще в Коктебеле было намного интереснее, чем на ЮБК: больше интересной публики, немало диссидентов, знаменитые бухты и походы на Кара-Даг. Помню, как мы слушали там «Архипелаг ГУЛАГ» по «Немецкой волне» в сопровождении комментария прошедшего ГУЛАГ историка Петра Якира⁶⁷, слушавшего эту передачу вместе с нами. Благодаря моему товарищу Толе Кагановскому⁶⁸ мы примыкали к компании поэта и диссидента, высокого красавца Вадима Делоне⁶⁹, только что освободившегося из заключения, и его жены Ирины Белгородской. Его посадили за участие в знаменитой «демонстрации семерых» на Красной площади в 25 августа 1968 года, которая была публичным протестом против ввода советских войск в Чехословакию. Запомнились строчки его стихов, прочитанных им в Коктебеле:

Я в метро опускаю пятак,
А они все идут по пятам.
Я за водкой стою в гастроном,
А они сторожат за углом.

Помню интересные вечера в «Киселевке» – легендарном, историческом месте Коктебеля, недостроенном доме безногого московского художника и правозащитника Юры – гостеприимного Юрия Ивановича Киселева (1932–1995)⁷⁰, где жило разношерстное свободное общество, чуть хиппующее, немного богемное, и собиралась интеллигентная публика диссидентского толка. Помню в частности выступления там ленинградского поэта-авангардиста и песенника Алексея Хвостенко («Хвоста»)⁷¹. Увы, нелюбимая местными властями «Киселевка» сгорела в 1981 году.

Позднее, в 80-х годах, я был летом на научной конференции в Севастополе. И в панораме «Оборона Севастополя» задал экскурсоводнице ехидный вопрос: «В честь кого названа Графская пристань?» Это она

Художник Юрий Киселев, хозяин легендарной «Киселевки». Коктебель

⁶⁷ https://ru.wikipedia.org/wiki/Якир,_Пётр_Ионович

⁶⁸ Кагановский Анатолий Яковлевич (род. в 1937 г.) - выпускник Московского физико-технического института, сотрудник Института электронных управляющих машин, сейчас живет в г. Пало-Альто под Сан-Франциско, работал в компьютерных фирмах в Силиконовой долине.

⁶⁹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Делоне,_Вадим_Николаевич

⁷⁰ <http://hannale.livejournal.com/51325.html> ; <http://koroleni.livejournal.com/232518.html>

⁷¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Хвостенко,_Алексей_Львович

знала: «В честь коменданта Севастополя во время Севастопольской обороны адмирала графа Войновича». А того, что этот граф был предком высланного из СССР писателя Владимира Войновича, о чем он написал в своей «Иванькиаде», не знала. Хотя в целом на пляжах Севастополя было неплохо, свою точку зрения при сравнении Крыма и Пицунды я не поменял.

Но вернулся в 1967 год к Гене Кауфману, который заморозил меня рассказами о «его» Крыме, «его» горах, «его» море с прекрасной подводной охотой. Я же уговаривал его ехать в Пицунду, но он отбил, сказав, что у него язва, прожить с которой на Кавказе, питаюсь «диким образом», будет небезопасно, а в Мисхоре у нас будут курсовки на питание в Доме отдыха Всесоюзного театрального общества (ВТО). Я сдался, и мы приехали в Мисхор.

Теперь я должен сказать несколько слов о Гене, увы, ныне покойном. Это был замечательный, добрый и умный человек, ценящий юмор и любящий розыгрыши. Инженер по разработке цифровых вычислительных машин родом из Магарача под Ялтой. Здоровый и очень смелый парень, увлекающийся подводным плаванием, работавший в Магараче спасателем. В шестибалльный шторм мог зайти в море в ластах, и его гоняла местная милиция. Один из розыгрышей его молодости: вечером среди гуляющей по пирсу публики он «случайно» падает в отверстие на пирсе в море... Поднимается шум, а «пострадавший» отплывает за камень, переодевается и выходит к публике как ни в чем не бывало. По национальности Гена – смесь евреев, греков и крымчаков со стороны папы Кауфмана и украинцев со стороны мамы Картавченко. Мало кто знает, что крымчаки – это немногочисленная тюркоязычная группа, проживавшая в Крыму и исповедовавшая одну из разновидностей иудаизма, но это не караимы и не крымские татары, хотя язык крымчаков близок к крымско-татарскому. Крымчаки были почти полностью уничтожены гитлеровцами.

Геннадий Кауфман

Когда шестнадцатилетний Генка - Геннадий Аркадьевич Кауфман - при оформлении паспорта стал рассказывать в милиции о своей национальной смеси, то паспортистка сказала ему: «Не морочь мне голову, будешь русским».

Итак, 1 сентября мы приехали в Мисхор и с трудом нашли какую-то халупу на двоих на горе близ какой-то школы. Туалета в халупе не было, и приходилось пользоваться сортиром в этой школе. Питаться мы стали вполне прилично в Доме отдыха ВТО по курсовкам, которые в Москве достал Генкин знакомый. Генка – человек необыкновенно общительный и очень скоро благодаря ему мы обзавелись относительно большой компанией из шести - восьми молодых женщин, перезнакомив их между собой. И через неделю мы отметили день рождения Гены, пригласив всю нашу компанию в актовый зал Дома отдыха ВТО, где исполнили сочиненный нами «Мисхорский гимн» под Генкин аккомпанемент на фортепьяно. В этом гимне мы затронули почти всех членов нашей компании. Строчки обо мне писал Генка, а строчки про него – я. Вот текст этого гимна:

**Мисхорский гимн
(песенка)**

На горе в Мисхоре мы живем,
Вэтэовский хлебушек жуем,
До чего же жизнь здесь хороша –
Радуетя тело и душа.
Нет у нас комфорта и сортира,
Но зато отдельная квартира,
Пусть не сомневается никто:
Есть сортир роскошный в ВТО.
Целый день лежим на ЮБК
И на камнях мнем свои бока,
До чего же жизнь здесь хороша –
Радуетя тело и душа.
Ходим мы по пляжу без конца –
Высмотреть отменного бабца.
До чего же жизнь здесь хороша –
Радуетя тело и душа.
Целый день мы женщин здесь кадрируем
И в глаза пускаем «Примы» дым.
А придет вечерняя пора,
Манит нас безлюдная гора.
Среди нас фанатик есть – Нептун,
Он на самом деле редкий бдун:
Под водой за рыбою следит,
А увидит – сразу победит.
Магарацкий есть у нас крымчак,
Он лихой, отчаянный смельчак,
Картой женщин по носу он бьет,
А потом он их... гулять ведет.
Милая интимная картина:
Гену обнимает Алевтина.
Теперь ясно каждому из нас –
Геной был влюбленный Фантомас!
Грациозно изгибая талию,
Бросилась на длинного Наталия.
Длинные всегда ведь хороши.
Как для тела, так и для души.
Витя хоть совсем не математик,
По натуре вовсе не флегматик,
Бодро он по пляжу пробежит,
Упадет на место и лежит.
Думает повсюду и везде
Витя о Пицундовском гнезде.
До чего же жизнь здесь хороша –
Радуетя тело и душа.

*Дом отдыха ВТО в Мисхоре
(ныне Дом творчества «Актер»)*

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Раньше здесь такого не бывало:
От ухи затанцевала Алла,
И, забросив своего отца,
Осталась на танцах до конца.
А когда мы сели все на мели,
К нам явилось пополнение – Эля.
До чего же жизнь здесь хороша –
Радуетя тело и душа.
Всем своим завистникам на горе
Все же оказались мы в Мисхоре.
До чего же жизнь здесь хороша –
Но, увы, в кармане ни гроша!
В Москву-у-у!

Здесь слово «крымчак» имеет два смысла: крымчанин и собственно крымчак – представитель национальной группы.

Таким образом, началось продолжение опыта стихоплетства, начатого весной в Москве в Институте электронных управляющих машин. На день рождения 7 сентября я посвятил Генке такой стишок:

Гене Кауфману

Магарачский наш лошак
Не отступит ни на шаг.
Вижу: он, прибрежный жлоб,
Ухмыляясь, морщит лоб.
Он подводник из столицы –
Ничего он не боится!
Самый лучший и красивый,
Интересный и большой,
И с такой широкой, чистой
Нашей, русскою душой.

Лошак – это, как известно, гибрид жеребца и ослицы, очень хорошо приспособленный к передвижению по горам. Про «подводника» и «русскую душу» я уже рассказывал. Генка не обиделся, наоборот, воспринял стишок на ура и с удовольствием читал ее своим знакомым.

Из членов нашей компании расскажу немного только об Алле Берестецкой, с которой мы с Генкой дружили много лет. Она отдыхала вместе с папой Вениамином Борисовичем Берестецким, инженером-физиком. Одно время они жили в атомном центре в Арзамасе. Алла, бывшая тогда школьницей, вспоминала, что об Андрее Дмитриевиче Сахарове, работавшем там же, ходили такие строчки:

Бедный мальчик Адя,
Ходят за ним дяди.

Здесь «дяди» – это охранники.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Дядя Аллы – один из крупнейших физиков-теоретиков Владимир Борисович Берестецкий⁷², ученик Ландау. Алла окончила Институт иностранных языков, преподавала английский в Физтехе⁷³. В Москве на дне рождения Аллы в 1968 году я познакомился с очень интересными людьми – физиком Александром Воронелем⁷⁴ и его женой литератором Ниной (Нелей) Воронель⁷⁵. Они подвезли меня на машине в центр. Сейчас он издает в Иерусалиме очень интересный русскоязычный общественно-политический журнал «22», а она – известная писательница. Через несколько лет Алла вышла замуж за влюбленного в нее своего студента, родила сына. В дальнейшем жизнь ее сложилась неблагополучно. Она тяжело заболела. И все это время мы с Генкой поддерживали с ней дружеские отношения, перезванивались и изредка бывали у нее дома.

Гена Кауфман и Алла Берестецкая,
Мисхор

Но тогда, в Мисхоре все было прекрасно. От нечего делать я продолжил опыты стихоплетства, обыгрывая различные эпизоды. Вот посвящение Гене и Алле:

На камнях лежало белое диво
Так грациозно, легко и красиво.
Рядом крымчак наш дышал горячо,
Ветрам подставив стальное плечо.

А это посвящение Генка показал Вениамину Борисовичу, папе Аллы:

От папы скрывшись за камнями,
Смеялась дочь с двумя парнями.
И бедный папочка не знал,
Какой один из них нахал.

И папа сказал, улыбнувшись: «Да, рифма есть».

А вот еще одно четверостишие об Алле:

Как прекрасны иудейки,
Аппетитны, как индейки.
Они стройны, как газели.
Мы ж на них только глазели.

Мы часто ходили на пляж втроем. И вот однажды Генка увидел, как две девушки карабкаются на довольно опасную земляную стену (гору). Чувствуя свою ответственность за

⁷² https://ru.wikipedia.org/wiki/Берестецкий,_Владимир_Борисович

⁷³ Физтех – Московский физико-технический институт.

⁷⁴ https://ru.wikipedia.org/wiki/Воронель,_Александр_Владимирович

⁷⁵ https://ru.wikipedia.org/wiki/Воронель,_Нина_Абрамовна

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

безопасность отдыхающих в «его» Крыму, Генка согнал их со стены и привел к нам играть в карты. Оказалось, что девушки отдыхают в санатории ЦК КПСС. Они были довольны нашим обществом.

Уровень их был чудовищным. Так, заметив, что Алла случайно показала карту Генке, одна из них произнесла народную мудрость:

Мужу-псу
Не показывай жо... всю.

И я тут же экспромтом написал им такие строчки:

Зина с Олей из ЦК,
А играют в «дурака».
Им не надо ласки:
Они – скалолазки.

А вот посвящения другим нашим знакомым:

Пренебрегла Кавказом,
Приехала в Мисхор
И любовалась морем
С подножья Крымских гор.
Подставив солнцу плечи,
Мечтаешь целый день.
По камням льются речи,
А шевельнуться лень.

Геле

Из Таллина у Гели
Другой здесь нету цели –
Глазеть на камни нежно,
Вздыхая безмятежно.

Алевтине

Кадрить на камнях –
всегда, всегда!
И Алевтина
скорей туда.
Приходит, смотрит:
а лбов-то нет...
Ну и наплюнем
на них в ответ.

Однако и стихоплетство мне наскучило. Переполненный Мисхор надоел. пляж, море и плавание – все было гораздо хуже, чем в пицундской Лидзаве. И я уехал в Пицунду.

В Пицунде

В Пицунде, можно сказать, я прожил почти всю отпускную жизнь с 1960 по 1991 год – до начала грузино-абхазской войны 1992–1993 годов. За исключением пары лет, отданных Крыму, и трех лет, которые я провел в средней полосе и Карелии. Причем в 1960–1976 годах я с друзьями и женой жил «диким образом» в Лидзаве – деревне в паре автобусных остановок от центра Пицунды, а с 1977 года мы с женой жили в Доме отдыха «Правда» рядом с Домом творчества Литфонда – по другую сторону от центра Пицунды.

Дом отдыха «Правда» в Пицунде

Пляж в Лидзаве

В 1960 году о Лидзаве мало кто знал. Адрес в Лидзаве дал мне мой учитель и консультант по разработке специализированной транзисторной вычислительной машины в период с 1959 по 1964 год Гриша Новик, выпускник физфака Ленинградского университета, тогда сотрудник московского ВНИИ электромеханики академика АН Армянской ССР А. Г. Иосифьяна, один из ведущих разработчиков универсальной вычислительной машины ВНИИЭМ, кандидат технических наук, а впоследствии – доктор технических наук и профессор

кафедры «Вычислительная техника» в Московском институте инженеров транспорта (МИИТ). Сейчас 87-летний Гриша живет вместе с семьей в г. Пало-Альто в Силиконовой долине в Калифорнии близ Сан-Франциско. А в те годы это был молодой, высокий, интересный мужчина, очень талантливый, знающий, владеющий английским и весьма остроумный. Я бесконечно благодарен ему за учебу и помощь в освоении полупроводниковой вычислительной техники и конечно же, за Лидзаву. В 1960 году по его рекомендации мы остановились в двухэтажном доме Шамяля Насадзе, 40-летнего инспектора рыбоохраны, и его юной жены абхазки Гули и поначалу столовались в соседнем доме русской женщины Нади, бывшей домработницы Шамяля. Мы думали, что, судя по фамилии, хозяин нашего дома – грузин. Но, оказалось, что и он – абхазец. Из дома Шамяля можно было в плавках через чудесную сосновую рощу пройти на пляж, лежать на толстом слое хвои в тени сосен. «Дача Хрущева», обнесенная примерно трехкилометровым бетонным забором вдоль шоссе, уже была, но до строительства

современных дач тбилисских деятелей культуры и дачи Шеварднадзе при входе в Лидзавскую рощу было еще далеко.

Сосновая роща на пляже в Лидзаве

О Пицунде написано много. Именно эти места пришлось нам с женой по сердцу. Они для нас связаны со встречами и знакомством со многими очень интересными людьми.

В Пицунде отдыхало немало знаменитостей. Там можно было увидеть Беллу Ахмадулину и Бориса Можаева в Доме творчества Литфонда, Инну Чурикову и Лию Ахеджакову в Доме кинематографистов, Алексея Ивановича Аджубея, зятя Н. С. Хрущева, в Доме отдыха «Правда». Однажды мы спросили у молодого правдинского фотографа - соседа по столовой в Доме отдыха «Правда», кого он сегодня видел в Доме кинематографистов. «Рыбникова», - с удовольствием произнес он. «Ну и как Рыбников?». «Как в жизни», - прямодушно ответил молодой человек.

С некогда всесильным Алексеем Ивановичем Аджубеем у меня завязалось забавное и интересное общение. В то время он работал в журнале «Советский союз» и многое вспоминал. Как-то, придя к нам в номер, он спросил: «На каком съезде партии мы остановились?»

А однажды, зазвав меня в беседку около ДТ Литфонда, он рассказал мне и одному «правдисту» любопытную историю о том, как во время поездки с Хрущевым в США он был у Роберта Кеннеди, тогдашнего министра юстиции США, в его напминавшем частную квартиру кабинете с фотографиями его детей. Он пришел к Роберту Кеннеди, чтобы заступиться за небольшую коммунистическую партию США, состоящую в то время в основном из престарелых евреев. И увидел у Роберта значок с трехзначным номером, кажется, «614». Роберт пояснил, что это номер подводной лодки, на которой во время Второй мировой войны погиб старший брат Кеннеди. «Я закажу партию таких значков», - воскликнул Аджубей. «Зачем?» - спросил Кеннеди. «Я подарю их каждому члену Компартии США как символ верности Америке», - ответил Алексей Иванович.

Но нам ближе была интеллигентная публика диссидентского толка, которой было немало в Лидзаве и Пицунде. Со многими возникла многолетняя близкая дружба. Народ был очень интересный. Общение на пляже в Лидзаве с философом Мерабом Мамардашвили⁷⁶ у нас называлось «беседами с Сократом».

В разные годы я бывал в Лидзаве в разных компаниях – с друзьями и знакомыми по школе и по нашим дворам, по институту и по работе, по многолетней физтеховско-школьной компании, созданной моим школьным другом с довоенных лет, физтехом⁷⁷ Кириллом Ивановым и состоящей из членов знаменитой команды КВН Физтеха, и некоторых друзей Кирилла по школе и по работе. Компания эта регулярно дважды в год встречается на

⁷⁶ https://ru.wikipedia.org/wiki/Мамардашвили,_Мераб_Константинович

⁷⁷ Физтех – студент или выпускник Физтеха.

мальчишниках дома у Кирилла и существует до сих пор, несмотря на, увы, безвременные кончины некоторых замечательных ее членов.

Сначала несколько лет я останавливался в самой деревне Лидзава в абхазских и грузинских деревенских домах. Но в 1965 году по инициативе моего товарища Толи Смирнова, который неуютно себя чувствовал в атмосфере грузинского языка, мы переселились в поселок работников правительственной госдачи – в одной автобусной остановке от Лидзава. В маленьких коттеджах этого поселка, где жила обслуга госдачи, было очень комфортабельно (душ, ванна, туалет, горячая вода, газ) и тихо. Там я впоследствии отдыхал с друзьями и женой много лет, пока не построили Дом отдыха «Правда» при въезде в Пицунду. Но тогда Толе и там показалось скучно, и он переехал в Гагры – ближайший в то время эпицентр развлечений (знаменитые пансионаты в Пицунде еще не были построены) и поселился рядом с гагринским Литфондом.

Однажды, когда я приехал провести его, он на пляже Литфонда обратил мое внимание на маленького мальчика – внука двух знаменитых писателей Павла Бажова и Аркадия Гайдара.

В 1966 году мы приехали в этот госдачный поселок большой компанией, в основном из мальчишника Кирилла Иванова, и заняли весь двор, где находились жилищные кабинки, которые мы называли «домом писателей», в них поселились наши «писатели» – Сева Иванов и Юра Спаржин, пробовавшие себя в журналистике и литературе.

Пицунда. Международные пансионаты

Юра вместе с Кириллом⁷⁸ были известными физтеховскими кавээнщиками, авторами физтеховских песен. Я, как лидзавский старожил, был избран командором. Во дворе мы устраивали грандиозные вечера, на которые я однажды позвал сына моей прежней хозяйки по Лидзава – молодого необычайно красивого абхазца, что было оценено девушками нашей компании. Впоследствии, как я узнал, он стал одним из активистов в грузино-абхазской войне. В этих вечерах принимали участие наши единственные соседи по дому – чета пожилых интеллигентных ленинградцев, от которых слышали тост:

Мы поехали в Тбилиси
И там все перепились.
Шо-то пили, шо-то ели.
Шота Руставели!

Компания у нас подобралась до противности эрудированная. Любая пара слов – цитата либо из литературы, либо из анекдота. И мы решили в порядке борьбы за самобытность брать штрафы за каждую цитату. За цитату из литературы начисляли 100 очков, а за цитату из анекдота – 50 очков (считалось, что анекдоты меньше знакомы). Вести учет штрафов взялся

⁷⁸ [http://mipt.ru/za-nauku/hardcopies/2010/19\(1860\)/fiztehi.php](http://mipt.ru/za-nauku/hardcopies/2010/19(1860)/fiztehi.php)

математик Сережа Никитин, самый старший и знающий из нас, в прошлом чемпион по шахматам Московского дома пионеров, а тогда выступавший за шахматную команду Центрального дома литераторов, приятель Аркадия Арканова и других юмористов с 16-й полосы «Литературной газеты». Помню такой случай. Мы на машине спаржинских друзей собирались ехать в Сухуми, но не хватало мест. И Спаржин сказал: «Можете записать мне 100 очков, но Боливару не снести двоих». В Москве мы все зафиксированные Сережей штрафы сложили, положили какую-то небольшую сумму денег за каждое очко и устроили у меня дома грандиозный банкет, для которого специально нарисовали на большом листе ватмана «генеалогическое» дерево наших дружеских связей, в корне которого стоял «Иоанн Предтеча» – Кирилл Иванов. Но вернусь к нашим «писателям» – Юре Спаржину и Севе Иванову. Это были очень талантливые и остроумные люди. Оба работали в ракетно-космической фирме С. П. Королева⁷⁹ в Подлипках (ныне город Королев Московской обл.). Юра был одним из ведущих в отделе под руководством интереснейшего человека – Бориса Викторовича Раушенбаха⁸⁰, тогда доктора технических наук, а впоследствии – академика. Сева, постепенно перешедший на информационно-журналистскую работу в той же фирме, был приятелем своего однокашника по Бауманскому институту, заведующего отделом науки в «Комсомольской правде» писателя Ярослава Голованова⁸¹, будущего мужа Евгении Альбац⁸². И вот к 50-летию Раушенбаха вся эта троица преподнесла ему такой подарок.

Голованов организовал в «Комсомолке» издание как бы первой ее официальной страницы, на которой было опубликовано сообщение ТАСС о запуске нового космического корабля «Восторг», пилотируемого офицером запаса (по-моему, подполковником) доктором технических наук беспартийным Б. В. Раушенбахом. Рядом с сообщением ТАСС была помещена большая фотография, на которой к лысой голове Раушенбаха были приделаны плечи космонавта в погонах. Далее шли постановления Президиума Верховного Совета СССР «переименовать фуги Баха в фуги Раушенбаха», масса других шуток и наконец дурацкий разговор с Пицундой (аналогично разговору Н. С. Хрущева из Пицунды с космонавтами на орбите). «Пицунда: “Как себя чувствуете?” Раушенбах: “Чувствую себя хорошо”» и т.д. Весь текст этой страницы сделан Ю. Спаржиным и Вс. Ивановым при участии Я. Голованова. Но это еще не все. Спаржин и Сева Иванов поехали к Юрию Левитану⁸³, который зачитал это сообщение ТАСС, а ребята его записали.

Юбилей Раушенбаха отмечали недалеко от ВДНХ в ресторане «Звездный», который давно облюбовал Королев для подобных мероприятий. После первого тоста в зале вдруг зазвучали позывные Коминтерна и голос Левитана несколько раз объявил, что сейчас будет передано важное правительственное сообщение. Все приумолкли. И наконец, когда Левитан зачитал сообщение о запуске нового космического корабля, все были сначала в недоумении: какой конкурент мог запустить? Ну а когда услышали «Восторг» и «Раушенбах», это был большой успех. Юра ходил чуть не в обнимку с Королевым и говорил ему: «Сергей Павлович, давайте организуем у нас отдел сатиры и юмора». «Юра, – улыбался Королев, – только на общественных началах».

⁷⁹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Королёв,_Сергей_Павлович

⁸⁰ https://ru.wikipedia.org/wiki/Раушенбах,_Борис_Викторович

⁸¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Голованов,_Ярослав_Кириллович

⁸² https://ru.wikipedia.org/wiki/Альбац,_Евгения_Марковна

⁸³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Левитан,_Юрий_Борисович

Эту страницу «Комсомолки» Спаржин показал мне и Никитину перед самой нашей поездкой в Пицунду. Я и не думал, что буду писать об этом, когда уж нет на свете ни Спаржина, ни Никитина, ни Раушенбаха.

Много лет мы с женой дружили и с местными жителями, особенно с замечательной и добрейшей грузинской семьей Нади и Джанико Кереселидзе, родители которых после войны с Германией были переселены в Лидзаву из Кахетии. Их двухэтажный дом, в котором любила останавливаться Нани Брегвадзе, сожгли во время грузино-абхазской войны, но им самим удалось спастись и перебраться в Москву и Тбилиси. В их гостеприимном доме был прохладный винный подвал, где еще дедушка Тедико Кереселидзе, колоритная фигура, угощал нас изумительной чачей, маджари и прекрасным вином, культуру которого привез из Кахетии. Мы водили туда наших друзей. И хозяева полюбили нашего близкого друга Юру Брайловского, который однажды напоил там Владимира Дмитриевича Дудинцева, автора знаменитого в период оттепели романа «Не хлебом единым», опубликованного в 1956 году.

В Пицунде была очень интересная, насыщенная жизнь, поэтому, так же как в Коктебеле, было не до стихоплетства. А стихоплетством там я занимался только однажды – в 1968 году, когда некоторое время жил один, пока не приехали мои друзья. Тогда я валялся на хвое под соснами в Лидзаве в компании молодых грузинок, в которую ввела меня моя многолетняя приятельница по отдыху очень симпатичная и умная Манана Гедеванишвили.

Я познакомился с ней в Лидзавской роще примерно в 1962–1963 году. Она, студентка Тбилисской консерватории, считалась тогда признанным «мэром» Лидзавы и пользовалась всеобщим уважением и любовью отдыхающих тбилисцев. Она происходила из князей Гедеванишвили и была родственницей композитора А. П. Бородина, отец которого был князем Гедеванишвили. Ее двоюродным братом был замечательный Гудза Апакидзе⁸⁴, сын известного историка Грузии и потомок князя Апакидзе. А его товарищ – симпатичнейший Гиви – стал впоследствии мужем Мананы. С Гудзей и Гиви мы остановились в одном абхазском доме. Манана ввела меня в «высший грузинский свет» в Лидзаве и перезнакомила с очень приятной грузинской молодежью. Они относились ко мне как к старшему и делились своими

Виктор Жук и Манана Гедеванишвили, Лидзава

представлениями о жизни. С возмущением рассказывали о подавлении митингов и выступлений в Тбилиси в 1956 году в связи со знаменитым докладом Хрущева, посвященным разоблачению Сталина. Я попал в трудное положение: жесткого подавления я, конечно, не оправдывал, но был против сталинизма. Это они понимали. Однако до 1984 года – времени выхода гениального грузинского фильма «Покаяние»⁸⁵ Тенгиза Абуладзе – было еще далеко. Однажды, когда мы с Мананой беседовали на Лидзавском пляже, лежа на хвое, ко мне обратился по-грузински какой-то толстоватый мужчина в плавках. Она

⁸⁴ Впоследствии предводитель Санкт-Петербургского губернского дворянского собрания.

<http://inosmi.ru/russia/20130325/207351445.html>

⁸⁵ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Покаяние_\(фильм\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Покаяние_(фильм))

перевела: «Витя, он просит у вас спички» (я курил). Он спросил меня: «Армянин?». «Нет, - ответил я, - еврей». «Молодэц, что не боишься», - заключил мужчина с грузинским акцентом. Оказалось, что это известный композитор Лагидзе⁸⁶, автор знаменитой песни «Тбилисо»⁸⁷, дочь которого, красавица Ида, входила в студенческую компанию Мананы. С Идой была связана такая история. В нее были влюблены два тбилисских студента, и тот, которому не повезло, ночью решил плыть в море пока хватит сил. Товарищ долго ждал его, а потом побежал на погранзаставу, и неудачник был спасен на катере. На следующий день они рассказали мне об этом. Мы выпили по стакану вина, и неудачник сказал мне: «Витя, это больше не повторится».

Сразу за лидзавской рощей постепенно появились дачи изысканной архитектуры. Одна из них – дача знаменитой драматической актрисы Грузии Медеи Джапаридзе⁸⁸ и ее мужа писателя и режиссера Резо Табукашвили⁸⁹. Это была красивая пара, а Медея считалась самой красивой грузинской артисткой. Я был в дружеских отношениях с их чудесным сыном Лашей, который был моложе Мананы, но примыкал к ее компании. Сейчас он стал известным грузинским драматургом. О другой примечательной даче Манана сказала мне: «А это, Витя, дом писателя». Я сразу подумал, что для Дома писателей он маловат. Оказалось, что это дача Константинэ Гамсахурдия⁹⁰, знаменитого исторического писателя Грузии. Его сын Звиад⁹¹, в то время диссидент, стал впоследствии первым президентом Грузии. Мне приходилось заходить на эти дачи. Позднее, в 1976 году, на даче Звиада мне дали свежий американский журнал «Нью-Йоркер» (на английском языке), в котором подробно (с иллюстрациями) описывалась знаменитая операция «Энтеббе» 4 июля 1976 года по спасению израильским спецназом пассажиров самолета авиакомпании «Эйр Франс», угнанного террористами в Уганду⁹². Этот журнал мы штудировали всей нашей компанией на пляже. Впоследствии об этой операции был сделан кинофильм.

Одно время на лидзавском пляже можно было видеть грузинскую интеллигенцию, читающую учебники итальянского языка. Такой интерес к итальянскому языку был вызван бытовавшей идеей о родстве грузин с итальянцами. Хотя мне казалось, что правильнее было бы говорить о родстве грузин с испанцами. Например, сравните названия: Иберийский полуостров и Иберия (Иверия) – древнее наименование Грузии. Иверий – распространенное грузинское имя. В частности, директором московского Института технической кибернетики АН СССР был Иверий Варламович Прангшвили. Рассказывали, что кого-то из известных грузин спросили, почему в Тбилиси центральная гостиница называется «Иверия», а не «Иберия»? «Наверное, потому, – пошутил он, – что если бы в вывеске гостиницы буква «И» отвалилась или погасла, нас бы арестовали».

Но вернусь к Манане Гедеванишвили. Я познакомил ее с моим московским товарищем, работавшим на телевидении, и когда он приезжал в Тбилиси, в шутку звал ее «княжна». Я принимал Манану в Москве и водил ее к своему другу художнику Мише Рогинскому⁹³ смотреть его работы. Представил ее: «Великая княжна Грузии Манана Гедеванишвили». На что Миша

⁸⁶ https://ru.wikipedia.org/wiki/Лагидзе,_Реваз_Ильич

⁸⁷ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Тбилисо>

⁸⁸ https://ru.wikipedia.org/wiki/Джапаридзе,_Медея_Валериановна

⁸⁹ <http://www.rcmagazine.ge/component/content/article/1849.html>

⁹⁰ https://ru.wikipedia.org/wiki/Гамсахурдия,_Константин_Симонович

⁹¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Гамсахурдия,_Звиад_Константинович

⁹² https://ru.wikipedia.org/wiki/Операция_«Энтеббе»

⁹³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Рогинский,_Михаил_Александрович

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Кинто_\(Грузия\)#.D0.9A.D0.BD.D1.82.D0.BE_.D0.B2_.D0.BA.D1.83.D0.BB.D1.8C.D1.82.D1.83.D1.80.D0.B5](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кинто_(Грузия)#.D0.9A.D0.BD.D1.82.D0.BE_.D0.B2_.D0.BA.D1.83.D0.BB.D1.8C.D1.82.D1.83.D1.80.D0.B5)

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Улыбку их подстеречь я
Хочу, как московский вор.
Прощай, отпускная скука,
Прощай, лидзавский покой.
Лидзава, надолго ль разлука?
До новой встречи с тобой.

От нечего делать написал из Лидзавы стишок Алле Берестецкой, ездившей отдыхать в Прибалтику (после отдыха в Паланге в 1956 году я решил, пока здоровье позволяет, отдыхать на юге):

Мой миленок – пицундист.
В этом он рецидивист.
Ну а я, пожалте-ка,
Отбыла в Прибалтику.
Приехала в Ниду
Показывать виды.
А в Прибалтике отлично –
До черта особ столичных.
Все, кто юны,
Лезут в дюны.
При бодрящем ветерке
Не боятся налегке.
Лучше жрать шашлык в Москве с соусом ткемали,
А Пицунду с Черным морем мы в гробу видали.

Перед отъездом в Пицунду моя сослуживица сначала по Институту электронных управляющих машин, а затем по НИИ вычислительных комплексов, Валя Предтеченская, подарила мне замечательные темные очки. Она окончила компьютерный техникум, очень интересовалась схемотехникой и, работая в другой лаборатории, помогала мне в некоторых исследованиях из чистого интереса. Впоследствии я был у нее руководителем дипломного проекта. Позднее она перешла работать в НИИЦЭВТ (НИИ цифровой электронной вычислительной техники) и стала там ведущим инженером. Она была замечательным человеком и прекрасным работником.

Темненькая (наполовину русская, наполовину азербайджанка), она была симпатичной, умной и волевой женщиной. Увы, неожиданно покончила с собой по неизвестным мне причинам. Но я и все сослуживцы по нашей работе будем ее помнить, пока живы. А тогда я послал ей из Лидзавы в Москву стишок с благодарностью за очки:

Очки

Через зеленое стекло
Я вижу вновь, к чему влекло:
Лидзаву, сосны, море.
Любуюсь на просторе,
Как в сказке иллюстрацией,
Как в театре декорацией.
Глазам своим не верю я:

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Передо мной – Иверия!
В очках, да будет мне наука,
Не страшна никакая скука,
На пляже разные сачки
Дерутся за мои очки.
Хотят волшебные очки
Напялить на свои зрачки.
А некоторые даже
Хотят это на пляже.
В Пицунде мне прохода нет –
Всем надо знать очков секрет.
За ответом посылаю
Всех к Предтеченской я Вале.
Секрет по требованию
Сообщит вам до востребования.
Сам растроган и так далее,
Говорю: спасибо, Валя.

И сейчас, когда бываю в парке Покровское-Глебово-Стрешнево и вижу ее дом по другую от парка сторону Волоколамского шоссе, всегда вспоминаю ее.

На этом мое стихоплетство в Пицунде закончилось.

Аналогично тому, как в Коктебеле славились прогулки на Кара-Даг, в Лидзаве привлекали путешествия в Мюссерские холмы, походы по берегу вдоль них к спортлагерю МГУ и далее – в Мюссы, где была другая правительственная дача. По пути были пещера, ущелья и пляжи, освоенные «дикарями», жившими в палатках. По дороге в спортлагерь МГУ на окраине Лидзавы в одном из абхазских дворов небольшой светловолосый абхазец с семьей держал частный зоопарк.

В нем были две молодые львицы, барсук, обезьяна и кто-то еще. Одну из львиц, которую, кажется, звали Тереза, хозяева выпускали во двор, где с нею фотографировались желающие, приходившие с пляжа в плавках. Они давали львице сгущенку и могли обнять ее. «Не поворачивайся к ней спиной», – крикнула хозяйка моему товарищу Толе Кагановскому⁹⁵, когда он отходил от львицы. Фотографировать могли только хозяева. На фотографиях видно, как Толя кормит львицу, а его маленькая дочь Лиля кормит барсука.

Анатолий Кагановский с львицей, Лидзава

⁹⁵ См. о нем выше в разделе «В Крыму».

Лиля Кагановская с барсуком, Лидзава

Когда выпускали львицу, всех посторонних выгоняли со двора. Мы же оставались как «свои». И, признаться, нам было не по себе. Хозяин производил несколько странное впечатление. И я спросил о нем нашего знакомого — психиатра, который тоже оставался во дворе: «Он нормален?». Тот улыбнулся: «Йогнутый». Говорили, что однажды, когда мы с женой бродили по Мюссерским холмам, туда сбежала Тереза, которую удалось вернуть домой. К счастью, мы с ней там не

встретились. Это было в 1973 году. Вообще забавных эпизодов в Пицунде было немало. Расскажу об одном из них. Много позже описанного знакомства с частным зоопарком на городских Пицундских пляжах стал заметен интерес к нудизму. Разумеется, на пляжах знаменитых международных пансионатов и пляжах домов отдыха кинематографистов, «Правды» и Литфонда, а также на Лидзавском пляже нудисты не наблюдались. Однако на просторных городских пляжах, протянувшихся на несколько километров, места для них было предостаточно. Специальных нудистских пляжей в Пицунде не было. Просто все было вперемежку. И мы с друзьями некоторое время отдавали небольшую дань этому поветрию. Однажды мы с женой и еще одной парой из Дома творчества Литфонда расположились в нудистском «районе». И поскольку все-таки не все из нас успели раздеться полностью (топлес уже имел место), то к нам подошли сидевшие неподалеку местные (грузинские, абхазские?) взрослые парни, продававшие кукурузу, и, потупя очи, спросили, долго ли мы здесь будем. Мы ответили, что долго. Тогда они попросили нас продать их кукурузу, а сами они пока уйдут, т.к. им неудобно здесь находиться среди нудистов. Мы согласились. Кукуруза была перенесена к нам. Ее хозяева ушли. И к нам потянулись окрестные нудисты, преимущественно молодые нудистки из журналистской «Правды», Дома кинематографистов и Литфонда. Выстроилась даже небольшая очередь обнаженных. Они сами клали деньги и брали кукурузу. Мы только немного помогали и обменивались с ними репликами. Через пару часов хозяева кукурузы пришли за выручкой и за своими пустыми корзинами, так же потупя очи. Так патриархальность нравов местных мужчин сопротивлялась необходимости заработать, продавая продукты своего труда. Но тут еще сработала их смекалка: к одетым мужчинам, тем более местным, обнаженные покупательницы вряд ли подошли бы даже за желанной кукурузой.

В этом небольшом эссе, посвященном Пицунде, я кратко затронул лишь один пласт воспоминаний, касающийся в основном первых лет отдыха в Лидзаве, тбилисских грузин и моего лидзавского стихоплетства. Воспоминания же о многолетнем отдыхе в Пицунде значительно шире и охватывают большое количество интересных людей, подаривших нам свое общение и дружбу, — жителей Лидзавы и нескольких городов страны.

*Нина Страшнова и Юрий Брайловский,
Пицунда, Литфонд*

Коротко назову некоторых из них. Начну с геолога Юрия Викторовича Брайловского, ныне покойного, и его жены, редактора Нины Страшной, с которыми мы познакомились в мае 1979 года в Пицунде. Юра, высокий, интересный, колоритный человек, знаток литературы и искусства, познакомил меня с Андреем Донатовичем Синявским и Марьей Васильевной Розановой, с которыми он, будучи геологом, бродил по лесам российского Севера. Юра представил меня как автора нашумевшей статьи в «Октябре» - открытого письма А. Ананьеву⁹⁶ в защиту А. Д. Синявского, Вас. Гроссмана и «Октября».

Литераторы и редакторы Сережа Иванов, его жена Лиля Петрова и Сережина дочь Катя. Сережа, тонкий и умнейший человек, тогда – заместитель главного редактора журнала «Наука и религия», сам того не подозревая, стал моим учителем в публицистике. Затем он работал в нью-йоркской студии «Радио «Свобода»».

*Сергей Иванов, Виктор Жук,
Лиля Петрова и Катя (лежит), Лидзава*

Литераторы и редакторы Юлик Медведев и его жена Ада Сконечная, симпатичные коллеги Юлика по журналу «Изобретатель и рационализатор», где он был, по существу, главным редактором.

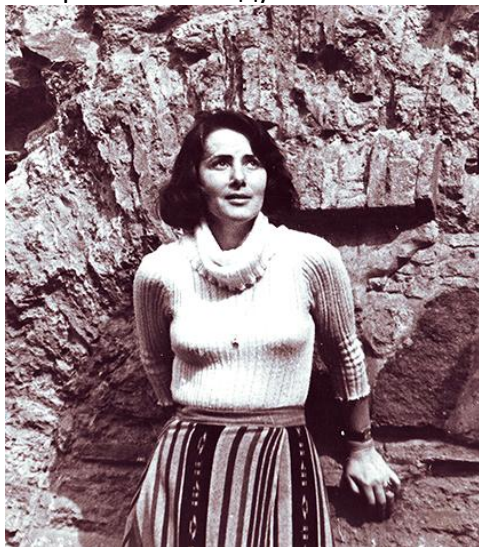
⁹⁶ Открытое письмо В. Жука главному редактору журнала «Октябрь» А. А.Ананьеву, опубликованное на сайте МОССАЛИТа («Октябрь», 1989, №12).

Нина Дубровина, Владимир Блантер, Виктор Жук, Татьяна Курбакова, Лидзава

Владимир Матвеевич Блантер, ответственный секретарь журнала «Природа» и литератор, писавший под псевдонимами Владимир Полянин и Владимир Долинин, сын известного композитора, и его жена, врач Гематологического центра Нина Алексеевна Дубровина, которую он трогательно звал Марусей. Обоих, увы, уже нет. Дружившие с ними профессор иммунологии с мировым именем Семен Владимирович Скуркович и его семья, эмигрировавшие в США, а тогда жившие рядом с нами около Новодевичьего

монастыря. Наши тбилисские друзья – физики Володя Шухман и Костя Лианозов, после распада СССР ставшие москвичами. Старый «лидзавец» из Магадана, а затем известный журналист газеты «Культура» Юра Пологонкин и его жена Ира, живущие сейчас в Назарете, где Юра издает газету «Индекс». В 2001 году он издал там свою книгу «Евреи разных национальностей», которая в 2003 году вышла в Москве под названием «Такие разные евреи».

Инна Брянская

Наша близкая подруга Инна Брянская, скончавшаяся недавно в Сиэтле. Во второй половине 80-х и в 90-х годах она была заведующей отделом публицистики журнала «Октябрь» – в самое горячее перестроечное и постперестроечное время, когда в «Октябре» было много потрясающих публикаций. При ее участии были опубликованы интереснейшая статья Сергея Лёзова «Национальная идея и христианство» и знаменитая переписка двух известных политзаключенных Кронида Любарского и о.Сергия Желудкова «Христианство и атеизм». В юности Инна жила на Патриках (Патриарших прудах) и была необычайно хороша. Она вспоминала, как жила тогда в одном доме с мамой Александра Галича, известного в те времена своей песней «До свиданья, мама, не горюй». И наконец совершенно замечательный человек

– Александр (Шурик) Товбин, ленинградский архитектор, оказавшийся хорошим знакомым Сережи Иванова. С Шуриком я познакомился задолго до встречи в Пицунде через его двоюродного брата – моего московского товарища Толю Кагановского. В последнее десятилетие А. Товбин стал автором трех больших романов⁹⁷. И это еще далеко не весь список многолетних друзей по Пицунде – Лидзава.

⁹⁷ Книги Александра Товбина, опубликованные в СПб издательством «Геликон плюс»:

«Портрет художника в детстве, отрочестве и юности» (2007);

«Приключение сомнамбулы» (2008), два тома, в которые вошел роман «Портрет художника...»;

«Германтов и унижение Палладио» (2014).

*В Мюссерских холмах, село Агараки.
Александр Товбин, Татьяна Курбакова,
Сергей Иванов, Виктор Жук*

*Сергей Иванов, Александр Товбин,
Виктор Жук*

М. Панфилова. Адалары, Гурзуф. Холст, масло, 2005 г.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Вероника Черных
(Москва)

Представьте себе... Вот просто поиграйте мысленно в художника комиксов, разделив текст на части. Комикс по вашей сказке (любую выбирайте, какую не жалко). 20-40 рисунков, на каждом из которых одно действие (одна маленькая история). Вот попробуйте текст сказки разделить на картинки - пронумеровать кусочки текста, сразу будут видны и нарушение ритма, и повторы, и длинноты, и "невидимые" места.

СКАЗКА О ВОЛЧОНКЕ РОМКЕ

Жил-был в игрушечном магазине волчонок Ромка. В его сером животике жил звонкий мальчишеский голосок, который мог петь:

Не тужи, дружок, не печалься!
Добрый, смелым и простым оставайся!
Побежали вприпрыжку в лесок!
Выкинь грусть! Ух, вот это бросок!
У ручья ты напейся, и – в путь:
Надо маме улыбку вернуть...

Только никто не слышал песенку волчонок Ромки, потому что стоял он в глубине полки и его заслоняли заяка, ёжик, лисёнок и лошадка... А ему очень хотелось спеть её одному единственному существу – Хозяину. Появится ли он у него?

И вот однажды в магазин зашли мальчик с мамой. Мама называла сынишку Ромкой, и волчонок востепенулся. Мальчика зовут так же, как и его! Волчонок наострил уши и потянулся вперёд. А юный покупатель с волнением оглядывал полки, набитые игрушками. Мама спросила:

– Ну, Ром, что тебе понравилось?
Мальчик осторожно трогал игрушки и отвечал:
– Мам, я не знаю. Все такие хорошие!

Волчонок Ромка чуть не закричал: «Я здесь, я здесь! Найди меня, Ромка, я хочу к тебе!» И вдруг голос, который в нём жил, сам собой неожиданно запел:

Не тужи, дружок, не печалься!
Добрый, смелым и простым оставайся!..

Мальчик Ромка вскинул глаза на полку, где стоял волчонок, протянул руку, отодвинул в сторону зайку, ёжика, лисёнка, лошадку и увидел его! Вот он, серый зверёк с пушистым хвостом, в красной шапочке между ушей и красным платочком вокруг шеи!

– Мама! – позвал мальчик. – Я нашёл себе подарок на день рождения! Смотри, какой волк!

Он прижал игрушку к себе, потрогал белые тряпичные зубки, чёрный носик, погладил хвостик... Но мама посмотрела на бирку, где была написана цена, и ахнула:

– Ничего себе! Ром, ты знаешь, сколько он стоит?

– Сколько? – встревожено спросил мальчик, прижимая к себе волчонка.

– Очень много! – мама изумлённо покачала головой. – Шестьсот восемьдесят рублей! И за что, скажи на милость, такие деньги?

Она присела перед сынишкой и обняла его.

– Мы не сможем его купить, – сказала она. – У нас нет столько денег. Может, выберешь что-нибудь другое?

– Ладно, мама, – прошептал мальчик Ромка, прижав к себе волчонка Ромку, – давай купим маленькую пластмассовую машинку. А волчонок пусть... пусть найдёт себе другого хозяина.

«Я не хочу другого! – закричал волчонок. – Я хочу тебя!».

Но что он мог сделать?.. Ведь его никто не слышал.

Мама вздохнула. Мальчик пристально поглядел в чёрные глазёнки волчонка, потрогал ушки, хвостик, лапки, шапочку, пощипал нос, потянул за белые треугольнички тряпичных зубов. Ещё раз песенку прослушал.

– Прости, волчонок, – проговорил он, – я не могу забрать тебя с собой... Но ты здоровский! Честное слово!

Он со вздохом вернул волчонка на полку. Мама сжала маленькую тёплую ладошку сынишки и увела его из магазина. Из чёрных глаз-бусинок волчонка выкатились самые настоящие слезинки. Упали капельки, ударились об пол и вдруг вспыхнули радугой! Радуга протянулась с пола прямо до лапок Ромки. Волчонок встал на радугу, смело шагнул и съехал, как по горке, вниз. Радуга тут же растаяла. Волчонок встал на лапы и сперва неумело, а затем всё увереннее побежал по следу, который оставил мальчик Ромка: ведь у волков отличный нюх. Даже у игрушечных.

Пробрался волчонок мимо полок с игрушками, мимо сапог и ботинок к двери. Попытался открыть – не открывается. Тяжёлая. Как быть?! И вдруг кто-то открыл дверь. Ромка не растерялся, юркнул в щель и спрятался за ближайшей урной. Больше всего на свете он теперь боялся, что его найдёт чужой ребёнок и заберёт себе. Немного подождав, волчонок высунулся из-за урны, принялся. Вот он, яркий след – запах мальчика Ромки! А рядом – запах его мамы. И тут в игрушечный носик ударил очень неприятный дух. Поднял голову волчонок Ромка и на хвост пушистый присел от страха: наклонился к урне страшный дядька – грязный, в засаленной одежде, и пахнет от него плохо.

Дядька сунул руку в урну, достал оттуда стеклянную бутылку, положил в драную авоську. Поглядел, нет ли возле урны ещё пустых бутылок, и заметил прижавшегося к земле красивого серенького волчонка.

– Ого! – обрадовался дядя. – Симпатичная игрушка. И не дешёвая, факт. Её можно продать, как и пустые бутылки. Я получу хорошие деньги и неделю пировать буду!

И он потянулся к находке. От отчаянья Ромка оскалился, как настоящий волк. Зубы его стали твёрдыми, острыми, и он цапнул приблизившуюся к нему страшную руку. Дядька ойкнул, отдёргнул руку, поглядел на укус.

– Ах ты! – сказал дядька. – Какой сердитый! Лучше безопасными бутылками обойдусь.

И ушёл. Волчонок Ромка облегчённо вздохнул и дальше побежал, к земле принохиваясь, следы разыскивая. Вот на перекрёсток попал. А там светофор горит разными огнями, мимо огромные машины едут туда-сюда, туда-сюда. А запах мальчика и его мамы через дорогу ведёт.

Придётся и ему через дорогу бежать. Притаился волчонок возле светофора. Загорелся зелёный – и он вместе с пешеходами перебежал. Вдруг заметила его маленькая девочка.

– Ой! – сказала девочка и остановилась. – Собачка!

«Я не собачка, – фыркнул Ромка, – я волчонок!»

– Я хочу его взять! – заявила девочка маме.

– Ну, возьми скорее, и пошли, – согласилась мама.

Девочка присела перед волчком и протянула ручки, чтобы его взять. Волчонок испугался и зажмурился изо всех сил: хоть бы он стал невидимым! И вдруг девочка увидела рядом с игрушкой большущую красивую сверкающую брошку и забыла про всё на свете. Схватила украшение и убежала. Волчонок Ромка облегчённо вздохнул и дальше потопал.

Тут из-за угла на него бросился рыжий бродячий пёс.

– Р-р-р! – прорычал пёс. – Ты кто такой непонятный?

– Я Ромка.

– Что за Ромка?

– Волчонок.

У пса шерсть дыбом, клыки напоказ.

– Мы с волками лютые враги! – рявкнул он. – Ну держись, враг, я тебя покусая!

Не успел волчонок шагу ступить, как бросился на него рыжий бродячий пёс, ну его за ухо таскать! А сам сквозь зубы рычит:

– Я тебе покажу, что такое настоящая собака!

– Не тронь меня! Пожалуйста! Я хозяина ищу! – стал просить Ромка.

А пёс не слушает, треплет его и треплет! Взмолился волчонок:

– Пусты меня! Я же не настоящий волк, я игрушечный волчонок, и мне очень надо попасть к мальчику Ромке, чтобы стать ему настоящим другом!

Пёс услышал волчка и вдруг застыл. Выплюнул его, кашлянул.

– Э-э... так ты, значит, хозяина ищешь?

– Хозяина.

– Ну ладно, ступай себе. Всё равно ты не настоящий, ты игрушечный, и не волк, а крошечный волчонок. А значит, и не враг вовсе... в общем, удачи тебе.

И рыжий пёс смущённо повернулся к волчку хвостом и потрусил себе восвояси.

– Спасибо тебе! – шепнул волчонок.

Отлежался он и дальше потопал. С трудом топал: ухо надорвано, шов кое-где разошёлся. Вот перед ним – овраг. В овраге толстые трубы. Через овраг перекинут такой узкий да хилый мостик, что идти по нему боязно. А надо: по нему Ромка с мамой прошли. Надо и волчку идти. И волчонок пошёл. Ветер дует, по спине стегает, вот-вот столкнёт его в овраг! Но не ветер его толкнул, а чья-то торопливая нога. Бух! – и волчонок Ромка полетел с мостика вниз головой. Упал прямо на толстую трубу. Встал на лапки и с тоской огляделся. Не подняться ему по скользким глиняным скатам оврага. Что делать? Заплакал волчонок.

Тут с неба спустилась к нему сорока-белобока. Схватила волчка и понесла в своё гнездо, чтобы устлать дно мягким тельцем волчка. Пусть, мол, сорочата на перине спят. Уж недалеко до гнезда, да изловчился волчонок, куснул сороку-белобоку за палец. Сорока и выпустила его из лап. Сама улетела, на вершину сосны села, а волчонок упал прямо в грязную лужу, что

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

собралась после дождя на тротуаре. Что делать? Эх... ведь таким – мокрым, грязным, с надорванным ухом и распоротым швом – он мальчику Ромке совсем не будет нужен!

Понурился волчонок, идёт куда глаза глядят. Всякую надежду потерял. И вдруг он учуял запах Ромкиной мамы! Ура! Из последних сил зверёк понёсся вперёд. Подскочил и радостно ткнулся в ноги молодой женщины.

– Ай! – вскрикнула от неожиданности мама мальчика Ромки. – Что это?

Увидела волчонка и едва узнала:

– Батюшки светы! Да это же та игрушка, которая понравилась моему Роме! Как она здесь оказалась?

Она подняла волчонка и осмотрела его.

– Какой ты чумазый стал... и ухо у тебя надорвано, и шов распоролся... Надо тебя подлатать и вернуть в магазин.

«Нет-нет! – взвыл волчонок. – Только не в магазин! Я так долго шёл к Ромке! Не разлучайте нас!»

Но мама среди людского шума ничего не услышала. Принесла она волчонка домой и пока сын был в гостях у бабушки и дедушки, распорол игрушку, простирнула, вынув из неё говорящую коробочку, прополоскала и повесила сушить. В уютной квартире было тихо, тепло, пахло мальчиком Ромкой. Пока волчонок сох, он заговорил с мамой, и она его услышала! Тогда он шёпотом рассказал ей о своём путешествии. Та ахала и удивлялась: как это он все трудности и опасности преодолел!

Когда звёрек высох, мама аккуратно его сшила, не забыв вставить в мягкий серый животик говорящую коробочку. Лучше прежнего получился волчонок Ромка. Ах, как ему хотелось остаться здесь навсегда! Но мама принесла волчонка в игрушечный магазин. Там она отдала волчонка продавщицам и рассказала им его историю. Продавщицы тоже ахали и удивлялись. А потом пошептались и сказали маме:

– Нет, это уже не наш волчонок. Он нашёл вас в таком большом городе, хотя сам такой маленький и беззащитный, и теперь он ваш. Мы дарим его вашему сыну Ромке.

Мама очень обрадовалась и унесла волчонка домой. И вот мальчик вернулся домой. Мама поцеловала его и сказала:

– А знаешь, кто тебя сегодня нашёл?

– Кто? – спросил мальчик Ромка.

Мама вынула из сумки игрушку.

– Волчонок Ромка! – обрадовался мальчик.

– Он ушёл из магазина и долго-долго тебя искал и преодолел много опасностей, – сказала мама. – Я расскажу тебе о них...

Счастливый мальчик гладил волчонка, слушал о его приключениях, рассказывал ему о своих делах, а волчонок в ответ звонко читал Хозяину свой любимый стишок:

Не тужи, дружок, не печалься!

Добрый, смелый и простым оставайся!

Побежали вприпрыжку в лесок!

Выкинь грусть! Ух, вот это бросок!

У ручья ты напейся и в путь:

Надо маме улыбку вернуть...

СКАЗКА О ДЫРЯВОМ ЛИСТИКЕ И КОВАРНОЙ ГУСЕНИЦЕ

В солнечную погоду гуляла Ксения с мамой по ясеневой аллее. На нижней веточке дерева Ксения увидела странный листочек: зелёный, но весь-весь почему-то в дырочках. Листик трепещет, волнуется, чуть не кричит. Ксения остановилась, сорвала его и спросила удивлённо:

– Листик, а почему все листики целые, а ты – в дырочках?

– Не знаю, Ксения, – грустно сказал Дырявый Листик маминым голосом. – Может, потому, что меня гусеница покусывала?

– Какая гусеница? – спросила Ксения. – Жёлтая мохнатая?

– Нет. Зелёная и гладкая. И с зелёными глазками, – ответил Дырявый Листик.

– А зачем она тебя покусывала? – удивилась Ксения.

– Ты знаешь, Ксения... – промолвил в раздумье Дырявый Листик. – ...Я не знаю. Она приползла ко мне по веточке, осмотрела меня и сказала: «Какой ты, листик, слабенький! Потрогай: мышц-то у тебя совсем нету! Не нарастил! Как от ветра отбиваться будешь?». Я ей сказал, что не знаю, как. Спросил, что мне делать. А она мне и говорит: «Давай, я тебе массаж сделаю, мышцы твои укреплю». Я и согласился... Хотя не знал, что такое «мас-саж».

– И она сделала? – затаив дыхание, спросила Ксения у Дырявого Листика.

– Не знаю... Я же молодой листик, многого не знаю... Что такое массаж?

– Ну, масса-аж... – протянула Ксения. – Ну, это... когда твою спинку руками мнут, пощипывают и поглаживают.

– Вот как! – сказал Листик. – Интересно... А я не знал и согласился. Вползла гусеница мне на спинку, принялась ползать и меня пощипывать и покусывать. А разве при мас-са-же покусывают, Ксения?

Ксения немного растерялась:

– Я не знаю. Но, по-моему, не покусывают. Меня, кажется, не кусали.

– А меня вот кусали! – вздохнул Листик. – Покусывала она меня, покусывала, покусывала и покусывала, да больно так! Я и давай вскрикивать: ой да ой, ай да ай, эй да эй!

– А она? – с любопытством спросила Ксения.

– А она говорит: «Терпи! Массаж – дело серьёзное, его терпеть надо».

– А ты?

– А я терпел. Раз надо. Я вообще терпеливый листик.

Ксения вздохнула.

– Оно и видно... А потом что?

– Что потом?

– Она сделала тебе массаж и уползла?

Листик вздохнул:

– Точно. Когда я уже заплакал, гусеница фыркнула, перестала делать массаж и сказала: «Какой ты нетерпуша, листик! Не буду больше делать тебе массаж, раз так».

– И уползла? – поразились Ксения.

– И уползла, – согласился Дырявый Листик.

Ксения печально покачала головой.

– Бедный, бедный листик!

Листик всполошился:

– Почему? Почему я бедный?

– Потому что... Ты себя в зеркале видел?

– А что такое зеркало?

Ксения захлопала глазами.

– Зеркало? Ну, это такая плоская... э-э... дощечка... На неё смотришь – и видишь себя.

– Как в луже? – обрадовался Листик.

– Почти. Очень похоже, – согласилась Ксения. – Так вот, если бы ты увидел себя в зеркале...

– Как в луже, – уточнил Листик.

– Да. Тогда ты бы увидел, что весь – буквально весь! – в дырках.

– Почему?! – огорчился Листик.

– Наверное, потому, что твоя знакомая гусеница – коварная, и она вовсе не лечила тебя и не делала массаж.

– А... что же она делала? – испугался Листик.

– Ну... – Ксения с жалостью вздохнула. – Она тебя кусала, потому что хотела кушать.

– Какая коварная! – воскликнул Листик. – А мне говорила, что делает мне мас-саж... Что же теперь со мной будет?! Ведь я теперь совсем... совсем калека, потому что весь дырявый.

Ксения легонько погладила Дырявый Листик.

– Бедный ты, бедный... – сказала она. – Но ты не бойся, слышишь, милый листик? Я возьму тебя к себе домой.

– Навсегда? – оживился Листик. – Или... это... на денёк?

– Нет, не на денёк, – успокоила его Ксения. – Я возьму тебя насовсем. Возьмём, мама? – спросила она, и мама кивнула:

– Конечно, возьмём. Видишь, он какой.

– Дырявый? – грустно спросил Дырявый Листик.

– Ажурный, – поправила мама.

И они отправились домой. А дома Листик приклеили на цветную бумагу, вставили в рамочку и повесили на стенку в комнате Ксени. Листик был очень доволен.

А коварная гусеница превратилась в бабочку. Она случайно впорхнула в комнату Ксени, увидела листик и пролепетала:

– Ах! Какой прелестный ажурный листик! Словно крыло бабочки!

Она забыла, что, будучи гусеницей, делала листику «массаж». А наивный листик не узнал в красивой бабочке коварную гусеницу. Он радовался, что у него появились настоящие друзья.

СКАЗКА О БЕЛОМ ЁЖИКЕ

Жил-был в лесу маленький Ёжик с чёрными иголками. Колючим клубочком топтал он по земле среди травы и никому не был виден – ни друзьям, ни врагам, до того он был незаметен. Ни с кем он не дружил, никому не помогал, всего боялся, всех страшился.

Однажды столкнулись они лбами с быстроногим Зайкой из соседнего перелеска. Остановился Зайка, сел на хвостик и говорит:

– Ёжик! Ты почему такой чёрный? Давно не мылся?

Ёжик удивился:

– Мылся? А что это такое?

– Мыться – это значит смывать грязь водой!

– Этого я никогда не делал! – признался Ёжик.

Зайка заскакал вокруг Ёжика и затараторил:

– Как же так – ты что, с самого рождения не мылся? И мама тебя не мыла? И папа? И бабушка? И дедушка?

– Нет, – нахмурился Ёжик.

Зайка ненадолго задумался.

– Слушай, Ёжик! А пойдём к речке!

– Зачем это? – насупился Ёжик. – Я воды боюсь. Вдруг утону?

– Я тебе помогу: буду за лапки держать, и ты не утонешь, а просто искупаешься. А то вон у тебя какие чёрные иголки! И ножки чёрные, и мордочка! Как ты запачкался за всю свою жизнь! Или на солнышке загорел. Хотя нет... Кажется, как раз ёжики не загорают на солнышке.

– Зато меня никто не видит! – возразил Ёжик.

– Так это хорошо, только чтобы прятаться от врагов, – согласился Зайка. – А для друзей это плохо. Вообще непонятно.

Не было у Ёжика друзей, ведь он от всех прятался, от всех убегал. А тут Зайка с ним дружить захотел! А вдруг Зайка обидится и упрыгает себе обратно в свой перелесок? И останется Ёжик опять один. А так не хочется!..

И Ёжик согласился идти на речку-ручеек. Повёл Зайка Ёжика в путь. Дорога дальняя – через рожицу, полянку и пригорочек. Идут не торопясь, а навстречу им Лиса Жёлтые Глаза, тощая, голодная. Зайку увидела, а Ёжика – нет: он с землёй слился.

– Попался, Заяц-убегает! – завертелась она юлой. – Вот я тебя съем на завтрак!

Задрожал Зайка. Глаза косые зажмурил. А Ёжик вдруг смело чёрные иголки растопырил, на Лису наступает, колет её в лапы, колет. Заскулила Лиса Жёлтые Глаза от боли и убежала восвояси, не тронула зайку. Перевели малыши дух. Дальше шагать надо.

Идут не торопясь, а навстречу им Серый Волк – тощий, голодный. Зайку увидел, а Ёжика – нет: он с землёй сливается.

– Попался, Заяц-убегает! – зарычал. – Вот я тебя съем на завтрак!

Зайка задрожал, ноги от страха отнялись, стоит – не дышит. А Ёжик вдруг смело свои чёрные иголки растопырил, на волка наступает, колет его в лапы, колет. Заскулил Серый Волк от боли и убежал, не тронул Зайку. Перевели малыши дух. Дальше шагать надо.

Ладно. Пришли они на речку-ручеек. Вода в ручейке чистая, прозрачная, х-холо-одная! Потрогал Ёжик воду лапкой – бр-р!

– Может, нам не стоит купаться? – засомневался он. – Мы простудимся!

Но Зайка только головой помотал – так, что уши в разные стороны залетали.

– Ты что! Я же обещал тебе помочь! И я помогу! Полезай!

Ёжик покорно вздохнул и полез в воду. Хоть и холодно, а терпеть надо: обещал Зайцу. Ведь теперь он его друг! Стоит Ёжик в ручейке, а Зайка его моет, по спинке трёт и вскрикивает:

– Ой! Ай! Уй!

– Ты чего кричишь? – пыхтит Ёжик.

– Ничего! – отвечает Зайка, а сам трёт Ёжику спинку и морщится: – Ай! Ой! Уй!

Наконец оттер черноту с Ёжикиных иголочек и сразу исколотые лапы в воду сунул, а потом в рот, чтобы ранки зализать. А Ёжик поглядел на своё меняющееся в струйках воды отражение и ахнул:

– Ничего себе! Это кто такой белый?

Пригляделся – ба! – да это ж он сам. Потрогал иголки, а они мягкие стали! Что же теперь делать?! Как он будет от врагов защищаться?! Заплакал Ёжик горько-горько:

– Меня, белого, теперь любой враг издали углядит! А об мягкие иголки не уколет и сразу меня проглотит – не поморщится! Что я делать буду?!

Тут он заметил, что Зайка лапки сосёт, и спросил:

– Ты чего лапы сосёшь?

– Да ничего, – промямлил Зайка, зажал лапки подмышками и с гордостью оглядел Ёжика. – А что, очень здорово получилось! Ты весь чистый и опрятный! Тебя и мама родная не узнает!

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

– Это точно, – вздохнул Белый Ёжик. – Идём к ней с повинной головой, пусть она меня хоть глиной помажет, чтоб не так выделяться на земле...

– Ты что! – возмутился Зайка. – Всю работу насмарку?!

Хотел было Ёжик ответить, как вдруг над ними старая знакомая – Лиса Жёлтые Глаза рыжим облаком нависла.

– Ой, кто тут у нас? – вкрадчиво спросила. – Неужто Заяц и Ёж? Здорово. Один серый, другой белый... Просто замечательно! Как тебя видно хорошо, Ёжик ты мой вкусненький! А иголочки у тебя какие мягонькие! Загляденье-объеденье! М-ням просто!

Оскалила Лиса пасть, нагнулась к Ёжу, да вдруг зажмурилась, отпрянула от него.

– Ой! – завывала, заныла. – Ослепла! Ослепла! Ты как солнышко сияешь, силы света ты не знаешь! Я тебя боюсь!

Хвост роскошный поджала, отступила и попятилась в кусты да в них и исчезла. Удивились Ёжик и Зайка: чего это она? Не сверкал вовсе Белый Ёжик! Просто бросился друга защищать. Видно, померещилось Лисе. Так что нельзя на месте стоять, надо скорее убегать! Вдруг она опомнится и вернётся!

Побежали зверята, да разве скроешься от длинноногой рыжухи? У одного лапки поранены, а другой и прежде не шибко-то умел бегать. Запыхались и остановились у молодой берёзы. Кора у берёзки белая, у Ёжика иголки и тельце белые – глядит Зайка, а Ёжика-то нет! Сливается с берёзой! Белое-то на белом не видно.

– Ну, теперь можно передохнуть! – сказал Зайка, часто дыша. – Тебя у берёзки и вовсе не видать! А ты... это... видел, как тебя Лиса испугалась?

– Разве она меня? – усомнился Ёжик. – Ведь она большая, сильная, а я маленький да слабый. Куда уж мне её пугать! Я вон любого шороха боюсь...

– Зато ты мне помогаешь! И ещё поможешь! И другим! – вскричал Зайка. – Идём скорее отсюда.

И пошли они домой. Вдруг над ними Волк серым облаком, тёмной тучей навис.

– Ого, кто тут у нас? – спросил. – И Заяц, и Ёж! Здорово! Сколько еды мне привалило! А Ёж-то какой замечательный! В зелени травы тебя хорошо видно, Ёжик-вкусняшка! А иголочки у тебя какие мягонькие! Загляденье-объеденье! Мням просто!

Оскалился Волк Серый Бок, нагнулся к Ёжу, да вдруг зажмурился, отпрянул от него.

– Ой! – завыл. – Ослеп! Совсем ослеп! Сколько огня! По глазам полоснуло! Я тебя боюсь!

Хвост поджал, отступил, в кусты попятился да и исчез в зарослях. Удивились Ёжик и Зайка: чего это он? Не сверкал вовсе Белый Ёжик! Просто бросился друга защищать. Видно, померещилось Волку. Так что нельзя на месте стоять, надо скорее убегать! Вдруг он опомнится и вернётся! Побежали зверята, да недалеко вышло: у одного лапки поранены, а другой и прежде не шибко-то умел бегать.

На полянке остановились, отдышались. Зайка поблагодарил Ёжика и налево поскакал, а Белый Ёжик вперёд потопал, прямо к пню от старой сосны, под которым чернела заброшенная нора. Вдруг слышит: из норы плач раздаётся. Заглянул Ёжик в нору, никого не видно.

– Эй! – позвал Белый Ёжик. – Кто там? Что тут у вас приключилось?

– И-и-и-и... – плакал и плакал кто-то.

– Не плачь, – стал уговаривать Ёжик. – Я тебе помогу. Ты потерялся?

– П-потеря-ался! – всхлипнул кто-то. – Выскочил пред норкой поиграть, да далеко убежал и потерялся... Гляжу – нора, вот я в неё и влез, но она не моя-а, а чужа-ая! А я домо-ой хочу! И-и-и-и...

Ёжик подумал и стал внутрь пробираться сквозь паутину и тонкие корешки цветов и трав.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

– Ой! Я тебя вижу! – радостно сказал кто-то, и в свете своих белых иголочек Ёжик увидел несчастную заплаканную мордочку барсучонка. – Ты... ты кто?

– Ёжик. А ты барсучонок?

– Ага. У тебя острые иголки. Ты меня уколешь? Я боюсь иголок!

Ёжик протянул лапку к зверьку и успокоил:

– Не бойся, у меня мягкие иголки. Можешь потрогать.

Барсучонок с опаской потрогал Ёжикины иголки и облегчённо вздохнул:

– И правда, мягкие. Тебя даже погладить можно, как и меня.

– Конечно. Иди за мной, я тебя выведу, – сказал Ёжик.

И вывел потерявшегося барсучонка наружу. След барсучонка понюхал, пошёл по нему и до норы барсучьей малыша доставил. Ах, как было радо всё барсучье семейство: и папа, и мама, и братики с сестрёнками, а пуще всех сам заплутавший барсучонок!

– Спасибо тебе, Белый Ёжик! – благодарили они спасителя барсучонка.

Они, конечно, удивились, что иголки у Ёжика не чёрные, а белые, не твёрдые, а мягкие, и что он весь светится, как маленькое солнышко. Но на свете всякое бывает! А барсучата радовались, что теперь Ёжика погладить можно и можно ходить с ним без опаски по ночному лесу!

Белый Ёжик подумал: «Теперь мне по-другому жить придётся. Всем помогать... Зато могу найти тех, кто потерялся. На дорогу вывести. О мои мягкие иголки Зайка не уколется. Нет, хорошо, что я помылся в ручейке...»

Попрощался Ёжик с новыми знакомыми и в свой перелесок потрусил. С тех пор он помогал всем, кто попадал в беду. Даже Лису из капкана вызволил, Сову – из охотничьих силков, а у Волка из лапы занозу вытащил. Так что и врагов у него не стало, одни друзья. А как иначе? Ведь прежде-то он сам себя спасал, а теперь – многих.

М. Панфилова. Липовка. Акваель, 2014 г.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Женя Обрамович
(Архангельск)

СТИХИ, ВЕРЛИБРЫ, РИСУНКИ

Рис. Жени Обрамович

Каждый ребенок – это особый неповторимый мир. Отчасти этот мир наполняем мы, взрослые. Но лишь отчасти. Мы стараемся дать детям знания, мы учим их мудрости, по сто раз на дню вдабливаем прописные истины, не ленимся лишний раз повторить, что такое хорошо и что такое плохо. И даже не догадываемся, что за детским доверчивым взглядом может быть скрыта такая недетская мудрость, которая нам, взрослым, просто недоступна. Порою именно нам есть чему поучиться у детей.

Дети взрослеют, и, как бы нам этого ни не хотелось, постижение мира, его открытие происходит, увы, без нашего участия. Первая любовь, первая измена, предательство, смерть близких – пропуская все это сквозь ранимые маленькие сердца, дети становятся взрослыми. Кто-то переживает глубоко в себе, кто-то делится с друзьями, реальными или виртуальными, погружается в сеть или открывается родителям, а кто-то берет бумагу, карандаш или ручку и через призму творчества переосмысливает происшедшее и делает выводы. Почему самые сокровенные мысли вдруг оседают строками стихов? Или рисунками на листке, вырванном из блокнота? Или философскими размышлениями на тайных страницах дневников? Почему творчество одних детей смешит, а для других становится необходимостью? Кто даст ответ на этот вопрос...

Сегодня у нас в гостях Женя Обрамович из Архангельска. Женя учится в 9 классе. Увлекается рисованием и пишет стихи. Ее поэзия глубоко психологична, Женины верлибры – это мудрый взгляд ребенка на мир вокруг, философия взрослеющего человека, постижение тайн внутреннего мира человека, это душевные впечатления и опыт личных переживаний...

Когда боль разрывает старые раны,
Ты пройди это стойко, пойми,
Что от бед не бывает охраны,
Что войдет жизнь опять в колеи.

Когда слезы рвутся наружу,
Ты поглубже тихонько вдохни,
Переживи в душе своей стужу,
Все наладится, как ни крути.

Рис. Жени Обрамович

Когда нет никакого желанья,
Двигаться дальше, к своей цели идти,
Ты забудь про любые печали,

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Ты признай, вам с ними не по пути.
Когда мыслей плохих все больше и больше,
Ты откинь их и гордо уйди,
Ведь чем с ними ты будешь дольше,
Тем привыкаешь больше, учти.

Когда же мысли плохие исчезнут,
То и беды твои позади!
Все наладится, честно, я знаю,
Если захочешь этого сам, а не мы.

Рис. Жени Обромович

Город наш теперь другой,
Город больше не такой.
Детство наше где-то там,
Не вернется больше к нам.
Все исчезло с тем трамваем,
Что, казалось, не растает,
В тех годах, где тает все...
Шли часы, минуты, годы,
И ржавели рельсы, чтобы...
Чтоб пропасть в один из дней,
Не напомнить больше мне
Про железные вагоны,
Что ушли уже из моды,
Про ту легкость и покой,
Что несла природа в зной
Или в дождик проливной.
И казалось ярким все,
Даже если и темно:

Я иду, иду вперед.
Что же в будущем нас ждёт?
Что же будет через год,
Кто же бросит и уйдёт?
Люди быстро исчезают
И из жизни убегают.
Вот он был - и вот уже нет...
Только в сердце черный след.
Кто ушел, тот о нас не скучает,
По ночам не грустит, не вспоминает,
Чувств твоих не понимает.
Надо это ему? Нет.
Вышел грустный такой вот куплет...
Мы живём и мы теряем
И все это принимаем,
Хоть смириться не всегда
Получается,
Когда был так дорог человек
И казалось все на век...

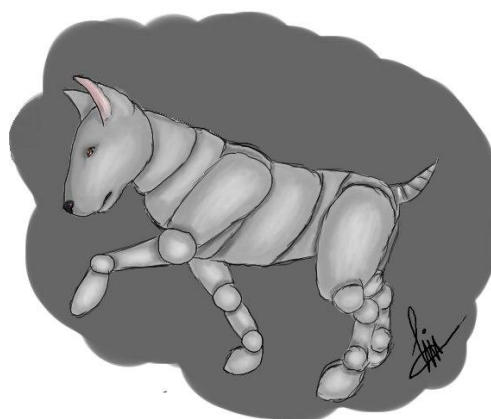

Рис. Жени Обромович

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

И неяркие дома,
И приятные цвета...
Все давно уж за рекламой
И за новыми домами,
Пусть все новое не плохо,
Должен новый мир расти.
Только вспомню я со вздохом,
Что осталось позади.

Рис. Жени Обрамович

Забудь, прости, уйди.
Просто пойми.
Не вспоминай, не смотри.
Удали диалог,
Какой с него толк?
Прости, назад не гляди,
Там пустота, пойми.
Прошлого нет, все.
Грустно? Терпи.
Не ожидала? Теперь знай.
Не удивляйся,
Путь этот пройди.
Все, что может напомнить о чем-то,
Безжалостно удали.

Рис. Жени Обрамович

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

БАКУНИНСКАЯ, 57

Фотографии из домашнего архива И. Бурдонова

Двухэтажный дом № 57 по Бакунинской улице был ещё дореволюционной постройки (для молодых: имеются в виду революции 1917 года, февральская и октябрьская). Когда-то там были ресторан и казино. Мой дедушка любил туда ходить, он там играл в карты. А бабушке это

Москва, ул. Бакунинская, д. 57

не нравилось. Потом казино закрылось; второй этаж выделили под жильё, а на первом этаже открылся техникум советской торговли. Позже в этом техникуме какое-то время учились моя мама и мой дядя, дети моей бабушки (те двое, что выжили из четверых родившихся).

Дедушке и бабушке тоже дали комнату на втором этаже, хотя бабушка и не хотела селиться в этом доме, где раньше казино было. Большую залу разделили на комнаты. Размер комнаты зависел от количества душ в семье. Чуть ли не сами жильцы выкладывали стены между комнатами из кирпичей. Моя мама вспоминала, что одни наши соседи нас

обманули: сказали, что у них много народу, а потом оказалось, что мало, да уж поздно было: стену-то выложили.

Наша коммунальная квартира имела номер 11. Входишь с улицы в парадную дверь, поднимаешься на второй этаж, открываешь две двери подряд и оказываешься в коридоре. Длинный, как улица. Три лампочки освещался коридор, по сто ватт каждая, и не так уж и светло было. В дальнем конце, у двери на чёрный ход даже и темновато. А по обеим сторонам коридора – двери в комнаты. Это сколько же дверей было? Подсчитать надо... этот коридор у меня перед глазами так и стоит - трёхсотваттный, навечно, видно, в память врезался.

А дверей было четырнадцать! По числу семей. Ну это первоначально, потом кто-то уезжал, семьи разрастались и занимали несколько комнат. Наша семья стала занимать две комнаты, а потом, когда я женился и у нас появился ребёнок, то есть образовалась вторая семья, то и она получила сначала одну, а потом и две комнаты. Из одной комнаты в другую нужно было ходить всё равно через коридор. Число семей уменьшалось, а число комнат и дверей в коридоре, конечно, оставалось прежним – четырнадцать. Если не считать дверь с парадной лестницы, дверь на чёрный ход, две двери в два туалета и дверь на кухню.

Все комнаты были узкие и длинные: с одного торца входная дверь из коридора, с другого конца окно. Длина комнаты около восьми метров, а ширина была разная (от числа душ зависела), в некоторых комнатах даже меньше двух метров. Потолки пятиметровые, лепнина переходила из комнаты в комнату. По причине необыкновенной высоты потолков почти в каждой комнате были антресоли. Нет, совсем не те куцые ящики для барахла, которые позже прилеплялись к потолку в прихожих квартир в хрущёвках и домах 70-х годов.

То был второй этаж квартиры, целые комнаты, куда надо было подниматься по стационарным деревянным лестницам. И антресоли и лестницы на них, конечно, жильцы делали сами. В моей памяти всплывает картина: мне пять лет, я лежу на кровати, болею.

Бабушка советуется со мной, какое имя выбрать для моей только что родившейся сестры. А в торце кровати, около входа, к стене прислонены длинные свежие доски, которые так вкусно пахнут морозной смолой, хвоей... Антресоль начиналась от входа и доходила до середины комнаты. Спереди она ограничивалась барьерчиком. Можно было подойти к этому барьерчику и смотреть вниз или в окно. Иногда, правда, в майские или октябрьские праздники, окно бывало наполовину закрыто огромным портретом вождя: Ленина или Сталина. Окно было высокое с закруглением наверху и широким подоконником. Теперь таких подоконников не бывает: на него можно было поставить горшки с цветами в несколько рядов и разные другие предметы. Окно демонстрировало почти метровую толщину добротных кирпичных стен. Под подоконником, по стандарту нашей квартиры, располагался холодильник. Холодильником в то время называлась довольно большая дыра в наружной стене дома, прямоугольной формы, отделённая от улицы слоем в один кирпич и сообщающаяся с улицей через небольшое отверстие, в которое обычно вставляли железную трубку. В холодильнике были сделаны полки, а со стороны комнаты имелись дверцы. Зимой такой холодильник работал довольно эффективно.

Москва, ул. Бакунинская, д. 57

И кухня нашей квартиры тоже стоит у меня перед глазами. Ей-богу, это какой-то шедевр общего жития! Огромная (как тогда казалось) кухня: два окна, три газовые плиты, две раковины и... сколько же столов было кухонных?.. да, одиннадцать столов. Потом, правда, десять осталось. Как описать вечер на кухне? Когда все пришли с работы и все женщины всех семейств жарят, парят, варят, стирают, гладят бельё и купают детей в корытах и ваннах (железных, а не кафельных) да и сами иногда моются, — тогда только дверь на кухню закрывается (но не запирается — замка не было) и надо стучать прежде, чем войти. Кухня — это народное вече коммунальной квартиры. Здесь решались все вопросы, все дела квартиры. Здесь кричали, спорили, ругались, дрались, мирились, обсуждали новости...

Думаю, излишне говорить, что никаких ванн, душевых кабин или, не дай бог, биде и в помине не было. Да хрен с ним, с биде, не было горячей воды, и её приходилось греть на огне. Бачок в туалете был на высоте двух метров, и от него спускалась вниз к унитазу железная труба. А для спуска воды имела цепочка с ручкой. Может быть, кто-нибудь ещё помнит такую конструкцию? Места общего пользования в квартире убирались жильцами по очереди, имелся график дежурств.

Теперь про гаджеты и прочие компьютеры и теле-видео-медиа: их тогда не было. Был домашний телефон. Сначала один аппарат стоял в коридоре, а другой почему-то в одной комнате, то есть только для одной семьи. Потом этот второй телефон «экспроприировали», и в общем пользовании стало два телефонных аппарата, они стояли на тумбочках в разных концах коридора. Помню, как появился первый «КВН», точнее - «КВН-49». Только это был не «Клуб весёлых и находчивых», а телевизор 49-го года. КВН – аббревиатура, составленная по первым буквам фамилий его основных конструкторов: Кенигсона, Варшавского и Николаевского. Телевизор уже сразу был в частном пользовании. Когда первая семья купила телевизор, вся квартира собиралась в их комнате и смотрела в маленький круглый экран диаметром 18 сантиметров. Чтобы было хоть что-то видно, перед экраном ставили увеличительную линзу, наполненную дистиллированной водой.

Москва, ул. Бакунинская, д. 57

Лестница чёрного хода вела во двор. А ещё можно было попасть в соседнюю квартиру, уже не коммунальную, – там жила одна семья, и по деревянной лестнице – на чердак. Двор как двор – типичный московский дворик. С котельной, деревьями, палисадничками, всякими закутками, сарайчиками и аркой, через которую попадаешь в Рыкунов переулок. Вообще-то он назывался «Рыкунов», но мы все говорили «Рукунов» – так привычнее для русского слуха казалось. «Рыкунов» – по фамилии домовладельца полковника Рыкунова (конец XVIII века). Но так переулок назывался до 1939 года, а потом стал называться Балакиревским – по фабрике им. Балакирева на Бакунинской улице, а сама фабрика – в память о Николае Дмитриевиче Балакиреве (1875-1920), рабочем этой фабрики (когда она принадлежала ещё акционерному обществу «Ронталлер и Ко»), участнике революции 1905 года.

Однажды в нашу квартиру № 11 ко мне в гости пришёл китаец. Мне тогда было лет шесть-семь, в первой половине 50-х годов. В те годы событие экстраординарное. А дело было так. Моя мама работала чертёжницей в Артиллерийской инженерной академии им. Ф. Э. Дзержинского (сегодня Военная академия ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого). А у этой академии был летний военный лагерь в сосновом лесу где-то в районе Гороховца (Владимирская область). Офицеры и вольнонаёмные приезжали в этот лагерь вместе с семьями. Я провёл там четыре лета. Помню высоченные сосны, леса с грибами и черникой, болота с клюквой, озеро, переходящее в трясину... Офицеры и вольнонаёмные жили в разнообразных деревянных домиках, а слушатели академии – в палатках. Там были немцы, болгары, китайцы. Вот там я и подружился с одним китайцем. И он в Москве зашёл ко мне в гости, в квартиру № 11, подарил китайскую закладку для книг с кисточкой. А мама и бабушка, конечно же, усадили китайца за стол: кормить и поить. Китайцу наливали белое вино, а бабушка с мамой пили лёгкую домашнюю наливку. Но китаец совсем не пил, только попробовал и скоро ушёл. Мама недоумевала: не понравилась ему водка? Попробовала сама, и – о ужас! – оказывается, бабушка перепутала и достала из «холодильника» (ну того, что под подоконником) не водку, а уксус. Вся квартира переживала – как бы не вышел международный скандал. А больше всех переживала мама – всё-таки она работала в академии Дзержинского, а не где-то там ещё. Но всё обошлось.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

*В Рукуновом переулке
Во дворе седого дома
Старый тополь бросил тень.
В той тени сидел китаец,
Опечаленный донельзя
От того, что слишком выпил
Нехорошего вина.
Он потом домой вернётся,
Нарисует горы-воды,
И в беседке над обрывом
Будет долго созерцать.
И тогда напишет гатху
На углу своей картины
Про вино, и тень, и тополь
Во дворе седого дома
В Рукуновом переулке,
Где обрёл он просветленье
Неожиданно совсем.*

Наш дом был как раз угловым: фасадом выходил на Бакунинскую улицу, а боком – в Балакиревский переулок. А на самом углу – я ещё помню – стоял гранитный столб для привязывания лошадей. Теперь уже не стоит, конечно. Когда-то по нашей улице ходили трамваи – я это ещё помню, – и тогда, конечно, окна, выходящие на улицу, старались не открывать: слишком много грохоту было. Потом трамвайные рельсы убрали и пустили троллейбусы.

Пройдя вдоль фасада дома, идёшь дальше вдоль ограды школьного сада. За ним в глубине стоит четырёхэтажное здание – оно и сегодня там стоит. Не знаю, что там сейчас, а тогда была школа № 619, в которой я учился с первого по третий и в шестом классах. С одной стороны школьного сада от улицы через железные ворота и калитку шла асфальтовая дорожка к ступеням главного входа в школу, а с другой стороны высилась красная стена нашего дома с одним-двумя глухими окошками.

Красная стена смотрит в школьный сад.

Она смотрит, как в окружении цветущих яблонь и груш на высоком постаменте красуется строгий серебряный бюст Иосифа Виссарионовича Сталина. Когда Иосиф Виссарионович умирает, бюст падает с постамента и остаётся лежать на клумбе. Иосиф Виссарионович лежит внизу, уткнувшись носом в чёрную землю школьного сада.

Мало кто заходит в школьный сад, а за ветвями цветущих яблонь и груш постамент не виден. Дети забираются на постамент и стоят там вместо Сталина.

Красная стена смотрит на это в начале лета года Красной обезьяны.

Помню рассказ моей мамы о старике, что во время войны был где-то здесь похоронен в школьном саду. Старик был упрямый и во время бомбёжек не спускался вместе со всеми в подвал, а прятался в ямах в школьном саду. Куда и упала авиационная бомба и убила старика. И его похоронили в той самой яме, в которой он прятался.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Около другого - не главного - входа в школу всегда росло высокое толстое дерево, кажется, липа, а может быть, тополь. Его ветви нависали над сарайчиками, которыми школьный двор был отделён от двора нашего дома.

В конце семидесятых наш дом сломали, школьного сада тоже больше нет. На месте и дома и сада теперь что-то вроде скверика. Я недавно там был и удивлялся: как же на такой маленькой площади помещались и наш дом, и наш двор, и школьный сад? Липа-тополь всё ещё высится у второго входа в бывшую школу, хотя это, наверное, уже другое дерево.

М. Панфилова. Портрет проф. Унковского. Картон, масло, 2002 г.

ЭССЕ-МИНИАТЮРЫ-КОРОТКАЯ ПРОЗА

Сергей Уткин

(Кострома)

ВОКЗАЛЬНЫЙ ПОДЪЁМ

Вокзальный подъём, к сожалению, редко бывает подъёмом духа. Так получается, к удивлению граждан, указующих дубинками на верные жизненные ориентиры забывшемуся сном народу, что пробуждение от удара дубинкой и окрика редко радует. Тут ничего не поделаешь: так уж устроен наш не благодарный охранникам брат. Несовершенна природа человека. То есть не охранника, конечно, подгоняющего дубинкой жизнь и наступленье утра на вокзале, а наша, граждан, уклоняющихся от бодрствования и от своего гражданского долга.

На самом деле, они поступают не так уж скверно, так как вокзал — не лучшее место для сна. «Зона повышенной опасности», как называют его в предостережении, озвучиваемом регулярно в помещении вокзала громким и выверенным голосом. Спать на вокзале, даже в охраняемом зале ожидания, опасно, но охранников чаще беспокоит занимаемое прилечьшим человеком место. Маленькому человеку много места не положено, так сказать.

Мне приходилось ночевать в залах ожидания и на Московском вокзале в Петербурге, и на Ладужском. Лечь на некоторые ряды стульев просто невозможно из-за поручней, а если лечь удавалось на другие скамейки, то бдительный, очернённый форменной одеждой человек спешил исправить несправедливость сию, даже если свободного места вокруг было достаточно ещё для пары вагонов поездов дальнего следования.

Обычно люди встают быстро, сразу. Правильно делают. В самом конце января 2011 года одного не пожелавшего встать со скамейки человека нехилый детина с пузом упрямо старался встряхнуть ото сна, колотя дубинкой этак с азартом, как будто воодушевившись возможностью послужить общественному порядку, с рвением, которое служивого человека красит. В серьёзности его намерений сомневаться я не мог, потому внутренне приготовился к приближению старательного детины и, гася раздражение, быстро встал со своей скамьи, не дав ему возможности проявить пример усердия служебного и на мне.

Сон ушёл. Детина тоже. В полупустой зал ожидания входил новый морозный день. Нужно было жить с ним и в нём. Жаль, что он застал меня немного сонным.

Я ВИДЕЛ, КАК ХУДОЖНИК ВЕШАЛ

Да, я видел, как художник вешал свои картины по стенам выставочного пространства скромной библиотеки Толстого на 6-й линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге.

Апрель 2011 года освежил улицу сыроватым ветром, сдобренным моросью, и я отмахнулся от него на время дверью библиотеки. Гардероб, вопреки своим дурным повседневным манерам, на этот раз ко мне не вязался с требованиями снять верхнюю одежду, и я поднялся по знакомой со студенческих лет лестнице на второй этаж, где теперь отвели место для выставок художников. Выставки были бесплатными, и я время от времени заходил

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

сюда посмотреть на мудрёные и простецкие картины своим исключительно любительским, непрофессиональным взглядом.

Краткая информация о художнике уведомляла то о больших заслугах и званиях старца рисования, которые обязывают посмотреть на стены в картинах, то о первых, но уже значительных творческих успехах молодой студентки академии художеств, которую тоже пропустить мимо себя, не присмотревшись к ней и её картинам повнимательней, нельзя.

Некоторые работы представлявшихся на этих выставках художников нравились мне настолько, что я фотографировал их на камеру телефона, чтобы захватить с собой с выставки репродукцию красоты, таланта и художественной правды.

А в тот день в экспозиционном зале картины стояли, столпившись на полу, и только часть их была развешена по стенам. На стремянку влезал пожилой дядька и нервно, с напряжённым недовольством перевешивал картины. Проворный старик не был похож ни на библиотечного работника, ни на работника вообще: те, отчуждённые от автора и его искусства люди, с таким нетерпеливым волнением и серьёзностью развешивать картины не будут. В этой серьёзности по отношению к полотнам читался явно человек причастный. Читался сам автор.

Им он и оказался, как выяснилось после пары осторожных вопросов. Фамилия его была мне знакома тогда (сейчас забыл), как и картины, так как незадолго до этого я видел небольшую его выставку в музее-квартире художника Бродского на Итальянской улице возле Михайловского театра. После упоминания об этой выставке старик чуть смягчился, сбавил темп, но отвлекать его я не стал и, обменявшись ещё несколькими вежливыми репликами, оставил наедине с картинами.

Странно вспомнить сейчас, но тогда знакомство с настоящим художником настолько важным казалось мне, что я изредка думал о встрече с картинами и вешавшим их художником и в метро, и в автобусе - по дороге к снимаемой мной тогда у старушки, певшей в церковном хоре, комнате.

Я по-хорошему завидовал тогда этому человеку, для которого картины на его холстах реальнее картины за окном, которому позволено уходить к ним, к полотнам, и в них - от улицы и суеты. Этак с головой уходить, напролом. Я тоже хотел уйти. Да только всегда казалось, что и там жизнь догонит, застанет совсем не готовым к ней. И отберёт и краски, и кисти. Навсегда.

МУЗЕЙ С ЯЙЦАМИ

В 2014 году в Петербурге на набережной Фонтанки неподалёку от Невского проспекта был открыт музей Фаберже. Летом того же года, 29 июня, в музей с яйцами заглянул и я.

Догнав только что отправившуюся по залам с богатым расписным и эмалевым декором группу с экскурсоводом, я прислушался к негромкому сдержанному голосу тщательного рассказчика музейных историй и правд. Вещун истории дела Карла Фаберже и его фирмы рассказывал увлекательно, подробно о каждом из больших яиц, хранящихся ныне в экспозиции.

Кроме секретов, запрятанных мастерами в яйца при изготовлении (сам Фаберже делал тогда только проекты, общие замыслы и проработку идеи яиц, а воплощали их в материалах его работники, подручные ювелиры), каждое яйцо хранит теперь и свою историю, биографию артефакта, судьбу вещи.

В экспозиции представлены не только яйца, но и другая продукция фирмы прославленного ювелирного мастера - от табакерок до окладов икон. К сожалению, в музее

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

нельзя фотографировать, но в зале с иконами я не смог удержать себя и, осмотревшись и не обнаружив в зале охранника, сделал несколько фотографий.

Иконы эти ценны именно своим декором: сама живопись была обычна для той эпохи, которая уже решила возвращаться к подлинно русской, рублёвской, традиции иконописи, но так хороши были лики, что встреча с ними была тёплой и радостной. Для меня.

А бабуля из группы туристов ехидно смеялась над маленьким внуком, который, задержав её у икон, сказал, что они красивые. Наверно, малец ещё не знал, что красоту однажды распяли. И её и за неё распинают до сих пор на молве и не готовом к духовной красоте быте.

Впрочем, всё это такая мелочь по сравнению с первым, настоящим, распятием. Такая мелочь.

ОСТАВЛЕННЫЙ ОСЕНИ

Вся та одиннадцатая в моей жизни осень вспоминается облитой сплошным серым дождём. Сначала этот дождь увязался за нами из деревни в город, в который семья переезжала суетно и в неразберихе, часто бывающей при переездах. Тем более при переездах из деревни. Потом этот дождь то семенил за нами моросью по улицам провинциального городка, то бился ливнем в стёкла нашей только обжитой квартиры, снятой за скромные и сильно обесценившиеся после дефолта деньги.

Хмурое было время. Мрачное. И в это мрачное время мы не смогли взять с собой некоторых друзей, к которым были по-детски искренне и напропалую привязаны, друзей, которые могли бы сделать это время чуть светлей.

Животным тяжело даются переезды. Может быть, тяжелей, чем людям. Старый кот с нами не поехал – убежал накануне в лес. Кошку и котёнка взяли с собой. А вот собаке, восточно-европейской овчарке, места не нашлось ни в машине, ни в нашей новой городской жизни. Пёс беспокоился всю ночь, пока грузили машину. Выбегал из конуры, лаял. Тревожно так лаял, вопросительно. Утром машины выехали с разбитой грязной деревенской дороги на дамбу и ринулись из деревни прочь, в город. А он, пёс, так и остался там, на своём посту на цепи, которой был привязан и к конуре, и к дому, и к нам. Мы то ли наступали на город, то ли покидали, оставляли деревню. А он остался там один на один и с этой деревней, и со своей собачьей судьбой.

В городе несколькими месяцами позже девочка из другой семьи, с которой мы вместе переезжали, придя в гости, мельком, между делом так, сказала, что собаку нашу застрелил сосед, деревенский охотник.

А потом была жизнь. Новая, другая. Было не до собак и не до собачьих проблем: человечьи казались неразрешимыми. Не стану врать, что часто вспоминал после детства о собаке. Но я вообще не люблю, когда накатывает детство. Беспомощное, непонимающее. Но детские потери научили боли. И научили не заводить настоящих друзей, от которых придётся по-настоящему отказаться.

Собаки у меня больше не было.

ОДНОКЛАССНИЦА ПОДЫТОЖИЛА

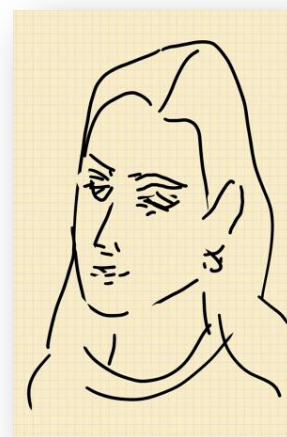
Как утверждал в одной из своих ранних «сомнительных» песен, вызывавших «смятение в умах», молодой Борис Гребенщиков: «Долгая память хуже, чем сифилис, особенно в узком кругу, // Такой вакханалии воспоминаний не пожелать и врагу».

Вот я и не вспоминал о своих одноклассниках из деревенской школы в нижегородской области, где я учился до шестого класса, а они, повзрослев, вспомнили. К сожалению моему. И нашли в социальной сети в интернете.

К тому времени мы не общались лет тринадцать и вроде бы не очень сожалели об этом, потому я настороженно отнесся к появлению вопросов от людей из далекого прошлого, с которыми и которым у меня теперь, к счастью, практически не оставалось ничего общего. Но такт есть такт.

Вопросы были обычны, но один в мои тогдашние 24 года меня насторожил. «Как вообще жизнь-то сложилась?» - поинтересовалась бывшая одноклассница. «Вообще-то я ещё пожить хотел, а ты меня уже подытожила», - остановил я её.

Но почему-то было неприятно. Будто кто-то напомнил на диктанте об истекшем времени...

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведёт Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

ПОРА ЦВЕТЕНИЯ, или СУПЕРДЕТЕКТОР

Весна вступила в свои права окончательно и бесповоротно! Ветер стал теплее, солнце каждое утро дарит улыбку, а на улице появились бабочки. Май - восхитительный месяц, полный надежд на жаркое лето и удачный отпуск. Сегодня великолепная погода, и я не смогла удержаться от соблазна прогуляться, полюбоваться весенней Москвой, а заодно лишний раз посетить любимое кафе.

Уютно устроившись в мягком кресле, я наслаждалась видом в окошке и ароматом горячего кофе. Удивительно, как одна и та же картинка в большом оконном проёме может меняться от времени года и моего настроения. Сегодня настроение на высоте и всё, что видят мои глаза, приобретает такое же приподнято-позитивное отражение. Город видится умытым и нарядным, машины яркими, а люди добрыми. Зелёные ковры свежей травы украсили улицы, на пробудившихся деревьях распустились почки и проклюнулись новорождённые листья.

Рис. Анна Народицкая

Пора цветения пришла в Москву, вызывая романтическое настроение у молодёжи и навевая трогательные воспоминания старшему поколению. Но, увы, помимо радостного возбуждения, цветущий город приносит и проблемы. «Кому?» - спросите вы. Тем, у кого аллергия на цветение, весеннюю пыльцу и прочие прелести. Да, не повезло беднякам. От креветок распухает горло, от кошек и морских свинок слезятся глаза и закладывает нос, а цветы заставляют кашлять и чесаться. Ужас! За что им, бедным, такое наказание? А и правда, за что?! Вот если бы аллергия давалась человеку не по семейной наследственности или путём случайного каприза природы, а действительно в качестве наказания! Нет, я серьёзно!

Давайте представим гипотетически, что учёные изобрели такую вакцину, которая выявляет плохие поступки: ложь, воровство, агрессию, предательство и прочие. И что действует эта вакцина самостоятельно, примерно так же, как возникает аллергия, не спрашивая обладателя. А вводить эту вакцину станут всем без исключения ещё в раннем детстве. И результат действия такой прививки будет проявляться сразу после нехорошего поступка.

Примерно так, как всем известный эффект, когда человек смущён. Смутился – покраснел! Только краснота сама исчезает через пару минут, а время работы вакцины могло бы зависеть от тяжести проступка. Для примера я вспомнила весьма остроумную и полезную идею, применяемую во многих странах. В бассейны насыпается некое химическое вещество, совершенно безвредное для плавающих людей. Но если кто-либо позволит себе такое безобразие, как помочиться в воду, вокруг нарушителя сразу же расплывётся яркое цветное облако. Всем сразу становится понятно, что натворил безответственный посетитель. И ему уже не отвертеться от наказания в виде штрафа, а возможно, и запрета на пользование данным бассейном. Здорово! Эффективно и просто. И тут моя бурная фантазия разрослась, рисуя разнообразные забавные картинки.

Например, хапнул чиновник взятку - и через пять минут покрылся коричневыми пятнами, как леопард. И пятна эти не смываются и не выводятся! Проходят сами через несколько дней, а этого вполне достаточно, чтобы все увидели – перед вами взяточник! И получил непорядочный чиновник по заслугам!

Или задумал мужчина (или женщина, будем объективны) пойти «налево» и нарушить обещание верности своей половинке. Выбрал подходящий день и совершил задуманное. А через пару часов начал чесаться – аллергия на адюльтер! И причём чесотка набросилась на самые виноватые в содеянном места. Как говорится, на воре шапка горит! И утихнет такая аллергия только после того, как обманутая половинка, узнав о происшедшем, позволит себя обнять. Так сказать, тактильно-дерматологический антидот. Ну и кто в здравом уме согласится изменять? Это ж просто прививка верности! Разве не весело?

А ещё представьте себе вора: украл человек что-либо и безнаказанно скрылся. Решив, что всё ему с рук сошло, собрался награбленным добром насладиться. Но не тут-то было! Прошло каких-то полчаса, и накрыла вора неотвратимая кара – слёзы синим ручьём и зелёный потоп из носа, позорище! А пройдёт такая аллергия только от лекарства, которое может выписать врач после осмотра страдальца. И как быть? На улицу не выйдешь, сразу попадешься. Каждый, увидев сопливо-разноцветного плаксу, поймёт – это вор! И придётся нерадивому ворюге отвечать за содеянное. И поделом - не воруй!

Глотнув кофе, я продолжила фантазировать и вспомнила о хулиганах или просто людях с неудержимой агрессией. Эти пусть страдают от кожной аллергии, решила я. Нахамил – получи пылающие прыщи во всё лицо! Поднял руку на кого-либо, и тут же начал покрываться коростой! И тело от этой коросты болеть будет так, что насильнику уже не до рукоприкладства. Передумал человек драться, и полегчало ему. А когда снова появилось желание ударить, то рука, сжатая в кулак, опять коркой болючей покроется. Но тоже пускай ненадолго, что ж я, садистка?

Есть ещё такое проявление аллергии, как отёк Квинке - противная штука! Поверьте, я как-то получила такую «радость» после того, как поела огурчиков с нитратами и пестицидами. Никогда этого не забуду! Во рту всё распухает, глазки в бусинки превращаются, а лицо - как полная луна. Гадость и мучение. Надо такой аллергией наградить мошенников. Тех, кто намеренно обманывает доверчивых людей с выгодой для себя. Соврал - получи блин вместо лица и язык размером со сливу!

А те, кто вообще любит приврать и почти не говорит правды, получают эффект Пиноккио. Нос удлинняется настолько - насколько человек говорит неправду. С такой аллергией никакой детектор лжи не понадобится. Допрашивают, например, шпиона или преступника, а он и соврать-то не может, длина носа покажет размеры лжи. Вроде не больно, а обидно. Да и внешность сильно подпорчена! Впрочем, как и репутация. Зато меньше будет желающих приврать и надуть ближнего. С таким супердетектором обман вообще сойдёт на нет.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

М-да, интересно, как изменится мир, если мои фантазии вдруг станут возможными? Будет лучше или хуже? Надо ли искоренять ложь и измену? Насколько цена «наказания аллергией» гуманна? Как много вопросов! Возможно, мои придумки кажутся вам жестокими, но это же просто фантазия, весёлое баловство. Почему бы не помечтать о всяких глупостях в прекрасный весенний день, сидя в кафе за чашкой кофе?

Кофе мой остыл, и я не стала его допивать. Сегодня он был не очень вкусный, видимо, кофе-машина барахлила. Надеюсь, такого больше не повторится. Не хочу менять кафе, ведь я привыкла тут бывать. Выходя, я приветливо улыбнулась официантке.

- Вам всё понравилось? – спросила она.

- Да, спасибо, - соврала я, и на всякий случай потрогала свой нос.

- Приходите ещё! – прозвучало вслед. Я кивнула, соглашаясь, и, открыв тугую дверь, вынырнула на ласковое майское солнце.

М. Панфилова. Цветы. Графика, 2014 г.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Вячеслав Чачин
(Москва)

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ТАРХАНЫ И ОБРАТНО

*Все, что написано ниже, это лишь впечатления
автора от поездки. Путевые заметки.*

Всегда хотелось побывать в Тарханах, с раннего детства. Мечта подогревалась простенькими открытками с видами Кавказа, где на склонах гор запечатлены гроты, белые беседки, каменные орлы, стелы и памятные доски, связанные с последними годами жизни Михаила Юрьевича Лермонтова. Это были и воспоминания из детства, о первой поездке с родителями в Пятигорск. Да и само слово «Тарханы» звучало необычно и заманчиво.

Знакомство с поэтом началось со стихотворения «Бородино», с красочной и красивой детской книжки и выученного наизусть «Паруса». Затем был прочитан «Герой нашего времени». Книгу прочитал из любопытства, найдя ее в огромном бабушкином сундуке. Заинтересовало не название, а год издания – 1944-й. Стало интересно, что могло быть издано в столь тяжелое время, что интересовало людей и о чем книга. Формат книги карманный, обложка картонная, серая и невзрачная. Никаких иллюстраций, только текст на желтоватой бумаге.

Читал быстро, глотая страницы, интересуясь фабулой, действием, ожидая найти главное, ради чего написана книга. Незаметно втянулся и прочитал не отрываясь до конца, не понимая иногда смысла написанного, но горячо переживая и ожидая развязки. Осознание прочитанного происходило постепенно, сначала через стереотипы школьной программы, потом от впечатлений после просмотра фильма и неоднократного перечитывания романа.

Этот же сундук подарил мне серьезного Пушкина «Русланом и Людмилой», «Графом Нулиным», а позже «Евгением Онегиным».

Итак, решено окончательно и бесповоротно: мы едем в Тарханы. Случай тоже подходящий - 200 лет со дня рождения поэта. Маршрут проложен, гостиница заказана. Готовясь к поездке, были удивлены тем, что основные торжества немного сдвинуты во времени, но скоро нашлось этому разъяснение. Тарханы и Пензу почтил своим вниманием Президент России. Появились опасения, что нас могут затолкать высокопоставленные гости в Тарханах, Пенза встретит перекрытыми улицами и усиленными мерами безопасности во всем и ко всем, но обошлось.

В Тарханы хотелось попасть именно в эти дни, другой возможности побывать на столь замечательном мероприятии уже не представится никогда.

Светлеет поздно, а выезжать надо рано. До Пензы по расчетам 640 километров. По незнакомой трассе часов восемь пути, а то и более. И потом - это только на бумаге, дорога внесет свои поправки.

На машине путешествуем давно. Привыкли к дорожному аскетизму, к строгому соблюдению трафика и другим вещам из жизни и быта путешествующего. Единственное, в чем не можем отказать себе, это в хорошей гостинице. Все недостающее можно восполнить в пути, о хорошем же отдыхе надо позаботиться заранее. С начала года это уже четвертая поездка с супругой на столь дальнее расстояние. Я рулю, она следит за графиком движения, делает пометки.

Подъем ранний, на улице темно. Идет дождь. Говорят, в такую погоду выходить в дорогу хорошая примета, что ж, посмотрим.

Москва в столь ранний час еще пуста. Машины только начинают выбираться из дворов, выстраиваются очередями у заправок, еще немного, и они заполнят улицы, шум моторов сольется в общий хор, который не замолкнет уже до самой глубокой ночи. Выезжать из города утром, когда все рвутся в него, легко. Вечером же все будет с точностью до наоборот.

Город хоть и пустой, но огромный, и только через сорок минут вырываемся из него. Моросит дождь, но тепло. За бортом плюс 12 градусов. Начинает светать, машин не становится больше, будний день. Можно позволить себе ускориться и даже немного превысить скоростной режим, но населенные пункты укрощают пыл, спешить некуда, пока движемся согласно графику.

Через час дождь прекратился. Над дорогой повис густой туман из-за необычайно теплой погоды, не характерной для этого времени года (это было 16 октября). В последующие дни обещают сильное похолодание, во что не верится. К гололеду готовы - резина уже зимняя.

Дорога утонула в тумане. Подъезжаем к реке. Воды с моста не видно, все в белой пелене. И непонятно, едем мы или плывем. Осторожно, со всеми включенными огнями, продвигаемся вперед. Кроме серого полотна дороги ничего не видно, габариты других машин только окрашивают туман красным или желтым цветом. Красиво, но жутко. Так продолжается долго. Никогда не хочет выпускать нас туман из своих объятий, или что-то прячет в своей глубине, или заигрывает с нами.

Московская область кончилась, началась земля Рязанская. Достаточно быстро доехали до Рязани, а дальше началось... Объездная дорога вокруг города изрыта ямами, залита лужами и забита большегрузами в два ряда. Толкаемся долго, но другого выхода нет. Начали отставать от графика и нервничать от выкрутасов лихих рязанских водил на убитой дороге. Радует только то, что до нашей цели на указателях все меньше и меньше километров.

Преодолев эту преграду, ощутили удовольствие от практически пустой дороги и пейзажей за окном. Вспомнили стихи Лермонтова про «чету белеющих берез», обступивших дорогу, радуемся хорошей погоде и солнцу. Едем к Лермонтову по родине другого поэта земли русской - Есенина.

Вспомнившиеся лермонтовские строки наполнены бесконечной любовью к Родине и как нельзя полно отражают наши чувства и настроение. Мы любуемся убранным полем, темным лесом, остатками ярких листьев на почти голых деревьях и едем к намеченной цели.

Меняются пейзажи за окном, тепло, как летом. Пора перекусить. По плану это город Умет в Мордовии. Судя по трафику, уже должен быть, но указателя все нет. Проезжаем многокилометровое придорожное кафе. Каких только названий нет на этих строениях: «Три сестры», «Арарат», «У братьев», «Аленушка», «Прага» и множество других. Останавливаться не

хочется, а есть в таком месте тем более. Избаловался московский житель, привык к хорошему, уютному и чистому. Даже заправки сделаны кое-как. Нет при них кафе, магазинчиков с ломящимися от нужно-дорожных вещей полками, нет ярких зазывающих огней. Кушать теперь хочется не только нам, но и нашей железной лошадке. Фирменная заправка, где в качестве бензина можно было не сомневаться, наконец, попалась. Там же дали совет, где можно прилично перекусить. Многокилометровое придорожное кафе, встретившееся нам ранее, оказалось городом Умет. Не возвращаться же. Теперь только вперед.

Дорога ожила, заполнилась транспортом. Солидную размеренность движения большегрузов все чаще нарушают шныряющие из ряда в ряд легковушки. Появились и лихие гонщики с ульяновскими номерами. Пока это не их регион, но ведут себя хуже хозяев. Обгонять не дают, обижаются, когда их моторам не хватает мощи состязаться с нашим, строят грозные гримасы через стекло, сигналият и в бессилии отстают.

Наконец город Спасск, Пензенская область. Первая остановка, не считая заправки. Придорожная гостиница с рестораном, чисто и тихо. Березовая аллея, неведомо когда и кем посаженная, бежит от здания через пустырь и исчезает, сливаясь с желтизной подступающего к городу леса. Проносится обогнанная нами машина, из которой в мою сторону летят угрожающие жесты, но нам уже не до этого. У нас обеденный перерыв.

Ресторан простенький, но уютный. Воды в умывальнике нет, но по случаю нашего приезда ее включает хмурый дядька. Борьба за клиента началась, значит, есть конкуренция в этом городе, есть двигатель продвижения наслаждений. Названия в меню красивые и аппетитные, но после съедения всего этого становится понятно, что, кроме курсов готовки, пройденных на собственной кухне, у повара ничего за плечами и нет. Однако такой обед позволяет двигаться дальше и не думать больше о суетном.

Ближе к Пензе - шире дорога. Появились развязки, со всех сторон навалилась промзона, открылась наконец и перспектива города. Городской герб у дороги изображает ласточку, хотя настоящий, данный Екатериной II, это три золотых снопа на белом поле. Почему ласточка, так и не понял. Очередная геральдическая загадка советских времен.

На улице потеплело, семнадцать градусов. Солнце и светит, и греет.

Движение в городе плотное, но для завсегдатаев московских пробок - простор. Город самый обыкновенный, без излишеств и роскоши. Без труда, даже без навигатора, добрались до гостиницы «Пенза», с трудом припарковались около нее и устроились. Все по плану - без сбоев и проблем. Машина на гостиничной стоянке под охраной, можно отдохнуть. Шестьсот пятьдесят километров пройдено за девять часов. Результат неплохой. Погода благоприятствует и улыбается нам своим последним теплом.

Вечер еще впереди, и мы вышли немного прогуляться, чтобы размять тело от долгой дороги, но далеко не ушли. Устали после дороги, к осмотру не подготовились, да и начало темнеть. При первом беглом знакомстве город поразил невероятным количеством магазинов «Шторы», чуть меньшим количеством ювелирных и салонов мобильной связи. Других магазинов как будто и нет. Через витрину полюбовались сезонной распродажей светильников и люстр, как гласила надпись на дверях магазина, и вернулись в гостиницу. По телевизору восторженная сводка местных новостей о пребывании президента и ничего - о праздновании юбилея поэта. Все остальное можно посмотреть и дома, а пока отдыхать и спать, утром в Тарханы, а это 140 километров пути в одну сторону.

Утро пасмурное, дождь. В ресторане накрыты столы для завтрака, капли бьются о стеклянную крышу над нашими головами и стекают ручьями в серую действительность за окном. Неужели погодная удача оставила нас, а долгожданные Тарханы встретят ненастьем?

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Дождь лил всю ночь и превратил город, без преувеличений, в сплошную лужу. Из города выплываем. Первый опыт пользования навигатором удался. До этого случая пользоваться им не доводилось. Теперь на дороге сплошная пробка, которая образовалась из-за дождя, бестолкового движения и неотрегулированных светофоров. Плыдем по улицам из города. За городом дорога хорошая, сначала четыре полосы, затем две. Машин мало, но обгонять сложно из-за большегрузов, которые еще не успели рассосаться после пробок и едут вплотную друг за другом. Похоже, что к приезду главы государства готовились и дорогу отремонтировали, она чернеет свежеложенным асфальтом, а президент, как всегда, прилетел на вертолете. Заправок мало, и заправляться надо заблаговременно. Дорога начинает надоедать из-за того, что никак не кончается. До начала празднования остается все меньше и меньше времени, а села Лермонтово никак не видно.

Наконец появилось что то примечательное и - долгожданный указатель с наименованием села. Добрались. В пути чуть менее двух часов, дождь всю дорогу и девять градусов тепла.

Первое, на что обращаешь внимание, здание центра приема гостей и посетителей. Его хорошо видно с трассы и проехать невозможно. Стоянка для машин далековато от центра, дождь не перестал, сильный ветер. В центре приобрели билеты, получили программу мероприятий и намеревались уже отправиться пешком на сельское кладбище к усыпальнице М. Ю. Лермонтова, но оказалось, что можно доехать собственным транспортом. Это не запрещено. Ехать километра два мимо усадьбы, через село. Асфальт черный, свежий, только что не дымится.

Центр приема гостей и посетителей

Церемония началась. Курсанты военного училища возлагают огромную гирлянду к мавзолею, и неудивительно, Лермонтов – офицер, другой специальности у него не было. А дождь чудесным образом прекратился, как будто его и не было. Вновь погода благоприятствовала путешествующим, т. е. нам.

Народу много. Процессия идет от кладбищенский ворот через часовню к храму Михаила Архангела. Перед нами стояла группа серьезных и суровых мужчин, простые работяги. Приехали на экскурсию, а может, местные жители, потом в усадьбе мы их не встречали. Стоя за ними, ожидали услышать все что угодно, но кроме слов почтения к памяти поэта не услышали ничего.

Могила поэта в семейной часовне

Это ли не выражение народной любви и признание величия поэта, высказанное не экзальтированными интеллектуалами, а простыми людьми, почувствовавшими его близость и понявшими его. Потом появился их коллега с огромной охапкой многолетних поздно цветущих астр и раздал своим друзьям. Где он их нашел, где нарвал, вероятнее всего, нарушив рамки приличия? Но, безусловно, поступил благородно, лишний раз подтвердив свое отношение к поэту.

Через село возвращаемся к усадьбе. На ее территории барский дом, церковь Марии Египетской, людская, дом ключника, парк, сады, дубовая роща и пруды. В сувенирной лавке, кроме магнитов на холодильники, ничего нет, зато продают крупные антоновские яблоки. Год яблочный. У нас их тоже уродилось много.

На входе в усадьбу вежливые, в новых формах, полицейские. Похоже, они прослушали лекцию о жизни поэта и об усадьбе, эрудированные и знающие, а самое главное - местные. Открытия делаются там, где этого совсем не ожидаешь, а встреча с суровыми пензенскими мужиками на кладбище - наверное, это действие тархановской атмосферы и витающего кругом духа поэта. Скорее всего, плохо знаем мы своих соплеменников, переоценивая себя и недооценивая их.

Впечатления только личные. Каждый открывает для себя то или иное событие, явление из книг, рассказов очевидцев, фильмов, фотографий, интернета. Каждый воспринимает увиденное через призму собственных ощущений, настроения и возраста. Со временем остается только главное, второстепенное стирается, исчезает.

Дорога к усадьбе проходит по берегу пруда, резко поворачивает, и открывается перспектива барского дома и церкви Марии Египетской. Пасмурно и тепло. Кругом чистота, много посетителей и цветов у памятника поэту. Это единственный памятник Лермонтову в гражданской одежде, скромный и домашний.

Барский дом и церковь Марии Египетской

Памятник М. Ю. Лермонтову. Скульптор О. Комов

Стайка школьников ожидает своей очереди у барского дома. Крутятся, вертятся, бегают и толкают друг друга. Как ни крутись, а эта поездка запомнится им навсегда, слова экскурсовода не раз еще всплывут в памяти, воскресят прошедшее. Через много лет им, может быть, еще придется пройти по этим дорожкам со своими детьми или внуками, вспомнятся друзья и этот день.

А день действительно прекрасный, тепло и нет дождя. Влажный воздух поглощает звуки, чуть заметная дымка сглаживает контуры предметов, не яркая поздней осенняя листва успокаивает взгляд. Всего несколько шагов в сторону от группы экскурсантов - и ты один, наедине с собой. И может быть, сейчас по белому мостику через ручей пройдет в задумчивости поэт. Последнее тепло.

Редко присоединяемся к организованным группам, готовимся к поездке сами. Иногда выхватываем из рассказов экскурсоводов, проходящих групп, интересные факты, запоминаем их, иногда задаем вопросы и ждем на них ответы, но каждый раз удивляемся профессионализму этих людей и преданности профессии.

У дома ключника нам встретила молодая девушка в народном костюме. Она смущена этой встречей. Мы застали ее в непривычной для нее обстановке, не в интерьере дома, а в простой житейской ситуации. Двести лет тому назад ее прабабка, наверное, также встречалась со строгой бабушкой поэта и его мамой. Ничего не изменяется, красота и любовь остаются неизменными.

У дома ключника

В комнатах барского дома полумрак. Электрического освещения нет, только естественное, через окна. В экспозиции предметы той эпохи, подлинных вещей осталось очень мало, считанные единицы. Пожары уничтожали все, но каждый раз все восстанавливалось заново.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Менялись люди, власти, пропадали вещи, а людской поток не иссякал. Экскурсии расписаны, мероприятия запланированы на многие месяцы вперед. Два столетия прошло, и ничего не стерто, не забыто, любовь и почтение только крепнут. Ничего не изменилось, красота слога отполировалась временем, и с каждым годом написанное Лермонтовым все ближе и понятней. Как спешили жить, как ценили время и каждую отпущенную минуту. За неполных двадцать семь лет столько написано, столько сделано, столько пережито, столько нам оставлено. А чем мы можем похвалиться?

Комнаты барского дома просторны и уютны, обстановка проста. Чудесные виды открываются из окон. Окружающее умиротворяет и успокаивает. Осенний пасмурный день нисколько не портит настроение, лишь усиливает остроту восприятия атмосферы Тархан.

Группа за группой проходят через комнаты, внимательно, иногда рассеянно слушают экскурсовода. Все надо уложить в маленький промежуток времени, втиснуть жизнь поэта в несколько минут рассказа, не пропустить главное, оставить интригу, заставить слушателя самостоятельно восполнить не услышанное, закончить фразу недосказанного и вернуться сюда еще раз.

Гостиная

На улице по-прежнему пасмурно и сыро, никого нет. Попали в какой-то странный пересменок между экскурсиями. Наслаждаемся тишиной, спокойствием готовящейся к зиме природы, увядшей листвой, еще висящей на ветках, красками осени и последними теплыми днями. В храме Марии Египетской тоже никого, а во время приезда Лермонтова в отпуск в нем всегда служили благодарственный молебен. После многих лет тишины службы в храме возобновились. Помним и выздоравливаем.

В саду полно яблок. Желающие их собирают. Никакого запрета. Мы тоже выбрали два яблока и довезли их до самого дома, где они напомнили нам о Тарханах. Бродим молча. О чем говорить - все высказано.

Покидаем усадьбу. Навстречу нам очередная волна посетителей. Теперь их очередь почувствовать и вдохнуть атмосферу Тархан. У нас задачи другие, самые приземленные.

Последний взгляд на барский дом и парк. Прощаемся. Очарованы, а это главное.

Нам дальше. Программа выполнена, осталось перекусить на дорожку - и в Пензу. Ты предполагаешь, а бог располагает. Жизнь вносит свои коррективы. Все кафе закрыты на спецобслуживание, а значит, надо искать альтернативные источники питания. Ближайший в городе Белинском, и не так далеко, всего 15 километров. Что ж, вперед! Время есть, спешить некуда, к тому же там музей В. Г. Белинского.

Чембар

Чембар – прежде, до 1948 года, название города Белинского. Город частного домовладения. Привычных взору многоэтажек нет, лишь несколько трех- и четырехэтажных зданий дореволюционной постройки. Движения на улицах никакого, и если бы не подробное объяснение полицейского, как проехать к музею, мы бы заблудились.

Предполагалось, что эта поездка будет заурядной и недолгой. Главная цель поесть, а уж потом посетить музей – без особой цели, что называется, мимоходом. Получилось все совсем наоборот.

Чембар – настоящая провинция, глубинка. Памятные события: посещение города императором Александром I в 1824 г. и Николаем I в 1836 г. Почему Белинский? Да потому, что отец будущего публициста получил в Чембаре место земского врача и переехал с семьей из Свеаборга, где в 1811 году и родился Виссарион Григорьевич. Здесь он проучился сначала в реальном училище, затем в уездной гимназии, бросил ее и поступил в московский университет. При поступлении изменил и фамилию с Бельнский на Белинский.

Город не привлек нашего внимания – заштатная провинция. Только главная дорога в хорошем состоянии, все остальное так себе. Тротуары еле отделимы от проезжей части, а по преимуществу их вовсе нет. Подъехали к музею, вернее, к тому месту, где он должен быть. Вход в музей и билетную кассу нашли не сразу. Обычный парк, рядом с вывеской магазина «Детские товары» – касса музея.

В музейной кассе никого: нас не ждали. День подходил к концу, вечерело. Билеты продали, и кассир, опережая нас, пошел по направлению к чуть приметному домику, который мы приняли за полуразвалившийся сарай. Подойдя к строению, увидели на дверях замок и чуть позже спешащего к нам экскурсовода, вызванного кассиром. Вроде бы начало обнадеживающее, но одновременно казалось, не сулящее ничего приятного. Замок снят, дверь открыта. Полумрак неосвещенного помещения не настраивал на мажорный лад, но как мы ошибались!

Это и есть та самая комната

Всего несколько комнат, только подлинники в великолепном состоянии. Все доступно, все рядом. Экскурсия – только ты и хранитель. Все очень скромно и просто, никаких прикрас и бутафории, все живое, дышащее эпохой. Простое общение с сопровождающим, вопросы и ответы сотрудника, бесконечно влюбленного в свое дело и необычайно эрудированного. Поражаешься страсти и желанию передать все то, чем дорожит, что любит и знает этот человек, видеть и чувствовать, как он истосковался по слушателю и вниманию к себе, к своим знаниям.

Такой искренности импровизированного рассказа двум случайным посетителям мы не испытывали никогда.

Невзрачное строение в 1836 году было около двух недель резиденцией Николая I. Недалеко от города карета, в которой ехал царь, попала в аварию, Николай I сломал ключицу и до выздоровления находился в Чембаре. Из самого Санкт-Петербурга сюда переправлялась вся

корреспонденция, отсюда гонцы и посыльные развозили распоряжения и царские указы по всей России. Скромно и по-царски. Не место красит человека...

Аскетичная красота экспозиции заворожала, вовлекла в эпоху, в простоту вещей, открыла и подчеркнула их истинную ценность. Каждый предмет на своем месте, несет художественную и смысловую нагрузку. Все пронизано духом того, давно ушедшего времени, не утраченного, бережно и любовно сохраненного.

Беседа могла длиться без конца, но время нещадно бежит вперед, и надо переходить в другое здание музея.

Дом семьи Белинских в Чембаре

Теперь дом, где жила семья Белинских. Сначала показалось, что дом заново отстроен, но очень скромный и доброжелательный ожидающий нас на пороге смотритель объяснила, что дом отреставрирован к 200-летию В. Г. Белинского. Ничего не утрачено, все сохранено. Вновь камерное, живое общение. В музее никого и, может быть, давно никого из простых негрупповых посетителей не было.

Вещи, семейные реликвии - только подлинные. Скромные осенние цветы в вазах там, где им и положено быть. Живущие в доме просто ненадолго вышли и оставили нас одних в коротком ожидании. Сопровождающий сделал нам поблажку, разрешил притронуться к раритетам, показал тайные полочки, где только при реставрации мебели были обнаружены спрятанные от посторонних глаз документы. Чистота такая, что диву даешься, но все живое, действующее, обласканное вниманием и заботой сотрудников. Они не работают, а живут музеем. Это их дом, их заботы и печали, радости, восторги и любовь.

Никогда не хотелось погружаться в сложности творчества В. Г. Белинского, но энтузиазм и любовь музейщиков подвигли на то, чтобы более серьезно отнестись к творчеству публициста. Много не воспринимаю из его суждений, а главное - его атеизм. *В. Г. Белинский не любит литературу, не наслаждается поэзией, а лишь критикует творчество современников, требуя исправлений, создавая новые, кажущиеся ему истинными ценности.* В его работах нет доброты, автор не испытывает удовольствия от прочитанного, выискивает только отрицательное и не чувствует красоты. Для того времени, наверное, это был прогресс, открытие. Никто не позволял себе подобного, литература была уделом избранных. Время все расставляет по своим местам. Построить что-то, отрицая все, что было до этого, невозможно. Совершенствование шло от золотого к серебряному веку литературы. Где-то мы сейчас и не пора ли вновь перечитывать Белинского?

Впрочем, это мои суждения, а мы в единственном музее, посвященном публицисту-критику. Кстати, музей был открыт в 1938 году.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Уникально собрание книг музея. Такого количества раритетов в практически открытом доступе не приходилось видеть раньше. Это гордость и богатство музея.

Может быть, потому, что музей не избалован посетителями и персонал ориентирован преимущественно на организованные группы, общение со случайными, не запланированными посетителями получается домашним, непринужденным. Работник застигнут врасплох, вне строго официальной готовности, ищет подход к посетителю,

Интерьер одной из комнат дома Белинских

прощупывает уровень его знаний, потребность в той или иной информации, подбирает форму и манеру ее представления. Искушенные множеством таких случаев, мы не мучим экскурсовода, и тогда экскурсия превращается в доверительную откровенную беседу. Это ли не вершина общения и познания?! С трудом покидаем дом Белинских, никак не можем расстаться со зрителем, которая все рассказывает и рассказывает и никак не хочет нас отпускать. Ей хорошо, а нам еще лучше.

Третья часть экспозиции музея-мемориала посвящена творческому наследию критика. Вновь поражает огромное количество книг, прижизненных изданий писателей и поэтов той эпохи. Здесь же полное собрание произведений самого В. Г. Белинского и вся литература о нем на многих языках мира.

Экскурсовод появилась почти вместе с нами на пороге экспозиционного зала и никак не могла отдышаться. Наверное, ей сообщили о странно редких посетителях и об обязательном её присутствии в залах экспозиции. Сначала смущение, немного сбивчивая речь, поиски путей общения с посетителями, но скоро вся напряженность спала и экскурсия превратилась в непринужденную беседу. Как много хотелось уместить в малый промежуток отведенного времени этому человеку, как много рассказать и показать!

Время, как всегда, неумолимо. Вечерело, и музей готовился к закрытию. Музейный парк встретил нас знакомыми лицами экскурсоводов, которые собирали упавшую на газоны и дорожки листву. Пахло дымом тлеющих костров, небо становилось прозрачным и высоким. Нас проводила скульптура «Журавушка» - символ города, и доброжелательные лица сотрудников, желющих нам счастливого пути. Мы стали чуточку ближе и роднее. Нас не узнают в следующий раз, но встретят так же радушно и радостно.

Пообедать мы пообедали. Рядом две двери. Одна простенькая, скромная, другая с провинциальными претензиями. Мы выбрали поскромнее - и не ошиблись. Меню не блещет разнообразием, но блюда добротные и вкусные, по московским меркам цена «никакая». Кофе, конечно, растворимый, чай из пакетиков, но все остальное оригинально и вкусно. Кроме нас, были еще посетители, и чувствовалось, что данное заведение пользуется популярностью.

Уезжаем. Грустно. Музей очаровал, а люди, работающие в нем, пленили непосредственностью и профессионализмом. Могу судить об этом потому, что несколько прекрасных лет работал в музее и даже был некоторое время его заведующим, чем горжусь до сих пор.

Здесь еще хочется привести слова В. Г. Белинского, просто так: «Благородная нищета лучше мечтательного богатства!».

В Пензу

Погода, испугавшая ненастным утром, значительно улучшилась. Небо порозовело, солнце стало пробиваться через облака, опускаясь все ниже к горизонту. Дождь сделал свое дело, обочины размыты, свежая пахота черна. Дорога заполнилась транспортом, и вновь проблемы с обгоном из-за выстроившихся гуськом большегрузов. Наглые украинские дальнбойщики никак не хотят уступать дорогу и в редких местах обгона перекрывают трассу, прижавшись боками друг к другу. Наверное, это месть или продолжение борьбы за самостоятельность, но мы выше этого, за нашими плечами Тарханы и Чембар и масса всего, что мы чтим, а не разрушаем.

Когда все эмоции улягутся, останется только главное от поездки. Выводы потом, сейчас только эмоции и дорога.

Ночной променад по Пензе. Ювелир

В Пензу приехали, когда серые сумерки чуть тронули небо. Осталось немного времени, которое и было посвящено прогулке по уже ночному городу. Наконец дошли и прошли по главной пешеходной улице города. Это совсем недалеко от нашего временного жилища. Местный «Арбат» красив в свете фонарей и светильников. Его украшают памятники и бюсты. Магазины, кафе и рестораны привлекают приветливыми огнями. Народ, как и мы, не утруждает себя ничем и просто прогуливается, заглядывает в витрины и отдыхает.

Завтра обещают похолодание, в Москве уже холодно. Последние опавшие листья усыпали тротуары, желтеют в свете фонарей, шуршат под ногами, скрадывая шаги и звуки.

Еще тепло. Наслаждаемся прогулкой, завтра снова в дорогу. До дома 650 километров.

Дорога

Прогноз погоды не обманул: за окном серо и холодно. Завтрак, сборы - и в путь. На этот раз покинуть Пензу удалось почти без проблем. Из-за ремонта объездной дороги немного пришлось постоять на развороте, но все позади. Полный вперед, домой.

Усталости пока нет, утро. Впечатления вчерашнего дня вдохновляют, греют и прибавляют силы. Позади уже 800 километров и чуть меньше впереди. Дорога домой всегда короче и приятней. Там, где влага от вчерашнего дождя не успела вымерзнуть за ночь, лед, а пока дорога в хорошем состоянии, минус два градуса.

Чем дальше отъезжаем от Пензы, тем сильнее холодает. Снега с каждым километром становится все больше. Зимняя резина делает свою работу, машина устойчива и послушна. Много по дороге узнаваемо, только окрашено в другой цвет, цвет наступающей зимы. Ждем встречи с поселком Кувак-Никольское, отмеченным ранее. Интересно посмотреть на него хотя бы из окна автомобиля, так как это родина одной из моих коллег по работе. Поселок проехали, он остался по левому борту, немного в стороне от трассы, уходит вниз по косогору и исчезает внизу.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Между тем пошел снег. Конечно это не настоящий, зимний снегопад, а первый, робкий. Упав на асфальт, он мгновенно тает и превращается в месиво под колесами автомобилей. Прекрасны поля, где зеленеют всходы озимых. Земли уже не видно, а изумруд побегов горит на фоне первого белого снега.

Суббота, машин мало. Проезжаем знакомый город Спасск. Березовая аллея еле различима на белом фоне, листья улетели, ветви голые. Наконец разглядели дорожный указатель с обозначением города Умет.

Нас утро встречает прохладой

В нем все по-прежнему: бесконечная линия кафе вдоль дороги, дымы над мангалами и причудливые зазывающие вывески.

Вроде ничего не нарушаем, когда сзади слышим сирену полицейской машины, но она обогнала нас и притормозила другую спокойно двигающуюся легковую машину.

Вновь высматриваем у дороги ранее примеченное, а это дары местных полей и огородов. У старенькой бабушки купили две красивые, большие тыквы и морковь. Потом еще остановка, и приобретены груши из местных садов. Никогда не думал, что в Рязанской области так много их выращивают, и отменного качества.

Все дальше и дальше от Пензы и ближе к дому. Соскучились, да и усталость дает о себе знать. Впереди Рязань, и вновь бесконечная пробка. Вновь рязанцы показывают свою крутость и полное пренебрежение к правилам дорожного движения. Долго пробираемся через эту пробку. На выезде из Рязани обедаем в одном из многочисленных придорожных ресторанов. Очень уютно, тепло и вкусно. Обслуживают умело и доброжелательно.

Вновь уткнулись в пробку уже на территории Московской области. Мост через Москву-реку узок, и совсем стемнело. Никакой возможности хоть как-то ускорить движение, терпеливо стоим в бесконечной очереди. Времени у Рязани и на подступах к Москве потрачено больше, чем на всю остальную дорогу.

Москва встречает огнями. Машин мало, знакомым маршрутом доезжаем до дома.

Вот и все.

Послесловие

Сравнивая Тарханы и Чембар, приходишь к мысли, что Тарханы - это прекрасно поставленное шоу в тени прославленного поэта, который еще незримо присутствует и покровительствует месту своего упокоения. Красота усадьбы навсегда запечатлена памятью и останется там навсегда.

Разочаровало то, что село Лермонтово превратили на время приезда президента в потемкинскую деревню. Фасады домов обили железом и выкрасили, спрятав разруху. От кого спрятали, а главное - зачем?

Чембар - это дух свободной мысли, творчества, преданности и любви. Жаль, что снова пережить очарование Чембара будет невозможно. Такое дается только раз.

Московский BAZAR, № 2 (16) 2015 г.

Дорога бесконечна. Появившись на ней всего на миг, не покинешь ее никогда, как ни старайся. Это движение, открытия и преодоление, совершенство и смирение. На ней нет праздношатающихся, у каждого свое предназначение. У дороги всегда есть начало, прямая не всегда самый короткий путь между двумя точками, а запланированные события наступают всегда с той лишь разницей, что ожидаем мы их иногда не за тем поворотом.

Тарханы и Чембар - разные, но вместе, неразрывны, связаны временем. Романтизм и прагматизм рядом, неотделимы. Если появится такая возможность, удостоьте своим вниманием и то и другое.

Счастливого пути!

М. Панфилова. Автопортрет. Картон, масло, 2002 г.

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2015